

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

УДК 32:303.8].316.3; 321

На правах рукописи

ЖАНКУЛИЕВА САУЛЕ АМАНЖОЛОВНА

**Политологические проблемы модернизации в Казахстане и Венгрии:
сравнительный анализ**

6Д050200 - Политология

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философии (PhD)

Научный руководитель
Член - корреспондент НАН РК,
Доктор философских наук,
профессор Абсаттаров Р.Б.

Республика Казахстан
Алматы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ И ВЕНГРИИ.....	15
1.1 Концептуальные подходы к исследованию процесса модернизации: политологический анализ.....	15
1.2 Специфика модернизации переходного общества: политологические аспекты	29
1.3 Современные тенденции и перспективы модернизации.....	40
1.4 Зарубежный опыт модернизации общества: уроки для Казахстана и Венгрии.....	50
2 КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	63
2.1 Исходные условия, основные этапы и стратегические контуры модернизации в Казахстане.....	63
2.2 Роль и влияние государства и институтов гражданского общества в процессе модернизации Казахстана	78
2.3 Перспективы дальнейшей демократизации казахстанского общества и государства в процессе модернизации.....	95
3 ОСОБЕННАЯ И ОБЩАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В ВЕНГРИИ.....	115
3.1 Предпосылки и условия для демократического перехода в Венгрии в процессе модернизации.....	115
3.2 Специфика модернизации ведущих социально-политических институтов Венгрии.....	134
3.3 Дальнейшие перспективы социально-политического развития Венгрии.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	166
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	170

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. В диссертации исследуется процесс политической модернизации, определяются ключевые теоретико-методологические подходы к изучению данного процесса в политической науке, проводится политологический анализ основных этапов, специфики, конкретно-исторических и организационно-политических аспектов модернизации в условиях эволюции политических систем Казахстана и Венгрии, выявляется и оценивается роль ведущих социально-политических институтов в данном процессе.

Актуальность темы исследования. В контексте прохождения Республикой Казахстан 21-летнего рубежа в процессе своего развития в качестве суверенного независимого государства особую важность приобретают вопросы всестороннего и объективного осмысления итогов эволюции казахстанской государственности и перспектив дальнейшего развития республики.

Провозглашение 16 декабря 1991 года государственной независимости Казахстана придало импульс формированию новой политической идентичности казахстанского общества. Руководством страны во главе с Президентом РК Н.А. Назарбаевым был объявлен курс на системное реформирование государственных институтов, построение демократии, правового государства и рыночной экономики. Если в 1988-1991 гг., когда Казахстан еще находился в составе Союза ССР, этот курс был неотъемлемым условием перехода от тоталитарной политической системы к обретению республикой своего суверенитета, то с 1992 года он становится ключевым фактором дальнейшего развития Казахстана как независимого государства и необходимым условием его вхождения в мировое сообщество.

В течение последних трех лет (2010-2012 гг.), когда Казахстан, представляющий собой полноценное и состоявшееся суверенное государство, вышел на качественно новую траекторию своего развития, именно модернизация политической системы, национальной экономики и социальной сферы страны стала стратегическим трендом дальнейшего развития казахстанского общества и государства на среднесрочную и долгосрочную перспективу в соответствии с реализациями целей и задач, которые определены в Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года, утвержденном Указом Президента РК от 1 февраля 2010 года, и Послании Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства», озвученном 14 декабря 2012 года.

При всей многочисленности научных работ отечественных и зарубежных ученых по вопросам политического развития Казахстана все же имеется ряд теоретических и прикладных вопросов, требующих своего решения и максимально объективных ответов. Актуальным также является рассмотрение

содержания и подходов к решению некоторых из них в свете тенденций настоящего времени.

В частности, различные исследователи процесс трансформации Казахстана из одного политического состояния в другое называют по-разному: «демократизация», «транзит», «демократический переход», «политическое реформирование», «политическая модернизация» и т.д. Вместе с тем очевидно, что довольно сложную и неоднозначную за годы независимости Казахстана эволюцию политической системы республики нельзя объяснить однозначно с точки зрения классических теорий и зарубежных моделей политической модернизации в силу национальной специфики социоисторического развития казахстанского общества.

К примеру, имеют место серьезные отличия политической трансформации между государствами Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и постсоветскими странами, включая Казахстан, с другой стороны. В первых из них в результате так называемых «бархатных революций» 1988-1990 гг. произошло падение тоталитарных коммунистических режимов и, как следствие, была установлена демократия со всеми ее ключевыми атрибутами. Иначе говоря, здесь произошла главным образом смена политического режима и соответствующей ему системы общественных отношений.

В Казахстане же и других бывших советских республиках этот процесс пошел гораздо дальше демонтажа тоталитарной системы – в сторону выбора эффективной стратегии строительства национального государства и формирования качественно новой модели политического и социально-экономического развития. В связи с этим здесь можно говорить о системном изменении общества и его институтов.

Как отметил в своем Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» Глава государства: «Перед нами стояла гигантская задача - переломить ход событий. Построить новую страну. Чтобы ее решить, мы должны были провести тройную модернизацию: построить государство и совершить прорыв в рыночную экономику, заложить основы социального государства, перестроить общественное сознание. Мы должны были определить наш собственный путь» [1].

В научных кругах также остается открытым и дискуссионным вопрос относительно того, завершилось или продолжается развитие Казахстана в рамках политического транзита. Наконец, еще более важной является задача проследить тенденции общественно-политического развития казахстанского общества и государства на ближайшую перспективу. В свою очередь, это позволит выявить хотя бы приблизительные очертания возможных результатов и последствий проводимой в настоящее время политической модернизации.

Таким образом, определенные сложности в исследовании процессов модернизационного развития различных государств связаны главным образом с их страновой спецификой. Прежде всего, это касается тех социальных,

экономических, духовно-культурных, внутри- и внешнеполитических факторов, которые оказывают непосредственное влияние на эти процессы, обуславливая тем самым темпы их протекания, ключевых акторов, промежуточные и конечные результаты и т.д.

В то же время следует признать наличие общих моментов в процессе политической модернизации посткоммунистических стран, имевших при прежних режимах правления схожие элементы в конструкции и функционировании политических систем. В свою очередь данное обстоятельство позволяет рассматривать данный процесс, проходящий в Казахстане и любом из государств Центральной и Восточной Европы, в интересах ознакомления каждой из этих стран с соответствующим опытом и возможного его применения в собственной практике.

В рамках настоящей диссертационной работы в качестве таковой страны была выбрана Венгрия. Этот выбор обусловлен тем, что помимо фактора посткоммунистической модели развития Казахстан и Венгрию также связывают следующие важные моменты.

Во-первых, доказана общность исторических и социокультурных судеб казахского и венгерского народов. В частности, ученые наблюдают единство ряда этнокомпонентов, вошедших в состав казахов и венгров, равно как имеющие у них место лингвистические, топономические, антропономические и антропологические параллели [2]. Это обусловлено влиянием кипчакских и куманских племен, сыгравших в свое время существенную роль в процессе формирования рассматриваемых этносов.

Нужно отметить, что в 1239 году вследствие нашествия монголов часть кипчакских племен покинули земли Дешт-и-Кипчака и переселились на территорию современной Венгрии. В связи с этим в этой стране имеется область Куншаг, которая состоит из двух частей – Кишкуншаг, или Малая Кипчакия, и Надькуншаг, или Большая Кипчакия [3]. Впоследствии в процессе аккультурации в местной среде кипчаки претерпели значительные изменения, сохранив при этом многое из сформировавшихся в кочевых условиях традиций. Таким образом, тюркское этнокультурное влияние заметно отразилось в этногенезе венгров.

Во-вторых, между Казахстаном и Венгрией сложились и развиваются дружественные и конструктивные взаимоотношения. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 23 марта 1992 года. В марте и сентябре 1993 года Венгрия и Казахстан соответственно обменялись посольствами. Венгрия признана одним из ключевых союзников Казахстана среди стран Восточной Европы. Официальный Будапешт неоднократно заявлял, что считает нашу страну стратегическим партнером в Центрально-азиатском регионе, а также готов служить для нее «воротами в Европу». Обе страны наладили регулярный политический диалог. Позиции по большинству вопросов международной политики у них совпадают. Венгрия была в первых рядах государств, которые поддержали заявку Астаны на председательство в

Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) [4].

В-третьих, обе страны наращивают взаимодействие именно в вопросах политической модернизации. Показательными в этом отношении, к примеру, являются результаты рабочего визита в Венгрию в конце февраля 2013 года казахстанской делегации из числа государственных служащих во главе с председателем Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы А.М. Байменовым. Члены делегации встретились с государственным секретарем Министерства государственного управления и юстиции Венгрии М. Биро, министром по вопросам сотрудничества с международными финансовыми организациями и сопредседателем казахстанско-венгерской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству М. Варгой, ректором Национального университета государственной службы А. Пати. По итогам визита был подписан Меморандум о взаимопонимании между Агентством РК делам государственной службы и Министерством государственного управления и юстиции Венгрии. Во время пребывания в Венгрии представители казахстанской делегации также ознакомились с ее опытом реформирования государственной службы, создания высшего управленческого корпуса, обучения государственных служащих и борьбы с коррупцией [5].

Совокупность представленных аргументов, включая необходимость положительного решения отмеченных выше вопросов, обуславливает актуальность настоящего исследования.

Степень разработанности темы. Вопросы модернизации политических систем в процессе развития человеческого общества в целом, отдельных регионов и стран мира являются предметом многочисленных научных исследований, в которых тесно переплетаются политологические, социологические, исторические и философские подходы.

По сравнению с рядом фундаментальных категорий политики, нашедших свое осознание и изучение в политической мысли и науке, модернизация является относительно молодой категорией в рамках современной политологии. Она получила свое распространение в разработанной, начиная с 1950-1960-х гг., теории модернизации. Значительный вклад в исследование данного явления внесли такие зарубежные ученые, как Г. Алмонд [6], Д. Аптер [7], Р. Бендикс [8], С. Блэк [9], М. Леви [10], Д. Лернер [11], Л. Пай [12], Т. Парсонс [13], У. Ростоу [14], Н. Смелзер [15], С. Хантингтон [16], В. Цапф [17], Ш. Эйзенштадт [18] и др.

На рубеже XX-XXI вв. подходы к оценкам модернизации подверглась серьезному пересмотру. На этой основе, в частности, появилась и стала распространенной такая категория, как «постмодернизация». Среди представителей новой волны исследователей, придерживающихся соответствующих подходов в изучении модернизации, можно отметить Дж. Александера [19], З. Баумана [20], У. Бека [21], Э. Гидденса [22], П. Дракера [23], Р. Инглегарт [24], К. Крауча [25], С. Лэша [26], Э. Тоффлера [27], А.

Турена [28], Ю. Хабермаса [29], П. Штомпку [30] и др.

Социально-политические процессы, произошедшие в конце 1980-х - начале 1990-х гг. в странах Центральной и Восточной Европы, бывшем Союзе ССР и образовавшихся после его распада новых независимых государствах, серьезно повлияли на расширение теоретико-методологических аспектов исследования политической модернизации. В рамках изучения данных процессов теория модернизации стала использоваться в тесном соприкосновении с другим направлением современной политологии – теорией политического транзита. Сама модернизация преимущественно стала отождествляться с социально-политическими преобразованиями демократического характера.

На постсоветском пространстве актуальные проблемы политической модернизации и ее воздействия на общественное развитие в условиях переходного периода представлены в работах ученых Российской Федерации. Среди них следует отметить А.Н. Аринина [31], С.Н. Гаврова [32], К.С. Гаджиева [33], В.Л. Иноземцева [34], Б.Г. Капустина [35], В.А. Красильщикова [36], С.А. Панкратова [37], И.В. Побережникова [38], Г.В. Федотову [39] и т.д.

Различные аспекты политической модернизации в контексте постсоциалистической трансформации в Венгрии исследуются в трудах таких ученых и общественно-политических деятелей этой страны, как Л. Андор [40], Р. Андорк [41], И. Баба [42], Э. Барта [43], Ч. Гомбар [44], Б. Желицки [45], Э. Кешкенъ [46], Т. Краус [47], Т. Мезарос [48], П. Сигети [49], А. Силади [50], Я. Симон [51], Ф. Спейсер [52], П. Тельдеши [53], Л. Тютё [54] и т.д. При этом, если ранние этапы политического развития венгерского общества и государства рассматриваются большинством из соответствующих авторов как период энтузиазма и позитивных ожиданий в условиях демократизации, то поздние этапы оцениваются ими уже в контексте несбывшихся надежд и разочарований. Такое переосмысление процесса и результатов политической модернизации придает рассматриваемым работам особый интерес.

С точки зрения теоретико-методологических и прикладных аспектов основополагающее значение для настоящего диссертационного исследования имеют политические и научно-теоретические произведения Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева: «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» [55], «На пороге XXI века» [56], Стратегия «Казахстан 2030» [57], «Критическое десятилетие» [58], «Казахстанский путь» [59] и др. Находясь у истоков и лично возглавляя процесс государственного строительства в суверенном Казахстане, Глава государства в своих книгах, Посланиях народу Казахстана, статьях и выступлениях подводит итоги рассматриваемого процесса на различных его стадиях, обосновывает его выход на уровень политической модернизации и обозначает контуры дальнейшего развития республики в среднесрочную и долгосрочную перспективу.

В рамках отечественной политической науки специфике и различным

аспектам проведения политической модернизации в контексте развития государственности и внутривполитических процессов в Республике Казахстан посвящены научные труды казахстанских ученых Р.Б. Абсаттарова [60], М.С. Ашимбаева [61], Б.Г. Аягана [62], А.Х. Бижанова [63], Ю.О. Булуктаева [64], Ж.Х. Джунусовой [65], Е.К. Ертгысбаева [66], Р.К. Кадыржанова [67], Л.И. Кармазиной [68], М.Б. Касымбекова [69], М.С. Машана [70], А.Н. Нысанбаева [71], Е.Т. Сейлеханова [72], И.Н. Тасмагамбетова [73], А.Е. Чеботарёва [74], З.К. Шаукеновой [75] и т.д.

В то же время при всем многообразии научно-теоретических публикаций по различным аспектам политической модернизации само это явление не получило системного и комплексного изучения. Также не выявлен уровень соответствия хода и результатов модернизационных процессов в Казахстане ключевым теоретико-методологическим характеристикам модернизации как категории современной политической науки. Отсутствуют политологические оценки влияния проводимой руководством республики социальной и политической модернизации на дальнейшее развитие Казахстана в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Наконец, очень мало специальных работ, посвященных сравнительному исследованию модернизации политических систем Казахстана и других стран посткоммунистической модели развития.

За годы обновления, реформирования, модернизации общества как в отечественной, так и в венгерской политической науке, научная разработка проблем сравнительного анализа политических модернизаций Казахстана и Венгрии не была предметом специального комплексного, фундаментального изучения, по-новому ставящего и рассматривающего ключевые вопросы политической модернизации. Необходимость научного анализа в свете нового осмысления проблемы, обусловили выбор темы, цели и задачи диссертационного исследования.

В связи с этим настоящая диссертация является попыткой продвинуться вперед в системном и комплексном исследовании политической модернизации в отечественной политической науке.

Объектом исследования является политическая модернизация в Казахстане и Венгрии.

Предметом исследования выступают общие и специфические черты социально-политического развития Казахстана и Венгрии в условиях посткоммунистической трансформации данных государств.

Целью диссертационной работы является комплексное исследование теоретических и прикладных аспектов политической модернизации с учетом опыта ее проведения в Казахстане и Венгрии в условиях переходного периода.

В соответствии с поставленной целью исследования были определены следующие **задачи**

- проанализировать теоретико-методологические подходы к изучению модернизации в современной политической науке;

- определить сущность переходного общества и основные политологические аспекты его модернизации;
- рассмотреть зарубежный опыт реализации различных моделей модернизации;
- выявить основные тенденции и вероятные перспективы политической модернизации в динамике современного мирового процесса;
- провести сравнительный анализ политической модернизации в Казахстане и Венгрии с выделением общих и специфических моментов;
- выявить основные предпосылки и условия для подготовки и осуществления модернизационных процессов в Казахстане и Венгрии;
- определить разновидности и характер модернизации в контексте этапов развития политических систем Казахстана и Венгрии;
- дать оценку роли и уровня участия ключевых социально-политических акторов в модернизационных процессах в Казахстане и Венгрии;
- подвести текущие итоги и обозначить вероятные перспективы социально-политического развития Казахстана и Венгрии в контексте модернизации;
- обосновать и предложить меры, способствующие более эффективному проведению политической модернизации в Казахстане и Венгрии.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в отечественной политологии впервые предпринята попытка комплексного сравнительного анализа политических систем современных Казахстана и Венгрии в контексте процессов политической модернизации.

В рамках исследования получены следующие новые научные результаты:

- доказано, что модернизация представляет собой практически непрерывный процесс в контексте функционирования политической системы любого общества;
- проведен комплексный сравнительный анализ политической модернизации Казахстана и Венгрии как суверенных государств с учетом промежуточных итогов и ключевых трендов настоящего времени;
- составлена современная периодизация процесса политической модернизации в контексте политического развития Казахстана и Венгрии;
- выявлено устойчивое сочетание элементов либерального и консервативного направлений теории модернизации в процессе политического развития Казахстана при доминировании вторых;
- обоснована приближенность казахстанской модернизационной модели к таким разновидностям модернизации, как эндогенно-экзогенная, догоняющая и частичная (незавершенная), при выражении своей специфичности;
- рассмотрено применительно к Казахстану и Венгрии соотношение категорий «политическая модернизация» и «политический транзит»;
- проанализированы имеющиеся на текущий момент времени сформулированные и представленные различными общественно-

политическими акторами альтернативные подходы к проведению политической модернизации в Казахстане и Венгрии;

- обосновано, что главным условием успешного проведения в Казахстане модернизации является внутривластная стабильность;

- обозначены вероятные сценарии дальнейшего проведения модернизации политической системы Казахстана и Венгрии на ближайшую перспективу.

С учетом всего этого настоящая диссертация является одним из первых обобщающих исследований в казахстанской политологии по комплексному сравнительному изучению основных теоретических и прикладных аспектов политической модернизации.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили общепризнанные в мировой политической науке методы и подходы.

В качестве основного метода использован системный анализ, который предполагает целостное рассмотрение политической модернизации как сложного и многоуровневого явления, тесно взаимосвязанного с политической культурой общества и социально-экономическими процессами внутри страны.

Сравнительный анализ в рамках настоящего исследования использован в целях:

- выявления общих и специфических моментов в процессе политической модернизации в Казахстане и Венгрии;

- оценки результатов политического развития рассматриваемых государств на разных этапах проведения модернизации;

- определения роли и уровня участия в модернизационных процессах в ведущих социально-политических акторов (государство, политические партии, неправительственные организации и т.д.).

Для определения перспектив дальнейшего социально-политического развития Казахстана и Венгрии в контексте проведения модернизации был использован метод сценариев.

В рамках оценки демократизации Венгрии в процессе ее посткоммунистического развития была использована теория демократии американского политолога А. Лейпхарта, основанная на выделении двух моделей демократии – мажоритарной, или вестминстерской, и консенсусной.

Многие выводы настоящего исследования вытекают из контент-анализа использованных при написании настоящей работы источников документального характера и публикаций в периодических изданиях.

Источниковую базу исследования составляют

- 1) научные труды казахстанских и венгерских исследователей;

- 2) книги, статьи, тексты ежегодных Посланий, обращений, иных выступлений Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева;

- 3) официальные документы (концепции, государственные программы, законодательные и подзаконные акты и т.д.) Казахстана и Венгрии;

- 4) информационные данные интернет-сайтов государственных органов Казахстана и Венгрии;

5) программные и иные документы общественно-политических объединений;

6) результаты социологических и экспертных опросов, проведенные различными научно-исследовательскими структурами;

7) публикации в средствах массовой информации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы определяется, прежде всего, в возможности использования ее выводов и результатов для развития теоретического и прикладного потенциала отечественной и венгерской политической науки в интересах более углубленного изучения

по изучению теории и практики политической модернизации.

Основные положения и результаты диссертации можно будет взять за основу для разработки и последующей реализации заинтересованными государственными органами и/или другими социально-политическими акторами практических мер, направленных на эффективное проведение политической модернизации.

Материалы диссертации могут также найти свое применение в системе высшего образования в процессе изучения и преподавания политологии и смежных дисциплин, включая чтение специализированных учебных курсов по проблемам современной политической модернизации.

Основные положения, выносимые на защиту, определены задачами и постановкой проблемы сравнительного исследования политической модернизации в Казахстане и Венгрии, которые видятся в следующем:

1. Модернизация как процесс социальных и политических изменений общества, несмотря на большую многовековую историю, в рамках политической науки системно изучается со второй половины XX века. С этого времени теория модернизации прошла серьезную эволюцию: от обоснования универсальности, однолинейности и «вестернизации» соответствующих социально-политических изменений до признания значимости традиционных начал и элементов в развитии того или иного общества в качестве факторов, определяющих характер проводимых здесь модернизационных преобразований.

2. В условиях социально-политического развития современного общества XXI века подходы к осмыслению и практическому осуществлению политической модернизации претерпели серьезные изменения. Дискуссии в научной среде относительно основных итогов и дальнейших перспектив этого процесса привели к появлению, в частности, концепций постмодернизации, незавершенной модернизации и постдемократии. Вместе с тем практически ни одна из них не стала серьезной альтернативой теории модернизации.

3. Универсальность политической модернизации обусловлена тем, что она представляет собой практически непрерывный процесс формирования, развития и распространения современных политических институтов и практик, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адаптацию

политической системы к изменяющимся условиям и адекватное реагирование на вызовы современности. Выступая в связи с этим в качестве объективной необходимости соответствия современного общества и его политической системы реалиям и требованиям настоящего времени, политическая модернизация нуждается в постоянном исследовании.

4. В страновом контексте модернизация не является движением к определенному образцу. Она решает конкретные задачи развития той или иной страны специфическими способами в пределах соответствующего общества, которому присущи определенные традиции, социоисторические особенности и собственное видение проекта будущего. Ее также должна отличать преждевременность, в свою очередь соответствующая уровню общественного сознания и состоянию культуры. В этой связи развивающимся странам, а также новым независимым государствам не нужно просто перенимать и имитировать существующие ценности и институты западного общества, которые сами подвергаются определенным изменениям. От модернизирующихся стран требуются новые направления развития.

5. Модернизацию в условиях переходного общества следует рассматривать неотрывно от теории политического транзита. В качестве конечной цели политического транзита для данных обществ многие исследователи называют установление демократии. Однако, как показала политическая практика различных стран мира, в процессе переходного периода часто возникают гибридные политические режимы, характеризующиеся тесным переплетением авторитарных и демократических элементов. В связи с этим политический транзит и, следовательно, модернизационные процессы в переходных обществах могут носить характер альтернативности и многовариантности в своем развитии.

6. Динамика внутренних и внешних факторов развития казахстанского общества и государства подтверждает необходимость осуществления модернизации практически в постоянном режиме посредством проведения определенных реформ и инноваций. Последние при этом направлены на совершенствование действующих механизмов функционирования политической системы страны. При этом за рамками политической модернизации пока остаются политико-правовая конструкция и механизмы функционирования института Президента республики, представляющего собой системообразующий фактор политической системы Казахстана. Такой подход всецело отвечает обеспечению внутривнутриполитической стабильности, составной частью которой и выступает модернизация, и обуславливает неизменность и последовательность политики дальнейших модернизационных преобразований в республике.

7. Важным результатом политической модернизации в Венгрии является то, что здесь сформировался неоднократно апробированный и оправдавший себя политический механизм смены власти. В результате действующая политическая система Венгрии, основанная на сбалансированности ветвей

власти, представляется довольно устойчивой. С другой стороны, сменяемость у руководства Венгрией разных партий и межпартийных коалиций не способствует стабильности и преемственности официального политического курса в различных сферах жизнедеятельности общества. Вследствие этого в стране часто происходят всевозможные потрясения и катаклизмы. Поэтому дальнейшие перспективы развития венгерского общества и государства во многом будут зависеть от соотношения в процессе модернизации перемен и стабильности.

Апробация результатов исследований. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры политологии и социально-философских дисциплин Института магистратуры и PhD докторантуры Казахского национального педагогического университета им. Абая.

Все основные выводы, положения и заключение диссертации опубликованы в девяти статьях, в том числе в журналах, рекомендованных ККСОН МОН РК, в материалах международных конференций, в том числе 1 (одной) в материалах зарубежных конференций и 1 (одной) в международном научном издании, входящем в базу данных компании Scopus:

1. Политическая модернизация: вопросы теории и специфика Казахстан // Информационно-аналитический журнал «Analytic аналитическое обозрение». – 2011. - №5. - С.109 – 115.

2. Политическая система Сингапура. Социально - политические науки: проблемы и суждения // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70 летию проф. Абсаттарова Р.Б. – 2010, ноябрь, - С. 155-158.

3. Идеолого - теоретические контуры политической модернизации в Казахстане // Научный журнал «Вестник» Евразийского Национального Университета им. Гумилева Л.Н. – 2011. - №5(84). - С. 95-100.

4. Модернизация в контексте политического транзита: постсоветская специфика и казахстанский путь // Collection of Treaties in Celebration of the 20th Anniversary of Diplomatic relations between the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan Graduate of school of international studies Hanyang University. - 2012, may. - С. 155-163.

5. Relation of the National and democratic aspects in the process of Kazakhstan statehood development // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. – 2012. - №2(38). - С. 120-122.

6. Features of party construction in the course of political modernization of Kazakhstan // World Academy of Science, Engineering and Technology. – 2012, September. - Issue 69. - P. 1520-1525.

7. Модернизация и политические ценности // Przemysl, Nauka I studia, // Materialy IX miedzynarodowej naukowo-practycznej konferencji.- 2013. -Vol. 13. - С.44-51.

8. Значение процесса постепенной модернизации в условиях развития обществ восточного типа // Publishing House “Education and Science”, Praha

Dil 52, Politicke vedy, // Materialy IX mezinarodni vedecko-prakticka conference. – 2013. - P. 68-72.

9. A kazaksztani nonprofit szervezetek fejlődése a politikai átmenet fenyében
Civil Szemle. – 2013. - №2. - С. 39-48

Структура диссертации. Задачи, поставленные в диссертации и логика исследования определили структуру работы. Она состоит из введения, трех разделов (десяти подразделов), заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ И ВЕНГРИИ

1.1 Концептуальные подходы к исследованию процесса модернизации: политологический анализ

Как предмет научного исследования модернизация вызывает многочисленные дискуссии и споры. В исследовательском сообществе нет единства мнений относительно того, что такое модернизация, какую роль играют модернизационные процессы, как данное явление соотносится с традиционными началами того или иного общества и т.д.

Также отсутствует четкое представление о том, когда именно началась сама модернизация как процесс перехода от традиционного общества к современному. По мнению известного российского историка Л.С. Васильева, этот процесс берет свое начало с эпохи античности. Он считает, что «Связанный с нею шаг должен рассматриваться и оцениваться как великий старт процесса модернизации, как гигантский по последствиям исток всесторонней прогрессивной эволюции практически во всех сферах жизни людей и формах их организации» [76]. Другие же исследователи отождествляют модернизацию главным образом с эволюцией европейского общества в процессе становления и развития капиталистических отношений [77].

При всем этом системное изучение модернизации в рамках политической науки началось только со второй половины XX века. По времени это совпало с активизацией процессов государственного строительства в странах Азии, Африки и Латинской Америки, многие из которых освободились от колониальной зависимости от крупных стран Европы и США. Вместе с тем данные страны столкнулись с рядом трудностей в процессе выбора и реализации путей своего дальнейшего развития. Тогда как бывшие метрополии, будучи заинтересованными держать их в орбите своего политического влияния, предприняли попытку предложения этим странам опыт своей собственной политической, экономической и социокультурной трансформации.

Именно на этой волне начала формироваться теория модернизации, которая в своем развитии прошла следующие основные этапы. *Первый, начальный, этап приходится на 1950-1960-е гг.* В основе имевших тогда место представлений о модернизации лежали следующие ключевые подходы:

1) вестернизация, основанная на копировании соответствующими странами так называемого «третьего мира» основополагающих ценностей современного им западного общества, которое предлагалось взять за эталон всестороннего развития [39, с. 5]. В том числе это касалось и проведения демократизации развивающихся стран по западному образцу;

2) универсальность и, следовательно, однолинейность процесса соответствующих изменений. Согласно этому подходу представлялось, что менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому идут более развитые государства [30, с. 171];

3) технологический детерминизм, предполагающий, что в основе общественного развития лежит прогресс в экономике и технологии, ведущий к повышению жизненного уровня и решению социальных проблем. Благодаря научно-техническому прогрессу происходит «осовременивание» общества путем перехода от традиционных ценностей и общественных структур к современным, рациональным ценностям и структурам [78].

В контексте применения этих подходов эталоном наиболее развитой «современной» страны выступали США и ведущие государства Западной Европы. В связи с этим американский социолог У. Мур определял модернизацию как «всеохватывающую трансформацию традиционного домодернистского общества в социальную организацию, которая характерна для передовых, экономически процветающих западных наций, характеризующихся относительной политической стабильностью» [79].

Более категорично по отношению к развивающимся странам высказался другой американский социолог Р. Бендикс. Он определял модернизацию как тип социальных перемен, «имеющий корни в английской индустриальной и политической французской революциях» и заключающийся «в экономическом и политическом прогрессе отдельных обществ-первопроходцев и последующих перемен у отстающих» [17, с. 15]. Тем самым странам «третьего мира» давалось понять, что при определенных условиях они могут достичь определенного уровня современного общества.

Еще одной характерной чертой первых вариантов теории модернизации является четкое противопоставление таких категорий, как «традиция» и «современность». При этом такое противопоставление основывается на критике основных характеристик традиционного общества. Данному обществу, в частности, вменялась низкая способность к динамике и адаптации к новым условиям. Также практически отрицались позитивный смысл и значимость традиционных ценностей соответствующих обществ, включая обеспечение социокультурной интеграции последних.

При таких подходах модернизация стала отождествляться с предварительными условиями социально-экономического и политического развития соответствующих государств на пути его движения к современному состоянию. Тогда как само развитие представлялось возможным только после укоренения в рассматриваемых странах основных черт организации общественной жизни западного образца. Таким образом, на первые роли в данном процессе фактически выходили внешние факторы, а внутренние факторы в лучшем случае недооценивались.

Вместе с тем на практике представления не получили широкой реализации. Во многом это можно объяснить тем, что ряд стран Азии, Африки

и Латинской Америки уже испытали в свое время процесс вестернизации, который осуществлялся по отношению к ним более развитыми странами Европы и США посредством колонизации. Тем самым развивающиеся государства имели опыт откровенного навязывания им западных ценностей и идеалов, причем подкрепленного применением силы. Поэтому далеко не все из них оказались готовыми максимально перенести на себя европейский и американский опыт модернизации. Кроме того, в силу устойчивости традиций у соответствующих народов в разной степени западный образ жизни не является привлекательным.

В связи с этим основоположники теории модернизации постепенно начали отходить от категорических суждений и переосмыслять данную теорию в целом. Показателен в этом отношении пример упомянутого выше Р. Бендикса, который в 1967 году опубликовал работу «Пересмотренные традиции и современность». Здесь он, в частности, отмечает, что традиция и современность не являются исключительными альтернативами. В Англии и Франции, в частности, установление либеральных государств и капиталистических обществ хотя и было достигнуто за счет буржуазных демократических революций и индустриализации, но в то же время опиралось на определенные традиции общества. Противопоставляя этим государствам Индию с ее «прочностью и постоянством сельского общества», Бендикс все же не считает невозможным появления «национального общества» и в этой стране [80].

Еще один американский ученый С. Блэк в своей книге «Динамика модернизации. Изучение в сравнительной истории» написал о перспективе установления фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных обществ и культур. По его мнению, «Целью этого относительного нового подхода является междисциплинарное изучение человечества посредством описания и объяснения во всей их сложности процессов изменения, которым сегодня приписывается мировое значение» [81].

На этой основе Блэк рассматривает модернизацию как приспособление традиционных институтов к новым функциям под воздействием следующих ключевых факторов:

1) возрастание значимости знаний в рамках интеллектуальной трансформации соответствующего общества и достижение последним, благодаря этому, повышенного контроля за окружающей средой;

2) появление в процессе политической трансформации общества лидеров, которые способны мобилизовать человеческие ресурсы в поддержку модернизации;

3) проведение на основе бережливости и капиталовложения экономической трансформации общества;

4) достижение по результатам социальной трансформации быстрой урбанизации, повышения специализации в труде и изменения формата взаимоотношений между мужчинами и женщинами;

5) поддержание в рамках психологической трансформации этики индивидуализма, стремления к саморазвитию личности и философии успеха [82].

При этом данные факторы одновременно выступают в качестве как составных направлений процесса модернизации, так и условий его успешного протекания.

Подводя итоги первого этапа развития теории модернизации, нужно выделить самый главный из них – появление самой этой теории, а также включение категории «модернизация» в состав ключевых предметов изучения и терминов политической науки. Вместе с тем, с учетом изложенных выше подходов к исследованию данного явления, в своем первоначальном варианте теория модернизации достаточно упрощенно подходила к оценке модернизационного опыта и потенциала различных государств. С одной стороны, она явно переоценивала соответствующие опыт и возможности развитых стран мира в лице США и Западной Европы. С другой стороны, недооценивала специфику развивающихся стран и социокультурные особенности и традиции их народов.

При этом непосредственно политическая модернизация сводилась соответствующими исследователями к следующим основным параметрам:

а) демократизация развивающихся стран по стандартам США и государств Западной Европы, включая введение институтов выборов, многопартийности, разделения властей и т.д.;

б) изменение системы ценностей и отношений в обществе, включая обеспечение прав и свобод человека и гражданина, приоритета всеобщего равенства перед законом перед социально-классовой иерархией (например, кастовость в Индии), гендерного равенства и т.д.;

в) активное сотрудничество развивающихся стран с развитыми государствами как одновременно условие и следствие их успешного социально-экономического развития.

Однако, во-первых, выявление несостоятельности ряда данных тезисов, что особенно проявилось в практической плоскости, и, во-вторых, сложные и неоднозначные модернизационные процессы в различных развивающихся странах, которые сочетали в себе преодоление различных противоречий, кризисных состояний и возвратных процессов, а также привели к созданию многочисленных и разнообразие форм политического и социально-экономического развития в соотношении с социокультурным укладом, обусловили пересмотр теории модернизации, прежде всего, в сторону признания универсальности самого исследуемого ею явления.

Именно на этой волне начался переход ко *второму этапу развития теории модернизации, который по времени охватывает 1970 – 1-ю пол. 1980-х*

22. Данный этап характеризуется более взвешенными оценками, основанными на учете разнообразных факторов политического, социально-экономического и культурного развития исследуемых государств и критике западнизма. В свою очередь, это обусловило более сложное понимание модернизации. Ряд исследователей пришли к мнению, что модернизация предполагает не искоренение традиционности того или иного общества, а развитие последнего с использованием его традиций, которые, в свою очередь, определяют сам характер модернизационного процесса и одновременно выступают его стабилизирующим фактором.

Одним из первых новые подходы к оценкам модернизации принял израильский социолог Ш. Эйзенштадт. Его критика в адрес ранних вариантов теории модернизации, которые ранее формулировал и обосновывал он сам, в первую очередь была направлена на несостоятельность дихотомного восприятия современной реальности как противостояния традиций и современности. Исходя из этого, ученый стал делать акцент на выявление значительного разнообразия традиционных обществ с учетом того, насколько присущие им политические, социальные и культурные факторы задерживали или, наоборот, способствовали переходу этих обществ к более прогрессивному и современному состоянию.

В ходе исследований Эйзенштадт пришел к выводу о том, что в различных развивающихся странах модернизация, подрывая сложившиеся в обществе принципы социальности и структурного устройства, порождает протест и дезинтеграцию. В результате реакцией на все это становится возрождение прежних, традиционных принципов и моделей общественного уклада и развития. Это дало ученому основу для создания многомерной модели политической модернизации, учитывающей различные стороны процесса изменения характера общества [18, с. 12].

Исходя из всего этого, Эйзенштадт стал определять модернизацию как набор вызовов (требований), на которые общество должно ответить в ходе своего развития, исходя из присущих ему принципов, организационных структур и символов [83]. Такой подход предполагает, что итогом модернизационных процессов в традиционном обществе не обязательно должно стать усвоение им стандартов и достижений Запада. Сами же эти процессы представляют собой совокупность изменений, которые могут осуществляться в различном формате, вплоть до движения протеста и его перерастания в революцию.

Политическую модернизацию Эйзенштадт определяет, во-первых, как «совокупность процессов, в рамках которых появляются и развиваются новые типы политических требований и организаций». Во-вторых, как «потенциальную возможность поддерживать постоянные изменения», что обусловлено развитием ряда общих качеств, часть из которых «свойственны досовременным системам и которые часто являются предвестниками и необходимыми условиями модернизации» [83, с. 19].

По мнению ученого, политическую модернизацию отличают следующие ключевые моменты:

1) высокий уровень дифференциации политических ролей и институтов при развитости централизованной и единой политики с определенными задачами и ориентирами;

2) расширение деятельности центральных административных и политических организаций, их постепенное проникновение во все сферы жизни общества;

3) тенденция к достижению все более широкими группами потенциальной политической власти;

4) ослабление традиционных элит и легитимности власти наряду с ростом идеологической и институциональной ответственности правителей перед управляемыми, наделенными потенциальной властью, то есть способными влиять на принятие решений и формулирование политики.

Все эти тенденции связаны «...со всевозрастающей гибкостью политической поддержки и уменьшением ...верности традиционному правителю или группе правителей, ...что заставляет правителей искать у подданных политической поддержки для сохранения своей ...власти» [18, с. 287], а также для проведения своего политического курса. Результатом все этих процессов становится участие всех граждан в выборе руководителей соответствующих государств и определении основных политических целей развития последних.

Исследования Эйзенштадта также интересны тем, что он рассматривает модернизацию в социоисторическом контексте как фактически непрерывный процесс, обусловленный сменяемостью нескольких типов обществ, каждое из которых было сложнее предыдущего и обладало принципиально новыми качествами и характеристиками. Согласно его концепции волны модернизации привели сначала к появлению, а позднее и исчезновению следующих типов общества: 1) простые охотничье-собирательские общества; 2) развитые охотничье-собирательские общества; 3) простые огороднические общества, общества рыболовов и скотоводов; 4) развитые огороднические общества; 5) «морские общества», простые аграрные общества и развитые общества скотоводов; 6) развитые аграрные общества; 7) индустриальные общества [18, с. 105].

По мнению Эйзенштадта, общества генетически склонны к изменениям. В связи с этим, он утверждает, что «...изменения подобного типа антропологи в большинстве случаев объясняют действием внешних причин: давление роста населения, война и завоевание. Однако такие причины сами по себе не могут объяснить переход от первобытных обществ к архаической и исторической цивилизации. По крайней мере, в тех первобытных обществах, из которых образовались более сложные первобытные общества и особенно ранние цивилизации, должен был существовать потенциал далеко идущих изменений, направленных на достижение более высокого технического уровня, обретение

письменности и новых более утонченных концепций, характерных для письменных обществ...» [18, с. 95]. Таким образом, ученый предполагал, что определенным и к тому же немалым потенциалом для социальных и исторически значимых изменений обладают любые общества.

Еще одним важным выводом ученого стало то, что модернизация, согласно его представлениям, привела к определенной географической институционализации сложившихся сообществ. В свою очередь, это стало стимулом для дальнейших модернизационных волн и колебаний, в рамках которых были созданы условия для трансформации государства не просто в контексте его усложнения, но и становления как национального государства. Появление в этой связи социальной и политической иерархии стало не просто успехом и результатом первого модернизационного проекта. Социальные изменения поставили перед новыми обществами и новые задачи, создав для них и новые вызовы, среди которых наиболее важными стали «...увеличивающаяся внутренняя структурная дифференциация; растущая дифференциация и рационализация в символической сфере; интенсификация взаимоотношений между обществами и усиление дифференциации между ними; выделенность центров по отношению к периферии...» [18, с. 97, 98].

В этой ситуации первая волна изменений автоматически закладывала основы для последующих модернизационных циклов. Структурная дифференциация способствовало росту внутренних противоречий, ослабляя те социальные и политические институты, которые становились архаичными. Эйзенштадт полагал, что в именно в рамках этой дифференциации закладываются основы для институционализации движений, которые рано или поздно могут стать носителями идей социальных и политических перемен, то есть модернизации. Он считал, что «...вторая важнейшая характеристика структурной дифференциации - это рост специализации главных типов институциональных организаторов: политических и экономических элит, идеологов моделей культурного и социального порядка и солидарности различных коллективов. Некоторые из них выдвигаются из аскриптивных групп, таких, как общины, племена или даже социальные слои...» [18, с. 97].

По утверждению ученого первая «историческая модернизация» привела к появлению государственности, а также самым значительным образом повлияла и на процесс рекрутирования политической элиты. Наделение представителей элиты некими символическими признаками и атрибутами способствовало тому, что в любом обществе начинались, с одной стороны, процессы оспаривания властных полномочий элит со стороны других - политических, религиозных, социальных или культурных группировок. Характерным в этой связи стало замечание Эйзенштадта о том, что «...третий важный аспект возрастающей дифференциации связан с развитием социальной иерархии как особой черты социальной организации; значит, с развитием того, что часто называли классовым обществом. Эта тенденция очевидна прежде всего в закреплении различных социальных позиций и ролей за относительно закрытыми слоями и

в регулировании через обычаи и/или правовые запреты доступа по крайней мере к некоторым из этих позиций, а также в регулировании символического и реального использования ресурсов различными группами...» [18, с. 97].

С другой стороны, отмечает Эйзенштадт, «символический контент» самого статуса элиты способствовал росту внесистемных настроений, носители которых стремились оспорить именно этот символический статус, что в итоге вело к размыванию традиционности и созданию предпосылок для новой волны модернизации. В связи с этим он акцентирует внимание на фактор маргиналов, которые как особая социальная категория существуют в большинстве обществ. По мнению исследователя, «...возросшие расположенность к изменениям и потенциал способности к преобразованию рассматриваемых нами обществ наиболее явно проявляются в возникновении четко определенных движений, таких, как восстание, инакомыслие, протест, а также в достижении более высокого уровня выражения политической борьбы... складывались определенно выраженные движения изменений и ориентации протеста...» [18, с. 99].

В силу различных обстоятельств и особенностей статуса значительные группы людей оказываются за пределами политического дискурса. Данное обстоятельство, согласно Эйзенштадту, создает условия для формирования на их базе внесистемных и антисистемных движений. При этом организаторами таких движений могли выступить носители моделей культурного порядка или выразители солидарности различных коллективов. Первые поддерживали особую культурную ориентацию, вторые — социальный код (иерархию в противовес равенству, принуждение в противовес солидарности или поощрительным мерам и т.п.). В то же время возникали и движения инакомыслия, которые нередко были направлены на переосмысление оснований господствующих культурных моделей и традиций. Помимо этого ученый также говорит об «организаторах нового типа», выдвигающихся в процессе формирования институтов, прежде всего, в экономической и образовательной сферах [18, с. 100].

Исследователь постепенно подводит свою мысль к тому, что кроме разрушительного эффекта соответствующие движения нередко оказываются важными и действенными акторами модернизации. В связи с этим он писал, что «...попытка переформулирования символических характеристик и институциональных предпосылок могла как вести к расширению объема критических ориентации и к рационалистическому объективизму, так и быть направлена к сдерживанию и антирационализму. Такие антирационалистские тенденции в социальном и культурном порядке могли найти различное выражение. Они могли вылиться в относительно простой популистский антирационализм и антиинтеллектуализм. В более дифференцированных обществах они могли породить более разработанные сектантско-еретические учения и идеологии протеста, основанные на интеллектуалистском отрицании рациональных или критических предпосылок своих собственных традиций...»

[18, с. 102]. Тем самым Эйзенштадт полагал, что модернизация может стать результатом активизации внесистемных движений в форме революции.

Подытоживая анализ концепции политической модернизации Ш. Эйзенштадта нужно отметить, что она, прежде всего, отличается комплексным характером. В процессе исследования исторических и социальных изменений им был вскрыт механизм постепенного отмирания традиционного общества и его заменой другими общественными типами. Кроме этого, Эйзенштадт показал, что и любое другое общество подвержено переменам и изменениям в такой же мере, как и традиционное. Социальные изменения в связи с этим представляются комплексными и сложными процессами, которые протекают на различных уровнях, затрагивая механизмы рекрутирования и воспроизводства политических элит, а так же само функционирование и воспроизводство того или иного общества. В своей совокупности все это доказывает определение Эйзенштадтом политической модернизации как универсального многоуровневого процесса, ведущего к значительным изменениям в любом обществе практически на каждом этапе его развития.

В процессе развития теории модернизации в рамках рассматриваемого этапа также появились исследования, утверждающие, что демократизацию не следует рассматривать в качестве необходимого условия экономического роста. В связи с этим на первый план выступили вопросы политической стабильности, без решения которой трудно рассчитывать на социально-экономический прогресс. Тем самым допускалась возможность поддержки модернизации с помощью жестких мер в рамках авторитарных режимов. Это показали примеры политического развития таких стран «третьего мира», как Республики Корея, Тайвань, Малайзия, Сингапур, Чили, Нигерия и т.д.

В этих условиях исследователи сосредоточились на выявлении и обосновании различных факторов и путей поддержания политической стабильности, рассматривая ее саму как ключевое условие успешности проведения политической модернизации. В результате в теории модернизации обозначились два основных подхода – либеральный и консервативный.

Либеральный подход предполагает формирование открытой социальной и политической системы на основе цивилизованной конкуренции политических элит и вовлеченности населения в политический процесс и систему политического представительства [78, с. 467]. Приверженцами этого подхода выступили такие ученые, как Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пай и т.д. Согласно их взглядам и представлениям, характер и динамика модернизации зависят от уровня интеграции населения в политическое сообщество, открытой конкуренции свободных элит и их способностей конструктивно взаимодействовать с обществом.

Американский политолог и востоковед Л. Пай по этому поводу утверждал, что политическая система должна быть способна не только решать возникающие экономические и социальные проблемы, но и обеспечить людям сознание идентичности и фундаментального членства в большом сообществе.

Поэтому политическая модернизация, по его мнению, обязательно предполагает увеличение числа индивидов в группе, имеющих не только право, но и реальную возможность быть услышанными при принятии политических решений [84].

Сторонники либерального подхода также подчеркивают, что важнейшей задачей политической модернизации является формирование способности иметь дело с постоянными изменениями в социальных и политических требованиях. Вместе с тем в отличие от приверженцев консервативного подхода они акцентируют внимание не на обеспечении политического порядка с помощью централизованных институтов, а на наличии постоянного диалога между элитой, имеющей и осуществляющей власть, и населением. Организация такого диалога представляет собой движение в сторону открытой социальной и политической системы. Это движение, в свою очередь, включает слом различных «перегородок» между социальными слоями и рост социальной мобильности, а в политической сфере - более эффективную координацию между административными и политическими группами и институтами.

В соответствие с этим данные исследователи определили следующие возможные варианты развития событий с рамках проведения политической модернизации:

1) при приоритете конкуренции элит над участием рядовых граждан формируются наиболее оптимальные предпосылки для последовательной демократизации общества и осуществления реформ;

2) в условиях значительного усиления роли конкуренции элит при низкой активности основной массы населения складываются предпосылки для установления авторитарных режимов и торможения политических преобразований;

3) доминирование политического участия населения над соревнованием элит может способствовать нарастанию охлократических тенденций, что, в свою очередь, провоцирует ужесточение режима правления и замедление преобразований;

4) одновременная минимизация соревновательности элит и политического участия населения ведет к хаосу, дезинтеграции социума и политической системы, а также может способствовать установлению диктатуры [85].

Консервативный подход определяет модернизацию как процесс перехода от традиционных обществ к современным. При этом успешность данного перехода обусловлена созданием крепкого политического режима, способного сдерживать тенденции дестабилизации, наличием компетентного политического руководства, своевременностью и поэтапностью проведения соответствующих преобразований [78, с. 468]. Представителями данного направления в теории модернизации в рассматриваемый период принято считать таких исследователей, как Х. Линц, Дж. Нельсон, С. Хантингтон и т.д.

Основными характеристиками данного подхода являются следующие. Во-первых, его приверженцы рассматривали модернизацию не как спонтанный

саморазвивающийся, а как организованный процесс, инициаторами и проводниками которого выступают в первую очередь политические элиты, проводящие соответствующую модернизационную политику.

Во-вторых, главной проблемой модернизации данные ученые рассматривали конфликт между мобилизованностью населения той или иной страны и его включенностью в политическую жизнь, с одной стороны, и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов, с другой стороны. По их мнению, неподготовленность значительной части членов соответствующего общества к участию в политической жизни своего государства, включая отсутствие у них способностей к управлению и использованию институтов власти, а также неосуществимость их ожиданий от этого участия могут спровоцировать определенной дестабилизации существующей здесь политической системы.

В-третьих, именно «консерваторы» наиболее всего считали, что модернизация предлагает не искоренение, а использование всего традиционного. При этом такие факторы, как технологический процесс, а также внедрение западных институтов и норм, они рассматривают как вторичные по отношению к сложившимся и господствующим соответствующем обществе социальных ценностей и отношений. Вместе с тем в рамках всего традиционного данные исследователи выделяют «полезные» (например, аналоги протестантской этики, обеспечивающие мотивацию социально-политической активности) и «вредные» (в частности, различные проявления традиционного корпоративизма) элементы [78, с. 469].

Один из ведущих представителей консервативного подхода к исследованию политической модернизации, американский социолог и политолог С. Хантингтон рассматривает эту категорию следующим образом. С одной стороны, он связывает политическую модернизацию с рационализацией власти, дифференциацией структур и ростом политической активности населения [16, с. 109].

С другой стороны, ученый утверждает, что главной задачей политической модернизации является способность политических институтов приспособиться к изменяющимся в соответствующем обществе условиям, которая, в свою очередь, должна строиться на уровне не демократизации указанных институтов, а на их прочности и организованности [16, с. 211]. В связи с этим Хантингтон уверен в том, что на стадии перемен только жесткий авторитарный режим, способен поддерживать порядок, аккумулировать необходимые ресурсы для социально-политической трансформации, обеспечить, благодаря этому, переход к рыночным отношениям и национальное единство в данном обществе. Показательны здесь его слова о том, что «...общества, находящиеся на стадии перехода к современности, требуют твердого, если не военного руководства, чтобы преодолеть громадное напряжение, связанное с осуществлением перемен...» [16, с. 173].

Таким образом, С. Хантингтон в качестве основного критерия успешности политической модернизации выделил стабильность политической системы. При этом ученый предпринимает попытки уйти от дилеммы, возникающей между социальной мобилизацией и институционализацией, при которой первая из них фактически оказывалась в подчиненном положении. С этой целью Хантингтон ввел следующие свойства, которые должны служить своеобразными индикаторами успешности осуществления политической модернизации.

1. Приспособляемость - когда тот или иной политический институт должен адекватно отвечать на запросы «окружающей среды».

2. Дифференцированность - создание в рамках одной структуры политической системы множества подструктур с обязательным разделением функций.

3. Автономность и взаимосвязанность - каждая разветвленная структура должна быть относительно независима от других, а также от социальных групп, но при этом четко согласовывать свои действия с ними. Это обычно осуществляется внедрением системы разделения властей с помощью «сдержек и противовесов» [71, т. 2, с. 97, 98].

Главным итогом второго этапа развития теории модернизации стало ее обогащение представлениями о том, что ключевую роль в проведении и успешности модернизационных процессов могут и должны играть факторы, обуславливающие специфические особенности в формировании и поддержании устойчивости уклада того или иного общества. Тем самым были максимально дезавуированы точки зрения, основанные на противопоставлении традиционности и современности. Это повысило уровень интереса представителей научных кругов к исследованию традиции как явления в целом, а также уровня и характера влияния традиционных начал в обществах различных стран мира на проходящие здесь процессы политической модернизации. Последняя же стала рассматриваться в качестве сложного и многомерного процесса.

Третий этап в развитии теории модернизации приходится на 2-ю пол. 1980 – 1990-е гг. Данный этап ознаменовался, прежде всего, серьезными процессами и изменениями в общественно-политическом развитии на глобальном, региональном и страновом уровнях. В свою очередь, это нашло свое отражение в политической науке, в том числе относительно подходов к исследованию политической модернизации. В результате всего этого здесь обозначились следующие основные тенденции.

Во-первых, была завершена и выдвинута на первые позиции концепция «модернизации в обход модернити», предполагающая осуществление политического развития на основе сохранения социокультурных традиций данного общества без навязывания чуждых.

Во-вторых, модернизация стала рассматриваться как саморазвивающийся процесс, зависящий не только от деятельности политических элит, но и, в

первую очередь, от влияния всевозможных объективных обстоятельств и поведения рядовых членов общества [78, с. 470].

В этих условиях французский философ и социолог А. Турен сформулировал и выдвинул следующие два понятия, которые в разной степени противопоставляются модернизации:

1. «Контрмодернизация», которая обозначает альтернативный вариант модернизации по незападному образцу.

2. «Антимодернизация», определяющая активное противодействие процессу модернизации. При этом субъектами этого процесса являются не столько народные массы, сколько политические и интеллектуальные элиты, обеспокоенные, в первую очередь, сохранением своих власти, привилегий и социального статуса.

При этом контрмодернизация, по мнению Турена, может сменяться антимодернизацией. В качестве примера исследователь приводит Китай, называя контрмодернизацией политико-экономические преобразования, проводимые в этой стране в 1950-е гг., а антимодернизацией – переход к «большому скачку» и «культурной революции». Правда, с 1978 года Китай снова вернулся к контрмодернизации [86].

В стремлении перейти от контрмодернизации к антимодернизации Турен видит суть основной тенденции социально-политического развития XX века. По его мнению, данная тенденция основана на двух противоположных по отношению друг к другу факторов - повсеместной утрате веры в универсализм Разума, науки и техники, с одной стороны, и сохранению национально-культурной идентичности, с другой стороны [86, с. 46].

Позднее данный исследователь заявил о том, что «Сейчас мы являемся свидетелями конца модернизированного общества» [28, с. 50]. Свою позицию по этому поводу он объяснил тем, что развитие в духе либерализма не привело к созданию новой модели общества. В связи с этим Турен вводит новый термин – «демомодернизация». В данном случае речь идет об обозначении процесса отхода от системы отношений и ценностей, присущей обществу эпохи индустриального хозяйства и национального государства, которая рассматривается как «модернити» [87].

Судя по всему, такие настроения ученого являются отражением наблюдаемого кризиса идентичности современного западного общества. Одним из проявлений этого кризиса Турен называет тот факт, что «Не только нынешняя демомодернизация, но и современность сама по себе приводят к устранению прежних отношений между индивидуумом, обществом и вселенной и признают недействительными те социологические конструкции, центральным принципом которых является связь институтов и мотиваций, системы и действующего лица» [87, 472].

Преодоление этой критической тенденции в развитии современного западного общества Турен видит в повышении социальной роли отдельно взятого индивида, определяемого им как «Субъект». Данный Субъект, по его

мнению, может сформироваться только при условии своего освобождения «от слишком конкретных общностей, навязывающих ему стереотипы, основывающиеся на долге, а не на правах, на принадлежности, а не на свободе» [87, 472]. Выдвигая задачу «борьбы за Субъекта», Турен тем самым выступает как против примитивных форм общества массового потребления, так и против организованного насилия со стороны государства.

Стремление Субъекта к сохранению своей индивидуальной самобытности ученый связывает с его социальной активностью и сопротивлением всему тому, что подавляет эту его самобытность. В том числе сопротивлением государству. При этом Турен не призывает Субъекта замыкаться в самом себе, а субъектность в других, близких ему по духу людях и объединиться с ними для достижения общей цели. В этой связи он утверждает, что «Идея Субъекта... воплощается тогда, когда проявляется коллективное действие, направленное на создание пространства - одновременно социального, политического и морального» [87, 488].

Тем самым Турен, с одной стороны, фактически отрицает модернизацию как процесс, происходящий в современном ему западном обществе. Вместо нее он видит демодернизацию. С другой стороны, рассуждая о Субъекте, он движется именно в рамках теории модернизации рассматриваемого периода, которая на первое место в модернизационных процессах выдвигает как отдельную личность, так и широкие слои общества, действующие независимо от властвующих элит. Показательным в этом отношении являются слова исследователя о том, что «Чем современнее общество, тем большее значение придается не институтам и универсалистским принципам, а самим действующим лицам. Именно от них должны исходить преобразования, которые не дают сфере приложения социальных и политических действий распастись и исчезнуть вообще [87, 484]. Таким образом, Турен не исключает новой волны модернизации современного общества, которое он не считает законченной системой.

Вывод. К концу XX века теория модернизации, пройдя довольно сложную эволюцию, обусловленную, в свою очередь, многообразием взглядов и подходов к исследованию данного процесса, вышла на качественно новый этап своего развития. С одной стороны, в условиях постоянно меняющегося мира и фактического выхода ряда государств за рамки понятия «развивающиеся» определенные ее версии оказались непригодными для объяснения существующей реальности. С другой стороны, именно это обстоятельство сделало востребованными поиск и формулирование новых подходов к исследованию политической модернизации, которая в том или ином формате продолжает осуществляться в разных странах мира.

Ключевым результатом развития теории модернизации в течение второй половины XX века стало выявление на основе анализа большого опыта социально-политического развития различных стран мира и, по его результатам, общих черт исследуемого процесса универсального характера

политической модернизации. Данная универсальность обусловлена тем, что политическая модернизация представляет собой практически непрерывный процесс формирования, развития и распространения современных политических институтов и практик, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адаптацию политической системы к изменяющимся условиям и адекватное реагирование на вызовы современности [88]. Очевидно, что такой подход всецело используется в политической практике Венгрии и Казахстана. В то же время обе страны различаются по темпам и методам модернизационных преобразований.

Выступая в связи со своей универсальностью в качестве объективной необходимости соответствия современного общества и его политической системы реалиям и требованиям настоящего времени, политическая модернизация нуждается в постоянном исследовании. Причем не только в рамках политической науки, но и в междисциплинарном формате. В то же время при всех имеющихся и формирующихся новых подходах к исследованию этого явления сохраняют свою значимость и произведения классиков теории модернизации, представляющие собой фундаментальный источник познания этого социально-политического феномена.

1.2 Специфика модернизации переходного общества: политологические аспекты

Общество в период перехода к иной социальной и политической системе, или переходное общество, представляется важным объектом политологического исследования в контексте теории модернизации. Нужно отметить, что первоначально переходные процессы в развитии общества рассматривались как промежуточная стадия его движения от традиционного состояния к современному [89]. Однако с распадом «мировой системы социализма» и появлением посткоммунистических (посттоталитарных) государств они стали изучаться в качестве своего рода самостоятельного этапа развития соответствующих обществ.

В результате категория «переходное общество» пополнило терминологию социально-политических наук. Вместе с тем в отличие от политической модернизации оно является еще более молодым объектом изучения в современной политологии. В связи с этим нет однозначных определений этого явления. В частности, белорусский ученый А.Н. Данилов представляет его как особое состояние общества в эволюционном развитии, обусловленное изменениями системообразующих свойств, отношений и функций, а также характеризующееся трансформативной динамичностью социальных противоречий, распадом и становлением новых идентификаций и идентичностей [90].

По мнению российского ученого А.В. Голованова, переходное общество представляет собой социум в процессе выбора им альтернативы, ведущей к конструированию или воссозданию более устойчивого и равновесного

социального бытия, обеспечивающего жизнеспособность социальной системы. Соответствующее состояние общества возникает вследствие кризиса, когда противоречия и напряженность между его элементами и подсистемами не могут больше сглаживаться существующей системой [91].

Обобщение оценок и представлений отечественных и зарубежных исследователей относительно развития общества переходного периода позволяет обозначить следующие его основные характеристики.

Во-первых, неравномерность протекающих в данном обществе социально-политических процессов и, как следствие, неравновесность и неустойчивость всей системы общественных отношений. В переходных обществах государственное строительство идет в явной форме, проблемы и подходы более очевидны, мотивы излагаются яснее, конфликты также гораздо острее [92].

Во-вторых, параллельное сосуществование старых и новых оснований общественного развития. Особенно это может проявляться на ментальном уровне разных членов соответствующего общества, не желающих расставаться с привычными устоями. Вместе с тем в политической плоскости это, как правило, приводит к атмосфере постоянной борьбы, столкновений противоречий и антагонизмов.

В-третьих, неравномерный темп преобразований, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности данного общества. Так, модернизационные изменения не ограничиваются преобразованиями социальных институтов. Преобразования с необходимостью вторгаются в сферу ценностно-смысловых ориентаций, социальных норм, привычек, образцов поведения. Вместе с тем на институциональном уровне действующие механизмы являются достаточно гибкими и относительно легко могут быть подвергнуты изменениям. Тогда как ценностно-нормативный уровень с трудом и далеко не полностью поддается осознанию, а соответствующие ему механизмы являются более жесткими и консервативными. В результате многие переходные общества до сих пор не могут привести свою ценностно-нормативную систему в соответствие с модернизированными социально-экономическими институтами [93].

В-четвертых, необратимость изменений. Переходное состояние общества обычно связано с восходящим и необратимым по своему характеру развитием. Даже в случае варианта возврата к старой системе общественных отношений, точный повтор ее прежнего состояния уже будет невозможен.

Социально-политические изменения, произошедшие в конце 1980 – начале 1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы, а также в Союзе ССР и затем, после его распада в 1991 году – в новых независимых государствах, и исследование их специфики привели к расширению категориально-понятийного аппарата современной политологии. В результате в рамках исследования процессов развития отмеченных выше государств стали

использоваться такие понятия, как «политическая трансформация», «политический транзит», «переходный период» и т.д.

В этих условиях германский профессор социологии Вольфганг Цапф предпринял попытку соединить прежние представления о политической модернизации с новыми. С одной стороны, он характеризует модернизацию, во-первых, как «секулярный процесс, начатый индустриальной революцией, в ходе которого развилась небольшая группа на сегодня модернизированных обществ» и, во-вторых, как «многообразный процесс, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед». С другой стороны, Цапф рассматривает это явление с точки зрения попыток модернизированных государств дать ответы на новые вызовы на пути инноваций и реформ [17, с. 14].

При всем этом исследователь вынужден признать, что классические подходы в теории модернизации довольно сложно применить в рамках изучения процессов развития именно посткоммунистических стран. Когда в 1988-1990 гг. в странах Центральной и Восточной Европы свершились так называемые «бархатные революции», то, по мнению Цапфа, научный мир Запада был убежден в том, что «...уход командной экономики и диктатуры высвободит универсальные инновационные силы, ускорятся сдерживавшиеся процессы формирования институтов и будут мобилизованы мощные внутренние эволюционные силы, позволяющие рассчитывать на быстрые экономический рост и политическую демократизацию, что оправдает жертвы болезненного, но краткого перехода» [17, с. 15].

Даже «провалы модернизации», выявленные в свое время, в частности, при исследовании процессов социально-политического развития стран Латинской Америки, по своим масштабам уступают проблемам трансформации посткоммунистических государств. По словам Цапфа, изучая развитие последних, «едва ли кто-то рассчитывал на провалы и откаты назад, порой грозящие существованию государств и наций» [17, с. 15]. Данное обстоятельство он объясняет следующими ошибками, которые были допущены учеными при исследовании посткоммунистической трансформации соответствующих государств на начальной стадии этого процесса:

1. Недооценка регресса в случаях создания при прежнем политическом режиме государств и наций путем принуждения и насилия.

2. Забвение принципиального факта о том, что инновации сопровождаются преодолением сопротивления инерции, страха перед новациями и сложившихся интересов. В данном случае речь идет о наличии в посткоммунистических странах более или менее крупных общественных групп, части населения, сопротивляющихся быстрой демократизации и переходу к рынку.

3. Неучет хрупкости инфраструктурных сетей, то есть связи капитала, ноу-хау, инноваций, и того обстоятельства, «как системные перемены разрывают достаточно прочные инфраструктуры, но не создают или создают лишь слабые внутренние новые инфраструктурные сети».

В-четвертых, принцип «движущихся целей», то есть «турбулентная среда, когда трансформирующиеся общества обретают конкурентов, не оставляющих им времени на развитие, и отставание от передовых возрастает». Данный принцип означает, что «образцовые общества теряли безопасность, которая у них была в период холодной войны, что вызывало после краха социализма симптомы кризиса» [17, с. 15, 16].

Исходя из этого, ученый определяет трансформацию посткоммунистических государств как часть «догоняющих» процессов модернизации внутри целостного принципиально открытого «продолжения модернизации» [17, с. 18]. С другой стороны, он отмечает отсутствие у этих стран как единого линейно поступательного движения к современному обществу, так и пути успешной трансформации.

При всем этом Цапф не склонен предполагать, что теория модернизация в данных условиях исчерпала себя. По его мнению, в конце 1970-х гг. она считалась практически «мертвой» как идеология позднего капитализма. В настоящее же время под влиянием процессов, происходящих в посткоммунистических странах, а также государствах Восточной и Юго-Восточной Азии, эта теория получила новый импульс для переосмысления и дальнейшего развития [17, с. 23].

Еще более оптимистичные оценки относительно места, роли и дальнейших перспектив теории модернизации применительно к обществам переходного типа дал польский социолог Петр Штомпка. По его мнению, этому способствуют попытки посткоммунистических государств «вернуться» в Европу, то есть в современный западный мир. В связи с этим реанимированная и пересмотренная теория модернизации учла опыт данных стран и в соответствие с ним видоизменила и даже «смягчила» свои ключевые положения [30, с. 179].

Рассуждая о перспективах политической модернизации посткоммунистических государств, Штомпка дает следующие оценки этому процессу.

Во-первых, он предлагает рассматриваемым странам не рассматривать западную модель развития как единственный образец, которому нужно подражать во всем. Альтернативой этой модели он считает примеры развития Японии и так называемых «азиатских тигров».

Во-вторых, Штомпка отмечает, что темпы, ритм и последствия модернизации в различных сферах жизни общества различны. Вследствие этого наблюдается отсутствие синхронности в усилиях по проведению модернизации. К примеру, если для осуществления конституционной реформы может быть достаточно 6 месяцев, то в экономической сфере для проведения преобразований может не хватить и 6 лет. Исходя из этого, исследователь предполагает, что процесс обновления в посткоммунистических странах затронет несколько поколений.

В-третьих, опыт посткоммунистических обществ однозначно свидетельствует о том, что не все возможно и достижимо и не все зависит от простой политической воли. В связи с этим Штомпка считает целесообразным обращать больше внимания на всевозможные преграды, барьеры, «трения», неизбежные отступления, попятные ходы и даже провалы на пути модернизации.

В-четвертых, для посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, которые в свое время (до Второй мировой войны) уже переживали времена капиталистического развития и демократической эволюции, важно выявить соответствующие «традиции модернизации» и взять их на вооружение в интересах дальнейших преобразований.

В-пятых, Штомпка выступает за решение вопроса относительно наследия «реального социализма». Вместе с тем он приводит две противоположные точки зрения по этому поводу:

а) мнение сторонников «большого скачка», выступающих за полную ликвидацию экономических, политических и культурных «пережитков социализма» и призывающих начать модернизацию с нуля;

б) мнение сторонников «постепенности», которые стремятся спасти то, что еще сохранилось, ценой более медленных реформ.

Учитывая, что аргументы обеих сторон данной дискуссии являются достаточно весомыми, решение рассматриваемого вопроса остается пока открытым.

В-шестых, по мнению Штомпки, одним из серьезных факторов, который усложняет ситуацию с модернизацией в посткоммунистических странах, является идеологический климат, господствующий в странах Запада. В данном случае речь идет о кризисных процессах в западном обществе, которые приводят к разочарованию и разрушают иллюзии относительно современности. В результате посткоммунистическим государствам совсем не просто найти приемлемую идеологическую опору для тех усилий по модернизации, которые ими предпринимаются под эгидой либеральной демократии и рыночной экономики. Иначе говоря, полноценной идейно-политической и моральной поддержки со стороны Запада эти страны не получают [30, с. 181, 182, 183].

В целом, перед посткоммунистическими обществами, утверждает Штомпка, в настоящее время стоит жизненно важная задача стать современными, а также избежать «ложной современности», которая имела место в период «реального социализма». И в этом им могут помочь обновленные положения теории модернизации.

Модернизацию в условиях переходного общества следует также рассматривать неотрывно от теории политического транзита. В современной политологии политический транзит определяется как совокупность социальных и институциональных преобразований, связанных с продвижением от тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим способам управления [94].

Для более полного представления о таком сложном и многогранном явлении, а точнее - процессе, как политический транзит, нужно отметить, что у каждой из проходящих его стран мира имеется ряд специфических черт. Последние, в свою очередь, отличают данный процесс от форм политического развития других государств. Из этого исходит многовариантность подходов к определениям моделей политического транзита.

Следует отметить, что в качестве конечной цели политического транзита для переходных обществ многие исследователи называют установление демократии. Поэтому все дискуссии в научной среде ведутся главным образом вокруг путей и средств достижения демократического общественного устройства. Однако, как показала политическая практика различных стран мира, в процессе переходного периода часто возникают гибридные политические режимы, характеризующиеся тесным переплетением авторитарных и демократических элементов. При этом многие страны в рамках этих гибридных режимов могут оставаться десятилетиями [95].

В частности, такие представители современной зарубежной политологии, как Д. Ростон, Ф. Шмиттер, Т. Карл, Г. О'Доннелл и др., анализируя опыт транзита в странах Восточной Европы и Латинской Америки, приходят к выводу, что одни и те же формы перехода приводят к различным многообразным результатам, которые нельзя предсказать заранее. Среди них может оказаться любая форма «промежуточного режима», которая при определенных условиях может быть продолжительной по времени существования. Одним из таких условий является быстрый переход при отсутствии или слабости значимых институциональных акторов [96].

В настоящее время наиболее выраженными странами, которые переживают политический транзит, являются республики бывшего Союза ССР. Рассматривая этот феномен на постсоветском пространстве, нужно выделить следующие основные характеристики этого процесса.

Во-первых, несмотря на сосуществование в течение длительного времени в рамках единой советской тоталитарной, политической системы, каждая из данных республик с момента обретения своего государственного суверенитета прошли собственный, отличающийся от других, путь политического транзита.

Во-вторых, максимальное влияние на процесс демократического перехода в каждой из постсоветских республик оказали национальные социоисторические традиции, существующие в них в досоветский период и адаптированные в том или ином содержании к условиям развития в рамках Союза ССР, этнический и конфессиональный состав населения, культура и ментальность общества, уровень экономического развития на момент обретения независимости и вытекающие из него возможности развития национальных экономик соответствующих стран в переходный период и т.д. То есть, речь в данном случае идет о тех факторах, которые устойчиво сложились в советское время и оказали ключевое влияние на различные стратегии развития в новых независимых государствах.

В-третьих, практически для каждой из рассматриваемых республик процесс демократического транзита стал последствием трансформации советского тоталитарного режима в демократический на волне проведенной под руководством генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в 1985-1991 гг. политики перестройки. В связи с этим свою независимость практически каждая из постсоветских стран встретили официально провозглашенными демократическими республиками.

В-четвертых, нужно учитывать влияние субъективного фактора, связанного с целями и интересами руководителей постсоветских государств и других представителей элиты в процессе политической модернизации. В связи с этим здесь оформилось так называемое «страновое» понимание демократии, обуславливающее весь процесс политического транзита в этих странах.

Наконец, в-пятых, вся сложность и неоднозначность развития постсоветских государств привели в первой половине 1990 гг. к серии военно-политических конфликтов на внутригосударственном (военные перевороты в Грузии и Азербайджане, Приднестровский, Грузино-абхазский и Грузино-южноосетинский конфликты, гражданская война в Таджикистане) и межгосударственном (война между Азербайджаном и Арменией) уровне.

С учетом всего этого представляется актуальной точка зрения польского политолога А. Пшеворского, который характеризует переход к демократии и, исходя из этого, саму демократию, как «царство неопределенности». Он, к примеру, отмечает, что «...демократия - не единственный возможный итог процесса «перехода»: когда приходит конец диктатуре, допустимы различные стратегии развития. Разрушение авторитарного режима может быть повернуто вспять или же в конечном итоге привести к диктатуре нового образца. И даже если демократическое государство вроде бы уже состоялось, оно не обязательно окажется самоподдерживающимся; деятельность демократических институтов может систематически приводить к таким результатам, которые активизируют политическую активность сил, способных подорвать эти институты» [97].

В то же время различными представителями современной политологии предложены поливариантные модели политического транзита. В частности, можно привести типологию моделей демократизации С. Хантингтона:

1) циклическая модель, предполагающая периодическую смену демократических и авторитарных режимов правления;

2) модель «второй попытки», вторичная демократизация после прерванности первой попытки демократизации установлением авторитарного режима;

3) модель «прерванной демократии», связанная с восстановлением демократического режима правления, утраченного на определенное время под воздействием внутренних или внешних причин;

4) модель прямого перехода, представляющая собой вариант перехода к демократии в тех странах, которые прежде не имели опыта демократического

развития;

5) модель деколонизации, выражающаяся в установлении демократии после обретения данными странами государственной независимости [98].

Очевидно, что последняя из этих моделей не подходит для характеристики политического транзита в постсоветских странах, поскольку обретение ими государственной независимости не было следствием соответствующих взаимоотношений по схеме «метрополия – колония». Тем более, что Союз ССР никогда не был классической колониальной державой наподобие Великобритании, Испании, Португалии и т.д. К тому же каждая из входящих в него союзных республик имела, хотя во многом и формально, элементы собственной государственности, чего нельзя было сказать о странах, находившихся в свое время в колониальной зависимости от более развитых государств.

Относительно остальных моделей демократизации нужно отметить, что их черты проявляются в процессе развития тех или иных постсоветских государств. Хотя, с другой стороны, в силу разного рода факторов стопроцентное использование модели Хантингтона применить здесь сложно.

Так, например, модель «прерванной демократии» с некоторой долей условности подходит только Латвии и Эстонии, в которых в 1920-1934 гг. существовала система парламентской демократии. Однако государственные перевороты, осуществленные правыми силами в 1934 году, свернули процесс демократического развития этих государств, причем задолго до их присоединения к СССР. Для остальных же постсоветских государств процессы политического транзита нельзя оценивать через призму данной модели, поскольку история национальных республик не была отмечена продолжительным по времени и устойчивым по своему характеру демократическим правлением.

Модель «второй попытки» подходит для Азербайджана, Армении и Грузии периода 1991 г., поскольку обретению ими государственной независимости и демократизации общества в данный период предшествовало существование в них демократических режимов правления в 1918-1921 гг. Правда, последующие политические процессы в этих государствах, характеризующиеся частой сменяемостью действующей власти и нестабильной динамикой политических режимов, дают основание говорить о циклической модели транзита.

Для Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана первоначально была характерна модель прямого перехода. Однако последующая авторитарная консервация в Туркменистане и Узбекистане, нестабильное развитие Таджикистана в связи с гражданской войной 1992-1997 гг. и так называемые «цветные революции» 2005 и 2010 гг. в Кыргызстане затрудняют четкий выбор модели политического транзита для данных государств.

Свои коррективы в процесс выстраивания моделей политического

транзита в постсоветских странах внес феномен так называемых «цветных революций». С одной стороны, они привели к отстранению от власти в соответствующих странах правительств, взявших курс на «авторитарную модернизацию». С другой стороны, «постреволюционная» волна демократизации постепенно уступает место «авторитарной модернизации», проводимой лидерами «цветных революций». С учетом этих факторов при оценке политического транзита в постсоветских государствах целесообразно придерживаться общей типологии моделей перехода к демократии, которая выглядит следующим образом:

1. Линейная демократизация, представляющая собой постепенное, однонаправленное расширение демократии. Примерами такого транзита являются страны Балтии и Молдова. В последней из них, к примеру, этот процесс ознаменовался трансформацией формы правления путем смены президентской республики на парламентскую.

2. Диалектическая демократизация, означающая переход к демократии под влиянием уже достаточно созревших для этого внутренних предпосылок (сравнительно высокий уровень развития гражданского общества и его институтов, наличие многочисленного среднего класса, индустриализация и т.д.). Одним из характерных моментов данной модели является возможность кратковременного отхода в официальном политическом курсе соответствующих стран от демократии в сторону «авторитарной модернизации». Но затем соответствующий режим правления сменяется стабильной демократией. В настоящее время такая модель применима к характеристике процесса политического транзита в Казахстане.

3. Циклическая модель демократизации, предполагающая чередование демократических и авторитарных режимов правления при формально позитивном отношении политической элиты к демократии. Фактически это означает нестабильность как демократии, так и авторитаризма, которая обуславливает их круговорот. Считается, что в этом случае пришедшие к власти демократическим, выборным путем государственные руководители либо теряют свою власть, в том числе в результате свержения, либо сами откровенно узурпируют власть, опасаясь потерять ее, сталкиваясь с растущей непопулярностью и сильным противостоянием оппозиции. Вместе с тем при разнообразии вариантов рассматриваемой модели все они имеют одну общую черту: данная цикличность свидетельствует о недостаточной зрелости внутренних предпосылок демократии и особенно о ее слабой укорененности в политической культуре соответствующего общества.

Очевидно, что циклическая модель демократизации подходит для большей части постсоветских государств. Однако анализ данного процесса в каждой из них позволяет говорить об отсутствии единообразия и, как следствие, многовариантности данной модели. В связи с этим можно выделить следующие варианты ее проявления:

1. Перманентная цикличность, характерная для Грузии с учетом

двукратной сменяемости здесь власти вследствие военного переворота 1992 года и так называемой «революции роз» 2004 года.

2. Попытка ухода от перманентной цикличности в сторону стабилизации политической системы в духе «авторитарной модернизации», что можно отнести к Азербайджану и Таджикистану, переживших в разное время серию военно-политических катаклизмов.

3. Прерванность процесса демократического развития в связи с установлением относительно демократическим, выборным путем и последующим укреплением авторитарного режима. Классический пример такой трансформации демонстрирует Беларусь. Аналогичная тенденция также наблюдается в современной Украине.

4. Последовательная авторитарная консервация, которую по ряду оснований можно расценивать как фактическое восстановление в той или иной степени советской тоталитарной системы. В данном случае, как уже отмечалось выше, речь идет о Туркменистане и Узбекистане.

5. Вынужденные временные отклонения от демократии в интересах решения актуальных вопросов общественно-политического развития соответствующих государств на определенном этапе. В России, например, в этом плане можно отметить роспуск Верховного совета и силовую реакцию властей на действия его сторонников в сентябре-октябре 1993 года. В Армении в марте 2008 года силами полиции были подавлены массовые беспорядки в Ереване, в которых приняли участие оппоненты действующего тогда президента страны Р.С. Кочаряна.

Один из известных представителей современной российской политологии А.Ю. Мельвиль утверждает, что политический транзит можно понимать как радикальную перестройку структурных, институциональных конструкций и функциональных механизмов политического устройства, что является очень сложным процессом. На это обстоятельство важно обратить внимание, поскольку оно способствует избавлению от многих излишних иллюзий и неоправданно завышенных ожиданий относительно хода и результатов процесса демократизации в постсоветских государствах [99].

Таким образом, можно утверждать, что некоторые из постсоветских государств избрали путь «авторитарной модернизации», предполагающий фактическое восстановление у себя в той или иной степени советской модели. Совершенно иной путь развития выбрал для себя Казахстан, где сформировалась собственная модель политического транзита, характерными чертами которой являются сохранение президентской формы правления, поэтапность реформ, сбалансированность принимаемых решений, общенациональный диалог и консолидация основных политических сил [100].

Свою типологию вариантов (моделей) политического транзита, исходя из темпов проведения в соответствующих странах демократических преобразований, предлагает казахстанский государственный деятель и ученый М.С. Ашимбаев:

1. Вариант «форсированного перехода», характерный для стран, в которых данный процесс демократизации принял форсированные темпы. К их числу исследователь относит большинство государств Центральной и Восточной Европы, включая Венгрию. По его мнению, успех демократических реформ в этих странах был обусловлен наличием необходимых экономических и социокультурных предпосылок, исторического опыта функционирования демократических институтов. К началу 1990-х гг. здесь удалось заложить основы новых демократических режимов путем проведения свободных выборов, принятия новых конституций, воссоздания институтов парламентской демократии и т.д. В результате в настоящее время в данных странах достаточно определенно прослеживаются общие признаки стабилизации новых демократических институтов и отношений. Это выражается в регулярном проведении свободных выборов, чередовании крупнейших политических партий во главе правительства, положительном восприятии всеми политическими субъектами демократических принципов функционирования власти.

2. Вариант «переменного перехода», который присущ ряду стран, где наблюдается «переменный» темп демократических преобразований. Иначе говоря, в соответствующих государствах периоды форсированных изменений чередуются остановками, «пробуксовками» и откатами назад. В данную группу стран Ашимбаев относит ряд государств Латинской Америки, в которых деятельность демократически избранных правительств чередовалась установлением военных и авторитарных режимов.

3. Вариант «затяжного перехода», характерный для тех стран, в которых наблюдаются затяжные темпы политических преобразований. Затяжной вариант политической трансформации, по мнению ученого, был избран некоторыми странами Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, а также большинством постсоветских республик, включая Казахстан [95, с. 93].

Вывод. На основе изложенного выше, можно утверждать о том, что политический транзит и, следовательно, модернизационные процессы в переходных обществах могут носить характер альтернативности и многовариантности в своем развитии. При этом достаточно резко выделяется факт разнонаправленности, темпов и динамики процесса трансформации в разных государствах, когда-то представлявших единый так называемый «социалистический лагерь».

В частности, большинство стран Центральной и Восточной Европы, включая Венгрию, а также бывшие постсоветские республики Балтии, смогли не только добиться определенных успехов в сфере строительства и конституирования сравнительно устойчивой и эффективной демократической политической системы и институтов рыночной экономики, но и получить право на вхождение в Европейский союз. Тогда как некоторые другие постсоветские страны фактически приблизились к реанимации прежней политической системы. Вместе с тем свой собственный и отличный от

соответствующих государств путь развития избрал Казахстан.

При всем этом переходное состояние общества носит временный характер. Это качество обусловлено спецификой исторической эпохи, во временных рамках которой протекают переходные процессы и с которой связаны различия между начальным и конечным состоянием соответствующего переходного общества. В конечном же итоге переходное состояние в развитии любого общества рано или поздно заканчивается с его вступлением в более зрелую стадию, когда новые социальные отношения утверждены окончательно.

Длительность переходного периода для каждого конкретного общества индивидуальна и подчинена действию множества политических, социально-экономических, культурных, этнических, конфессиональных и иных факторов. Для успешного прохождения обществом переходного периода существенную роль играют активизация адекватного новой ситуации социально-политического и экономического поведения населения, формирование динамичной социальной структуры, достаточно гибкое государственное управление и обеспечение конструктивного взаимодействия с внешней международной средой.

1.3 Современные тенденции и перспективы модернизации

Теория модернизации теснейшим образом связана с практикой конкретных стран и целых регионов по изменению сущностных черт традиционного общества в исторической перспективе. Вместе с тем, как уже было отмечено в предыдущих разделах настоящего диссертационного исследования, в условиях социально-политического развития современного общества подходы к осмыслению и практическому осуществлению самого процесса политической модернизации претерпели серьезные изменения. Особенно это стало ощутимо под воздействием глобализации на рубеже XX-XXI вв.

В этих условиях в рамках социально-политических наук появилась и стала распространенной такая категория, как «постмодернизация». По мнению американского социолога Р. Ингледарта, это было обусловлено тем, что социальные изменения не носят линейного характера. В связи с этим тот факт, что переход от аграрного общества к индустриальному порождает возможность ряда перемен, не означает, будто какая-либо тенденция может продолжаться в одном и том же направлении до бесконечности. По мнению ученого, достигнув в своем развитии определенной точки, соответствующая тенденция начинает идти на убыль [101].

Данный подход Ингледарт применяет и по отношению к модернизации. С учетом того, что развитые индустриальные общества стали двигаться на более высокий уровень своего развития закономерным стало определение направления данного движения как постмодернизации. При этом исследователь не склонен отождествлять постмодернизацию с таким явлением, как постмодернизм. Помимо того, что последний ассоциируется с «культурным

релятивизмом», ему угрожает опасность «означать все подряд и одновременно ничего не означать» [101, с. 269]. С другой стороны, Инглегарт отрицает рассмотрение постмодернизации в рамках культурной парадигмы.

Из рассуждений Инглегарта следует, что постмодернизация имеет универсальный характер, так как она меняет основы политической, трудовой, религиозной и семейной жизни общества. Вместе с тем у него нет однозначного ответа на вопрос о том, какие факторы и процессы в жизнедеятельности общества наиболее всего влияют на формирование и развитие постмодернизации. С одной стороны, Инглегарт связывает ее с процессами в экономической сфере, что, скорее всего, предполагает взаимосвязь постмодернизацией с индустриальным развитием соответствующих стран. С другой стороны, он утверждает, что постмодернизация не просто является следствием экономических или социальных преобразований, а сама формирует социально-экономические условия, испытывая затем их воздействие [101, с. 263].

Политическую сторону постмодернизации раскрывает то, что, по мнению Инглегарта, на стадии перехода общества к ней от модернизации большие возможности для своего утверждения получает демократия. Тем самым он противопоставляет ее процессу модернизации, которая способна привести к альтернативным по отношению к демократии последствиям, включая фашизм и коммунизм [101, с. 268].

При этом, отдавая первенство в процессе перехода к демократии странам Западной Европы и Северной Америки, ученый уверен в том, что такой переход должен осуществиться в Восточной Азии. В свою очередь, такие ожидания он объясняет тем, что ряд стран данного региона вышли в настоящее время на «западные уровни благосостояния» и, следовательно, имеют большие перспективы для изменения системы ценностей. Примечательно, что аналогичной перспективы относительно стран Восточной Европы Инглегарт не видит в связи с низким уровнем их благосостояния и экономическим спадом [101, с. 282, 283].

Более расширенное представление о постмодернизации и перспективах модернизации на ее фоне дает известный российский ученый и общественный деятель А.Г. Дугин. Прежде всего, он отмечает существование в развитии каждого общества следующих трех исторических циклов:

- 1) «традиционное» («предмодерн»);
- 2) «современное» («модерн»);
- 3) «общество постмодерна».

При этом в экономическом отношении этим этапам общественного развития соответствуют такие состояния общества, как «предындустриальное общество» («аграрное»), «индустриальное общество» («промышленное») и «постиндустриальное общество» («информационное») [102].

Полностью все три типа общественного уклада, по мнению Дугина, прослеживаются в истории Европы и Северной Америки. В остальных же

странах мира имеют место либо первые два типа общества, либо только преиндустриальное. Последнее наблюдается у развивающихся стран, а также у отдельных «архаических народов», обособленно осуществляющих свою жизнедеятельность в составе более развитых государств (например, арабские и африканские анклавов во Франции). Вместе с тем под воздействием глобализации «элементы западного общества постмодерна неуклонно распространяются и на все остальные страны и народы, порождая повсюду «трехслойное общество», где наличествуют – пусть фрагментарно и частично – все три парадигмы». В результате этого в самых «отсталых» странах, к примеру, имеются центры компьютерных технологий и терминалы мировых финансовых систем, которые характерны для постиндустриального общества [102, с. 8].

Слом первого из этих состояний общества – традиционного (премодерна) начался в Новое время. При этом программа модерна «питалась энергией отрицания, опрокидывания устоев того, что тысячами веками казалось непререкаемым абсолют». Плюс к этому для нее оказалось мало пространства западного общества, в результате чего модерн стал распространяться и укрепляться через борьбу с «не-модерном», который олицетворяли собой страны и народы будущего «третьего мира». При этом в XX веке модернизация расширилась в идеологическом аспекте и проявила себя в трех основных вариациях: национальная модернизация (фашизм и его аналоги), социалистическая модернизация (коммунистический вариант) и либеральная модернизация (капитализм). В конечном итоге к концу XX века из них единственным, считает Дугин, остался либерально-демократический проект модернизации [102, с. 19, 20].

Далее исследователь утверждает, что с выходом ряда стран мира в 1970-1980 гг. на уровень индустриальных и современных начинается новая стадия в развитии общества, которая привела к формированию постиндустриального мира. В связи с этим Дугин полагает, что модернизация как таковая завершилась с «искоренением» последних остатков традиционного общества и началась постмодернизация. По его словам, «Это значит, что на первый план выходят критерии, методологии и принципы, существенно отличные от нормативов модерна» [102, с. 236].

При этом двигателем данного процесса ученый считает Запад, который первым встал на путь модерна, обнаружил затем у себя «парадоксы» глобализации и постмодерна и стал распространять модель своего развития на другие части мира. Вместе с тем Дугин считает, что по ряду оснований его страна – Россия свою модернизацию фактически еще не прошла и остается пока «недосовременной» [102, с. 25]. В результате в современной России сосуществуют одновременно три парадигмы:

- а) преиндустриальный сегмент «традиционного хозяйства», проявляющийся преимущественно в области сельского хозяйства;
- б) деградирующий индустриальный сегмент;

в) сегмент постиндустриальной финансово-фондовой сферы, более или менее встроенный в глобальную экономику, но представляющий в ней микроскопический элемент [102, с. 241].

Преодоление этих критических тенденций в развитии России Дугин видит в создании «полноценного евразийского экономического фильтра перед лицом глобального постмодерна». Фактически речь идет о евразийской интеграции России с другими постсоветскими странами, включая и Казахстан. При этом ученый вновь говорит о необходимости модернизации в качестве одного из направлений и одновременно инструментов продвижения к рассматриваемой цели. Однако исключительно ее применение он считает неправильным, так как модернизация может быть необходима и позитивна в одних случаях, но вредна и разрушительна в других. В связи с этим для России и ее партнерам по интеграционному процессу важны все три парадигмы общественного развития на основе сочетания евразийского постмодерна (постиндустриальной составляющей), евразийского модерна (индустриальной составляющей) и евразийского премодерна (предындустиальной составляющей) [102, с. 243, 244].

В противовес концепции постмодернизации такими исследователями, как У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш, Ю. Хабермас и т.д., были выдвинуты и обоснованы различные варианты концепции незавершенного модерна. Основная ее суть состоит в том, что, отмечая всевозможные проблемы и издержки модернизации, указанные ученые в то же время признают последнюю как объективную данность и ожидают дальнейшего развития модернизационных процессов.

В частности, британский социолог Э. Гидденс не согласен с определениями современного общества как постмодернистского. По его словам, «Говорить о постмодернити как замещающей модернити — значит признавать именно то, что ныне провозглашается невозможным: придание истории логической последовательности и точное указание нашего места в ней» [22, с. 111].

Сам Гидденс считает современную эпоху радикализированным или универсализированным модерном. Он также выделяет три основные черты, определяющие характер современного общества и отличающие его от досовременного:

1) во много раз возросшая скорость изменения социальных процессов, особенно скорость изменения технологии;

2) втягивание социально и информационно различных районов мира во взаимодействие друг с другом, что в конечном счете выразилось в процессе глобализации;

3) изменение внутренней природы современных институтов [22, с. 107].

Ученый считает, что современное общество живет в период подъема модернити. Данное обстоятельство он обосновывает двумя ключевыми факторами. Во-первых, Гидденс отмечает растущую социологизацию жизни,

повышение значения рефлексии и саморефлексии, изменение системы ценностей человека, их переориентацию с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные. По мнению исследователя «Кардинальный отход от традиции, свойственный рефлексивности модернити, приводит к разрыву не только с предшествующими эпохами, но и с другими культурами» [22, с. 120].

Во-вторых, речь идет о глобализации, устранении под ее воздействием прежних границ национальных государств и становлении мировой сети производственных и информационных структур. Гидденс называет это «...не только сметающее иные культуры распространение западных институтов по всему миру. Глобализация вводит новые формы мировой взаимозависимости, что, однако создает новые риски, одновременно формируя далеко идущие возможности глобальной безопасности» [22, с. 119].

Порывая с абсолютным доминированием Запада, современная система, по мнению ученого, не отрицает совсем западных ценностей. В свою очередь, это обстоятельство он тоже считает доказательством того, что определение современного мира как постмодернити вряд ли обоснованно и продуктивно. Исходя из всего, этого Гидденс утверждает, что в настоящее время целесообразно вести речь не о новом обществе, сменяющем модернити, а о периоде качественно новой модернити.

При всем это он не отрицает полностью и постмодернити, полагая, что можно говорить о ней не только как о культуре, но и как о новом институциональном порядке, который может быть реализован в будущем. Фактически в его рассуждениях стоит вопрос, что будет существовать после капитализма? При этом социализм не представлялся Гидденсу альтернативой из-за авторитарного управления экономикой и, как следствие, экономической неэффективности. Он считает, что постмодернистские общества будут скоординированы на глобальном уровне. При этом их будут отличать такие основные качества, как многоукладность с демократическим участием, демилитаризация, гуманизация и социальные технологии, направленные на преодоление бедности.

Данные идеи С. Гидденса демонстрируют, что их разработка и выдвижение стали ответом на критические тенденции, наблюдаемые в современном западном обществе. Прогнозируя, каким станет будущее постмодернистское общество, ученый фактически обосновывает необходимость и направления ухода от существующей реальности. В том, что это рано или поздно произойдет, Гидденс нисколько не сомневается. Показательны в этом плане его слова о том, что «Мы пока еще не оказались в социальном универсуме эпохи постмодернити, тем не менее мы видим немало признаков возникновения способов жизни и форм общественной организации, которые отличаются от тех, что культивируются современными институтами» [22, с. 111]. При всем этом на первое место исследователь ставит именно модернити в контексте ее устремления в будущее.

Немецкий социолог У. Бек также наблюдает кризис современного западного общества и ищет пути выхода из него. Прежде всего, он считает, что данное общество само постепенно изживает себя. Если, к примеру, в XIX веке утрачивали привлекательность сословные привилегии и религиозные представления о мире, то теперь теряют свое значение научно-техническое понимание классического индустриального общества, образ жизни и формы труда в семье и профессии, образцы поведения мужчин и женщин и т. д. Причем важную роль в этом процессе Бек отводит модернизации. По его мнению, «...как в XIX веке модернизация привела к распаду закосневшее в сословных устоях аграрное общество, так и теперь она размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации» [21, с. 9].

Среди основных показателей этого обстоятельства исследователь называет следующие противоречия между универсальным содержанием модерна, с одной стороны, и функциональным устройством его институтов, с другой стороны.

Таблица 1 - Соотношение результатов и противоположностей модерна

Результаты модерна	Противоположности модерну
1	2
Индустриальное общество как общество больших групп населения - классов или социальных слоев	Классы по-прежнему зависят от значимости социальных классовых культур и традиций, которые в ходе модернизации были поколеблены в своих унаследованных ценностях
Совместная жизнь людей согласовывается с нормами и стандартами небольшой семьи	Небольшая семья строится на «сословном» положении мужчины и женщины, которое в непрерывном процессе модернизации (приобщение женщин к получению образования и к рынку труда, растущее количество разводов и т. д.) становится неустойчивым
Индустриальное общество мыслится в категориях общества, ориентированного на труд ради заработка	Актуальные мероприятия по рационализации подрывают сами основы такого порядка: а) скользящие графики рабочего времени и смена рабочих мест стирают границы между работой и «не-работой»; б) массовая безработица интегрируется через новые формы «многообразной неполной занятости» в систему занятости со всеми вытекающими отсюда рисками
В индустриальном обществе обретает официальный характер наука, а вместе с ней и методологические сомнения	Сомнение распространяется на основы научной работы, в результате чего обращение к науке одновременно обобщается и «демистифицируется»

Продолжение таблицы 1

1	2
С развитием индустриального общества утверждаются притязания и формы парламентской демократии	Субполитический процесс обновления «прогресса» остается в компетенции экономики, науки и технологии, для которых самоочевидные в демократической системе вещи аннулированы. В результате «субполитика» перехватывает у политики ведущую роль в формировании общества

В совокупности все эти противоречия приводят к тому, что индустриальное общество в процессе своего развития делается неустойчивым [21, с. 16-17]. В результате в его недрах формируется новая модель современного мира, названная Беком «обществом риска». Суть данной концепции заключается в том, что господствующая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, выражающаяся в накоплении и распределении богатств, все более перекрывается (вытесняется) «негативной» логикой производства и распространения рисков. В конечном итоге расширяющееся «производство рисков» подрывает принципы рыночной экономики и частной собственности, поскольку систематически обесценивается и уничтожается, превращаясь в отходы, загрязняясь, омертвляясь и т. д., произведенное общественное богатство.

К основным рискам, которые способствуют соответствующим негативным тенденциям в развитии общества, ученый относит:

1. Риски, возникающие на самой высокой ступени развития производительных сил, включая радиоактивность, вредные и ядовитые вещества в воздухе, воде и продуктах питания, связанные с этим кратковременные и долговременные последствия у растений, животных и людей.

2. Обесценивание и отчуждение экологии, систематически вступающее в противоречие с интересами обогащения и наживы как движущей силой процесса индустриализации.

3. То, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой - политикой устранения самих «причин» процесса индустриализации. В свою очередь, это выражается во вторжении политики в рыночную экономику, обесценивании капитала, открытии новых рынков, гигантских расходах, судебных преследованиях и потерях репутации [21, с. 35, 36].

При этом Бек называет все это «рисками модернизации», отождествляя их с индустрией и большим бизнесом. Эти риски он также сравнивает с «бездонной бочкой потребностей», которая постоянно и бесконечно самообновляется. В результате «...индустриальное общество, извлекая благодаря выпущенным на свободу рискам экономическую выгоду, одновре-

менно создает опасные ситуации и политический потенциал общества риска» [21, с. 35, 36].

В то же время, показывая закат эпохи модерна, Бек не провозглашает его конца. Ученый придерживается мысли о появлении новой фазы модерна. Точнее говоря, нового типа модернизации, который он назвал «рефлексивной модернизацией». Последнюю Бек связывает с вызванными модернизационными процессами изменениями отношений между социальными структурами и отдельными индивидами («социальными агентами»). Социальные структуры становятся более подвижными по сравнению с предыдущим историческим этапом. Социальные агенты, в свою очередь, оказываются менее прикрепленными к той или иной социальной структуре. В результате увеличиваются степень свободы как социальных структур, так и социальных агентов.

Иначе говоря, разворачивается процесс индивидуализации, в ходе которого индивиды утрачивают традиционные тесные связи с семьей, местным окружением или социальной группой. Они оказываются связанными друг с другом лишь рыночными отношениями. Один из важных результатов этого процесса заключается в том, что индивиды, изолированные от социальных структур и действующих в их рамках всевозможных ограничений, могут размышлять (рефлектировать) над тем, кто они, кем хотели бы быть и т.д. Вследствие этого они становятся более самостоятельными в осуществлении своего выбора, формировании своей идентичности и биографии, принятии различных решений и ответственности за их последствия. Бек по этому поводу отмечает, что «Эффектом структурных изменений сил социальных агентов становится большая свобода от структуры. И для успеха модернизации необходимо, чтобы эти агенты сами освободились и активно участвовали в модернизационном процессе» [21, с. 138].

Отдельные исследователи развитие модернизационных процессов в современном обществе связывают с обесцениванием демократии и формализацией ее ключевых атрибутов. В результате общество постепенно вступает в состояние, которое они назвали «постдемократией».

Британский социолог К. Крауч под постдемократией понимает систему, «...в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, оставались на своем месте» [25, с. 7].

Ключевыми факторами, которые способствуют установлению постдемократии, ученый считает:

1. Изменения в классовой структуре постиндустриального общества, порождающие множество профессиональных групп, которые, в отличие от промышленных рабочих, крестьян, государственных служащих и мелких

предпринимателей, так и не создали собственных автономных организаций для выражения своих политических интересов.

2. Огромная концентрация власти и богатства в многонациональных корпорациях, которые способны оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах, хотя они и имеют огромные ресурсы для того, чтобы в случае необходимости попытаться манипулировать общественным мнением.

3. Сближение политического класса с представителями корпораций и возникновением единой элиты, необычайно далекой от нужд простых людей, особенно принимая во внимание возрастающее в XXI веке неравенство.

При этом Крауч сравнивает постдемократию с современным постиндустриальным обществом, которое, по его мнению, продолжает пользоваться всеми плодами индустриального производства. Хотя экономическая энергия последнего и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно так же, по мнению исследователя, и постдемократические общества будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства и т.д. Однако при этом «...энергия и жизненная сила политики вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» [25, с. 9].

Вместе с тем Крауч не склонен ожидать полного краха демократии. Он также полагает, что реальная постдемократия пока еще не наступила. Однако, по мнению ученого, сейчас идет движение к обществу, в котором интересы корпораций будут оказывать на политику достаточно серьезное влияние. В свою очередь, это ведет к ослаблению основных демократических институтов. С учетом всего этого и в целях смягчения рассматриваемой тенденции Крауч предлагает, во-первых, повысить уровень гражданских инициатив в направлении организации и проведения публичных компаний, призванных оказывать на корпорации определенное воздействие со стороны общества. Во-вторых, усовершенствовать систему государственного регулирования, призванную помешать корпорациям нанести серьезный ущерб обществу в целом (разрушение экологии, получение сверхдоходов, благодаря неконтролируемой монополизации, и т.д.) [103].

В аналогичном духе выступает другой британский исследователь Э. Пабст, констатируя создание «постдемократического рыночного государства». В условиях последнего, с одной стороны, суверенитет народа и политическое представительство сохраняются. Но, с другой стороны, повседневный демократический процесс, включая участие граждан в выборах и партийной деятельности, переживают упадок, а власть уходит от народа к «глобальному классу» [104].

Вместе с тем в отличие от Крауча Пабст не считает гражданское общество и его инициативы альтернативой постдемократическому рыночному государству. По его мнению, гражданское общество» либо поглощено государством, либо приватизировано и передано в частную сферу при подчинении государству и связанному с ним рынку. В свою очередь, все это обусловлено тем, что фундаментальной основой политических, общественных и культурных отношений современного общества, на взгляд ученого, является сочетание контролируемых государством законных контрактов и обеспечиваемого рынком обмена [104, с. 243].

Пабст также выражает свое несогласие с имеющимися точками зрения о том, что соответствующие критические процессы и тенденции происходят исключительно в США, Великобритании и ряде стран, принявших неолиберальную модель капитализма. Он утверждает, что, во-первых, национальные государства все больше и больше интегрируются в «транснациональную систему власти», состоящую из многонациональных корпораций и наднациональных институтов типа Всемирного банка, Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации.

Во-вторых, страны Азии, Африки, Латинской Америки и постсоветские государства тоже стали частью этой новой системы глобализированного капитала и наднационального разделения власти. Особенно этому, считает исследователь, способствуют имеющиеся в большинстве соответствующих стран значительный теневой сектор экономики и «теневое государство» с неформальной, невыборной и никому не подотчетной моделью управления [104, с. 241]. Последнее обстоятельство Пабст связывает с деятельностью влиятельных в данных странах кланов.

Исходя из всего этого, Пабст противопоставляет «безрассудной модернизации», претендующей на универсальный прогресс и ставящей его выше традиций, формирование нового общественного устройства, при котором централизованное бюрократическое государство и свободный глобальный рынок способны трансформироваться с целью служения интересам отдельных людей, общества и окружающей среды. Для этого же они «должны быть встроены в более широкую сеть социальных отношений и подчиняться таким добродетелям, как справедливость, солидарность и ответственность» [104, с. 245].

Вывод. Таким образом, исследования и оценки основных итогов, а также дальнейших перспектив модернизации вызвали серьезные дискуссии в научной среде. В результате были сформулированы и выдвинуты, в частности, концепции постмодернизации, незавершенной модернизации и постдемократии. Вместе с тем практически ни одна из них не стала серьезной альтернативой теории модернизации, подкрепленной фундаментальной теоретико-методологической базой, с одной стороны, и многообразным практическим опытом разных стран мира по проведению модернизации, позволяющим расширить представления о ней и, следовательно,

совершенствовать подходы и инструментарий для ее дальнейшего изучения, с другой стороны.

1.4 Зарубежный опыт модернизации общества: уроки для Казахстана и Венгрии

При рассмотрении опыта различных стран мира в проведении политической модернизации, прежде всего, нужно исходить из ее основных разновидностей. Анализ и обобщение имеющихся в политической науке представлений по этому поводу позволяют сформулировать следующую типологию модернизационных процессов на основе представленных ниже критериев:

1. По историко-цивилизационным признакам:

1) Органическая (спонтанная, первичная) модернизация. В данном случае речь идет о модернизации, осуществлявшейся преимущественно эволюционным путем на основе собственных культурных традиций и образцов, а также отличавшейся первоочередностью экономических и культурных изменений по отношению к политическим. Опыт проведения такой модернизации демонстрируют страны Западной Европы и Северной Америки;

2) неорганическая (догоняющая, вторичная) модернизация. Она была проведена и проводится в странах, которые отстали в социально-экономическом и политическом развитии от государств Запада, путем заимствования у последних определенных ценностей и достижений и отличающаяся первоочередностью политических изменений.

2. По уровню самодостаточности:

а) эндогенная модернизация, осуществляемая на собственной основе (страны Западной Европы, США и т.д.);

б) эндогенно-экзогенная модернизация, осуществляемая на собственной основе с использованием определенных заимствований от стран предыдущей группы (Россия, Турция, Япония и т.д.);

в) экзогенная модернизация, проводимая на основе заимствований при отсутствии собственных оснований (большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки) [105].

3. По характеру проводимых преобразований:

а) форсированная модернизация, проводимая, как правило, на основе ускоренного развития экономики;

б) частичная модернизация. Она представляет собой процесс социально-политических изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур. Фактически речь идет о незавершенной модернизации;

в) имитационная модернизация, или квазимодернизация. В данном случае речь идет о процессе социально-политических изменений, осуществляемых на

основе заимствования внешних образцов и моделей при отсутствии максимальной реализации их содержания и функций в политической практике;

г) тупиковая модернизация, способствующая не поступательному развитию соответствующего общества, а ставящая его на грань общенациональной катастрофы.

Первая группа разновидностей модернизации отражает представления различных исследователей относительно периодизации этого процесса в исторической ретроспективе. Считается, что первыми по пути ее проведения пошли страны Западной Европы, а затем Северной Америки. Начальный этап данного процесса приходится на XVII-XVIII вв. и совпадает по времени с «промышленной революцией», в свою очередь связанной с развитием буржуазно-капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений в обществе. При этом соответствующие общественно-политические преобразования проводились в большинстве соответствующих стран по инициативе «снизу» посредством проведения буржуазных и буржуазно-демократических революций.

Результатом первичной модернизации стало формирование современных западноевропейского и североамериканского обществ с их специфической цивилизацией. Лидирующими в рамках данного процесса оказались такие страны, как Великобритания, Германия, США и Франция. В процессе модернизации они не только добились впечатляющих результатов собственного развития, но и фактически стали центром постепенного распространения капиталистических отношений на другие страны и регионы. Правда, первоначально это распространение проходило в духе насильственной вестернизации посредством колониальных завоеваний. При этом Запад не считался с отсутствием готовности народов вестернизируемых стран к соответствующим переменам.

По пути догоняющей модернизации пошли, в частности, Россия, Турция (Османская империя) и Япония ориентировочно во второй половине XIX века. Хотя некоторые российские исследователи относят начало этого процесса к первой половине XVIII века, связывая его с реформами, которые проводил российский император Петр I [106]. В любом случае модернизация в этих странах осуществлялась, во-первых, по инициативе «сверху», то есть по волеизъявлению их правителей. Во-вторых, заимствование ими у стран Запада опыта социально-экономического и научно-технического развития, форм организации производства и некоторых социальных институтов практически не сопровождалось соответствующими переменами в культуре, традициях и политическом укладе данных обществ. С одной стороны, такого рода «культурный консерватизм» снижал эффект модернизационного заимствования [105, с. 9]. С другой стороны, опора на традиционные ценности и устои сыграла положительную роль в развитии рассматриваемых государств. В конечном итоге это очень позитивно отразилось, например, на Японии,

которой во второй половине уже XX века удалось реально догнать Запад в технологическом отношении.

Совсем иная ситуация сложилась также двигающихся в направлении догоняющей модернизации у многих стран Азии, Африки и Латинской Америки, бывших ранее в колониальной зависимости от стран Запада. Основной проблемой этих стран было то, что метрополии поддерживали во многих из них сохранение традиционного уклада общества, поскольку это позволяло обеспечивать более эффективный контроль и экономическую эксплуатацию населения. Вследствие этого здесь сложилась такая структура общества и экономики, которая фактически исключает какое-либо серьезное самостоятельное развитие. К тому же в данных странах сформировались политические силы, заинтересованные в сохранении определенной зависимости от метрополий. Их интересы были связаны с сохранением архаичных порядков, аграрного и добывающего секторов экономики с примитивным трудом и нищетой тех, кто здесь трудился, и крайне узким внутренним рынком [107].

Таким образом, в рассматриваемых странах их колониальная зависимость, с одной стороны, и социально-экономическая и технологическая отсталость, с другой стороны, стали взаимообуславливающими факторами. Даже с обретением в разное время государственного суверенитета определенная зависимость от мировых центров политико-экономического влияния сохранилась. В основном такая зависимость обусловлена финансовой составляющей в виде кредитов и инвестиций для развития соответствующих государств «третьего мира», а также интеллектуально-информационной составляющей в виде распространения информации, научных знаний, системы образования и т.д.

Ряд исследователей объясняют такую тенденцию в развитии рассматриваемых государств Азии, Африки и Латинской Америки формированием так называемого «периферийного капитализма». Последний отличается от капитализма промышленно развитых стран не только уровнем развития, но и моделью способа производства и распределения материальных благ. В странах, задержавшихся с развитием рыночных отношений либо отказавшихся от капиталистической модели, как правило, реализуется имитационная модель модернизации. Имитация начинается с создания рынка, на котором привилегированные слои общества могут приобрести все необходимое. Тогда как остальная часть населения, составляющая обычно большинство, фактически исключена из участия в рыночных отношениях и тем самым обречена на более бедственное существование [108].

В целом, догоняющая модель модернизации чревата следующими негативными последствиями для проводящих ее обществ, что доказано опытом различных стран мира. Во-первых, фактическая потеря традиционного уклада жизнедеятельности общества без обретения нового, современного. В результате некоторые государства, идущие по этому пути развитию, вышли в

конечном итоге на грань распада или полураспада (например, Сомали, Судан, Колумбия и т.д.).

Во-вторых, формирование в соответствующих странах своеобразных «анклавов» современной жизни в лице отдельных регионов или городов при низком уровне жизни в провинциях [109]. В результате идет нарастание неравномерности развития между данными «анклавами» и остальной частью страны. В свою очередь это усиливает неравенство и социальную несправедливость в обществе. А при определенных обстоятельствах все это способно вылиться в социальное недовольство с серьезными политическими последствиями в виде всевозможных революций и переворотов.

Следует также отметить, что в настоящее время США и страны Западной Европы уже не являются эталонами успешной модернизации для развивающихся государств. Этому способствуют, во-первых, кардинальная трансформация мира, в том числе и западного, под воздействием глобализации и научно-технического развития. Во-вторых, кризисные процессы, охватывающие практически все стороны жизни современного западного общества, что было отмечено в предыдущем разделе настоящего диссертационного исследования.

В условиях многочисленных сбоев неолиберальной модели современного капитализма некоторые исследователи и политики стран Запада выдвинули новую концепцию модернизации, названную ими концепцией «третьего пути». Одним из ее разработчиков выступил отмеченный выше британский социолог Э. Гидденс. Считая невозможным отказаться от политики модернизации и перехода по ее результатам к обществу со «всемирным открытым и электронным рынком», ученый предложил совокупность принципов и политических мер, которые могут, на его взгляд, скорректировать и гуманизировать этот процесс в его воздействии как на отдельные западные общества, так и в конечном итоге на мир в целом [105, с. 371].

В центре концепции «третьего пути» находится идея сделать социальную демократию совместимой с глобализованной экономикой и изменившимися ценностями граждан. Основной аргумент, выдвигаемый приверженцами этой концепции, состоит в том, что социал-демократические цели обеспечения социальной справедливости, сокращения экономического неравенства, демократизации институтов и наделения людей большей степенью контроля над своей жизнью, по-прежнему являются значимыми. Но в то же время они должны быть адаптированы с учетом изменившегося мира и новых направлений в политике [110]. Фактически речь здесь идет о соединении социал-демократических неолиберальных и иных методов проведения модернизации, исходя из прагматических соображений.

В политический оборот само понятие «третий путь» в середине 1990-х гг. ввели премьер-министр Великобритании Т. Блэр и президент США Б. Клинтон. Суть их позиции заключалась в том, что настало время перейти от споров между государственниками и антигосударственниками, капиталистами

и антикапиталистами к поиску оптимальной модели функционирования рыночной системы в условиях глобализации. В основном речь идет о модернизированной идеологии социал-демократии, признающей базовые ценности либеральной демократии, но проявляющей определенную оппозиционность неолиберальному проекту 1980-х гг. [111].

На практике реализации данной концепции, в частности, в США президент страны в 1992-2000 гг. Б. Клинтон стремился отменить достижения консервативной политики своих предшественников-республиканцев, включая неприкосновенность рынка, государственное дерегулирование, монетаризм, снижение налогообложения прибылей корпораций и высоких частных доходов. Предложенный им пакет мер преследовал три главные цели: 1) расширение государственных капиталовложений и обеспечение долгосрочного экономического роста; 2) преодоление бюджетного дефицита; 3) создание более справедливой налоговой системы.

Реализация соответствующих целей привела к следующим достижениям. В частности, были повышены верхняя ставка налога на прибыль корпораций (с 34 до 36 %) и ставка федерального налога на высокие частные доходы (с 31 до 40 %). Уровень безработицы сократился с 7,5 до 4,3 %. Существенно сократилось число американцев, получавших продовольственные талоны или другие выплаты. Одновременно увеличилось число граждан, которые вовлекались в различные программы профессиональной переподготовки [112]. Такая политика во многом способствовала переизбранию Б. Клинтона в 1996 году на второй президентский срок.

В Великобритании программа социальных преобразований «новых лейбористов» во главе с Т. Блэром была направлена на обеспечение и сохранение социальной справедливости и стабильности британского общества. В результате правительство Блэра смогло проработать в течение трех всеобщих избирательных кампаний с 1997 по 2007 гг. В Германии «серединный путь» выбрал канцлер этой страны в 1998-2005 гг. Герхарда Шредер. Близость позиций глав правительств Великобритании и Германии привела к принятию ими в 1999 году совместной декларации «Третий путь/Новый центр». Фактически здесь заявлена платформа правого крыла европейской социал-демократии, представляющая собой сочетание доминирующих элементов англо-саксонской модели экономики с традиционными ценностями социал-реформизма [111, с. 47].

Вместе с тем реализация политики «третьего пути» на практике отмеченных выше государств при всех ее достижениях имела место и отрицательные результаты. Например, в США намерения Клинтона гарантировать всеобщее медицинское страхование закончились провалом. Критически были встречены инициативы его администрации по лишению с 1996 года матерей-одиночек права на получение пособий по трудоустройству, если в течение двух лет с момента получения данных пособий они не начинают работать [112, с. 99]. В конечном итоге в США, Великобритании и Германии

сторонники «третьего пути» уступили власть консервативно настроенным силам.

Кроме того, концепция «третьего пути» не стала общей для всех приверженцев левоцентристского политического спектра Западной Европы. Так, представители его левой и правой тенденций по-разному оценивают феномен глобализации и методы воздействия на него. Выявились также противоречия между такими вопросами, как перераспределение доходов и реализация концепции универсальности предоставления социальных услуг, личностные свободы и гражданская ответственность и т.д.

Как считает российский исследователь В.Г. Федотова, «третий путь» представляет собой национальную модель модернизации Запада, которая наиболее успешно осуществлялась в Великобритании из-за наличия там более развитого гражданского общества, чем в других странах, применивших эту модель. Для заимствования этой модели модернизации другими странами необходим достаточный уровень вестернизации, научно-технологического развития и соответствующее гражданское общество [113].

Такие европейские страны, как Греция, Испания и Португалия, являясь частью западного мира, пережили вместе с тем запаздывающую модернизацию. Это обусловлено тем, что данные страны Южной Европы серьезно отставали от западноевропейских по уровню политического и социально-экономического развития. До середины 1970-х гг. в них действовали различные вариации авторитарных режимов правления. Последние, в свою очередь, обуславливали высокий уровень централизации и бюрократизации системы государственного управления, отсутствие основ гражданского общества и правового государства, а также развитого рынка.

Реальная модернизация рассматриваемых стран практически началась только в поставторитарный период их развития. При этом данный процесс выявил следующие основные характеристики.

Во-первых, переход к современному обществу начинался с решения фундаментальных политических вопросов. В том числе это касалось выработки и принятия конституции, определения общих принципов национально-государственного устройства, формирования новых государственных институтов, и т.д.

Во-вторых, вопросы экономической модернизации были на время отложены и решались практически уже после решения отмеченных выше политических вопросов.

В-третьих, либерализация общественных отношений вызвала проявления всевозможных проблем и противоречий в обществе, которые до этого жестко сдерживались прежним авторитарным режимом. Нарушение прежнего уклада жизни общества вызвало определенную социальную напряженность и конфликты. Усилилось противостояние различных политических сил. В Испании, например, это выразилось в проявлении сепаратизма и обусловленного им экстремизма в некоторых исторических областях.

В-четвертых, при отмеченных выше критических тенденциях, а также отсутствии экономических и социокультурных предпосылок для проведения модернизации ключевую роль в последующей успешности данного процесса сыграли факторы политических условий, включая разработку и поддержку значительной частью населения соответствующих стран взвешенной стратегии реформирования общества и государства.

В Испании процесс политических преобразований проходил в сочетании монархических и демократических начал. Первые из них были выражены тем, что с инициативой проведения данных преобразований выразил вступивший на престол в ноябре 1975 года после кончины бесценно правившего диктатора Ф. Франко король Хуан Карлос I. Уже в первые годы его правления были проведены ключевые мероприятия по демонтажу франкистского режима, включая объявление амнистии оппонентам последнего и освобождение политических заключенных, учреждение двухпалатных Генеральных кортесов с избранием их депутатов всеобщим и прямым голосованием, роспуск франкистского Национального движения, легализация ранее запрещенных политических партий и принятие в 1978 году новой конституции.

Демократические начала нашли свое отражение в том, что модернизационные процессы были поддержаны ведущими политическими силами Испании. Для этого по инициативе премьер-министра страны А. Суареса в октябре 1977 года в правительственной резиденции Монклоа был созван «круглый стол» представителей различных политических партий и профсоюзов для достижения консенсуса по важнейшим вопросам национальной политики. По их итогам были подписаны Пакт о преодолении экономического кризиса путем принятия стабилизационных мер и Пакт о законодательных и политических действиях на этапе перехода к демократии (пакты Монклоа). Тем самым было достигнуто соглашение между различными политическими силами, прежде всего между франкистами и коммунистами, о сотрудничестве в достижении общенациональных целей и взаимном отказе от мести и преследования своих бывших политических противников во имя высших интересов страны [114].

Стабилизирующим фактором в рассматриваемых странах, удерживающим процесс модернизации в рамках динамического равновесия и в то же время генерирующим прогрессивные изменения, стали демократические политические институты, сформированные путем свободных выборов на плюралистической, многопартийной и конкурентной основе. При этом их формированию предшествовал процесс достижения консенсуса между разными силами внутри политической элиты. В итоге соответствующие структуры и их деятельность получили как горизонтальную (на уровне политической элиты), так и вертикальную (на уровне широких слоев общества) легитимность.

В целом, на примере трех стран Южной Европы запаздывающий характер политической модернизации демонстрирует необходимость:

а) формирования сильных институтов власти, способных эффективно проводить соответствующие преобразования и не допустить в этот процессе социально-политической нестабильности;

б) мобилизации общества вокруг общих целей, а также концентрации необходимых ресурсов в интересах их достижения;

в) понимание практической невозможности одновременного преобразования всех сфер соответствующего общества и, как следствие, определение стратегии последовательности этого процесса.

Успешный пример проведения форсированной модернизации продемонстрировали новые индустриальные страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) – Южная Корея, Малайзия, Сингапур и Тайвань. Достижения этих стран представляют собой логическое продолжение германского, итальянского и японского «экономического чуда». Но для этих стран АТР характерно то, что их скачок был совершен в исторически краткие сроки. Им потребовалось почти в четыре раза меньше времени – примерно 25 лет, вместо 100, чтобы преодолеть путь, проделанный соседней Японией.

Прежде всего, опыт этих стран демонстрирует ошибочность однолинейных западнцентристских подходов на процессы модернизации, а также неэффективность попыток Запада оказывать свое влияние на ход и результаты этих процессов. В последнем случае следует отметить, что практика предоставления экономической помощи и рекомендаций со стороны Запада, в том числе под эгидой таких международных институтов, как Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ), по отношению к развивающимся странам не всегда приводила к положительным результатам.

Среди ряда экспертов существует точка зрения о том, что Запад не хочет реализации развивающимися странами модели догоняющей модернизации [115]. В связи с этим он фактически навязывает данным странам свою модель, которая не подходит для местных условий и для успешных попыток достичь экономического равенства с западными государствами.

Как правило, рекомендации тех же МВФ, Международного банка реконструкции и развития и других донорских структур соответствующего уровня для развивающихся государств сводятся к следующим стандартным требованиям:

- а) отмена государственных дотаций на услуги и товары местного спроса;
- б) сокращение государственных непроизводственных расходов;
- в) девальвация местной валюты;
- г) приватизация нерентабельных государственных предприятий;
- д) приоритет развитию мелкого частного сектора;
- е) демократизация режима правления [116].

В то же время большинство развивающихся стран не готовы к этому процессу. А развитие рассматриваемых стран АТР показывает, что они способны эффективно осуществлять модернизацию собственными силами. Как показывает их соответствующий опыт, успех перехода общества в

качественно новое состояние обеспечивается либо массовой поддержкой политики правящих элит, либо жесткой линией государства при отсутствии такой поддержки, связанном либо с политической инертностью и безразличием, либо враждебным отношением масс к официальной политике. В таких условиях эффективность такого перехода зависит, во-первых, от преодоления процесса распада системы прежних общественных связей и их перевода в конструктивную фазу, и, во-вторых, от степени адекватности политической системы основным задачам переходного периода.

Важную роль в феномене данных стран сыграли следующие обстоятельства:

а) выгодное географическое положение данных стран. Все они находятся на перекрестке мировых торгово-экономических путей, вблизи от центров мирового хозяйства (США, Япония);

б) почти во всех данных странах АТР сложились авторитарные или близкие к таковым политические режимы правления. В связи с этим в них была обеспечена политическая стабильность, а демократические политические преобразования были отложены в пользу экономических реформ;

в) иностранным инвесторам в данных странах была обеспечена высокая степень гарантий безопасности их инвестиций;

г) определенную роль в процессе модернизации сыграли такие неэкономические факторы, как трудолюбие, старательность, дисциплинированность, бережливость населения рассматриваемых государств.

Правящие режимы этих стран при всем разнообразии методов и путей решения стоящих перед ними актуальных задач развития продемонстрировали рациональное видение. Это позволило им правильно определить приоритеты на каждом отдельно взятом этапе и одновременно точно выстроить стратегическую линию развития экономики государств в целом.

В результате модернизационная политика в данных странах АТР отличается следующими общими для них чертами:

1. Поэтапная демократизация режима правления по мере формирования среднего класса и повышения уровня жизни.

2. Жесткая борьба с коррупцией на всех уровнях государственной власти, несмотря на занимаемую должность.

3. Постепенный переход от авторитарного правления к конкурентной многопартийной демократии в условиях экономического кризиса, когда прежний режим уже не мог осуществлять динамичное развитие страны.

4. Наличие развитой культурной традиции, способной компенсировать отсутствие некоторых предпосылок модернизации и помочь обществу успешно адаптироваться к постоянным изменениям в условиях рынка и конкуренции.

Показателен в этом отношении опыт Республики Корея, которая, в частности, совершила свое «экономическое чудо», увеличив производство на душу населения с 80 долларов США в 1960 году до 3000 долларов в начале 1990-х гг. [117]. Вместе с тем политическое развитие Южной Кореи до

середины 1980-х гг. можно охарактеризовать как череду сменяемых друг друга военных диктатур.

Правление первого президента этой страны Ли Сын Мана (1948-1960 гг.) отметилось искусном лавированием между основными социальными группами и политическими силами. Однако оно закончилась в результате экономических трудностей и нерешенности земельного вопроса, что привело к народному восстанию в 1960 году и провозглашению второй республики. Правда, последняя просуществовала около года и показала неэффективность парламентской демократии в условиях крайней раздробленности многопартийной системы. Это привело в 1961 году к военному перевороту, в результате которого во главе страны встал генерал Пак Чон Хи [118].

В период правления Пак Чон Хи (1961-1976 гг.) происходит переломный этап развития Республики Корея. В частности, решается земельный вопрос, в результате чего власть получает социальную опору в сельской местности. Режим также обеспечивает индустриализацию страны по японской модели, используя теории «корпоративного общества» и «направляемой демократии». Именно при Пак Чон Хи Южная Корея превращается в «азиатского тигра». Однако убийство руководителя страны одним из представителей его ближайшего окружения спровоцировало новый политический кризис и привело к очередному военному перевороту с приходом к власти генерала Чон Ду Хвана.

Постепенно под давлением оппозиции и стран Запада происходит переход от военных режимов к демократической форме правления. Первоначально посредством проведения в 1986 году президентских выборов власть перешла от Чон Ду Хвана к его преемнику, генералу Ро Дэ У, правившего в 1986-1993 гг. В этот период становится ясно, что военные выполнили свою историческую миссию по созданию условий для функционирования рыночной экономики и относительно стабильной политической системы. В связи с этим они вынуждены были уступить политическую власть консолидированной буржуазии, требующей определенной политической либерализации.

Процесс передачи власти военными, потерявшими возможность лавирования между различными слоями населения и группами влияния внутри национальной буржуазии, завершается избранием в 1993 году президентом страны Ким Ен Сама. В результате Южная Корея становится демократической президентской республикой. А в феврале 1998 года новым главой государства становится Ким Дэ Чжун. При нем корейские власти были вынуждены проводить жесткие, но необходимые реформы для преодоления последствий азиатского финансового кризиса [118, с. 159]. В ходе соответствующих реформ Республика Корея фактически отказывается от японской модели корпоративного капитализма и окончательно переходит к либерально-демократической модели, близкой к американскому образцу.

В целом, опыт проведения форсированной модернизации в рассматриваемых странах АТР демонстрирует, что наиболее важным

факторами политического развития и демократизации общественной жизни являются экономический рост и способствующая ему политическая стабильность. В последнем случае во избежание перерастания некоторых издержек проводимой в традиционных обществах модернизации в хаос и неуправляемый процесс распада социальной системы важную роль сыграл авторитарный характер режимов правления в данных странах.

В пользу данного режима говорит то, что он признает многообразие социальных отношений, экономическую свободу производителей, права личности и гражданское общество. Он лишь жестко упорядочивает развивающееся многообразие социальных связей, придает обществу целостность, действуя при этом на основе закона. Единственно, что к минусам такого режима можно отнести недопущение или сильное ограничение возможностей политической оппозиции. Тем не менее, проводимая «сверху» в рассматриваемых странах АТР модернизация привела в итоге к установлению здесь собственных вариантов либерально-демократической модели. К тому же специфические моменты позволили данным странам миновать временную длительность модернизации стран Запада, а также откровенно болезненные процессы смены идентичности.

В отличие от этих стран форсированная модернизация в Иране периода 1963-1979 гг. в конечном итоге стала тупиковой. Речь идет о так называемой «Белой революции», проводимой бывшим тогда шахом Ирана Мухаммадом Реза Пехлеви в целях преодоления феодальных пережитков и интеграции в мировую капиталистическую систему. В определенной степени данная политика привела к позитивным результатам. В частности, была проведена аграрная реформа, наделившая землей многих крестьян. ВВП на душу населения увеличился за указанный период со 100 до 1521 долларов США. В результате повышения мировых цен на нефть в 1973-1978 гг. в бюджет Ирана за счет ее продажи поступило более 100 млрд. долларов США [119].

С одной стороны, соответствующие показатели социально-экономического развития Ирана позволяли говорить о росте благосостояния населения и, как следствие, лояльности и поддержке с его стороны политике «Белой революции». Однако, с другой стороны, шахом и его ближайшим окружением были допущены следующие серьезные ошибки.

Во-первых, в условиях форсированной модернизации для большинства иранцев ценность развернувшегося процесса не была очевидной. Отсутствовало понимание и принятие соответствующих перемен.

Во-вторых, индустриализация вызвала беспрецедентный рост численности населения городов. В основном это было обусловлено издержками аграрной реформы, которая в конечном итоге привела к обогащению узкого круга лиц при маргинализации большей части сельского населения. В результате многие сельчане мигрировали в города, которые не могли обеспечить их трудоустройство и относительно нормальное проживание.

В-третьих, большая часть нефтяных доходов была направлена на содержание государственного аппарата и особенно силовых структур. В результате такой политики в стране сформировались отмеченные выше «анклавы», включая, прежде всего, Тегеран, при ухудшении положения в провинциях.

В-четвертых, упразднение в 1973 году многопартийности и установление авторитарного монопартийного режима лишило правящий режим легальных механизмов диалога в общественном администрировании.

В-пятых, шах откровенно игнорировал все традиционные для Ирана социальные институты, включая мусульманскую религию и духовенство. Поскольку же вся светская оппозиция режимом была ликвидирована, то представители духовенства остались фактически единственным институтом, способным канализировать общественный процесс. В конечном итоге именно они стали движущей силой Исламской революции 1979 года, приведшей к свержению монархии и установлению исламской республики.

Относительно уже Исламской Республики Иран некоторые эксперты утверждают, что ислам, инкорпорированный в государственные институты, вряд ли окажет положительное влияние на развитие страны. По их мнению, практически ни в одной стране на Ближнем и Среднем Востоке, где сильны позиции традиционного ислама, он не уживается с политической и экономической модернизацией [120]. Касательно Ирана подобные скептические оценки связаны в основном с персоной высшего руководителя страны (рахбара) Али Хосейни Хаменеи, который руководит страной с 1989 года и проводит консервативную политику, не допуская каких-либо серьезных преобразований.

Вывод. Приведенный выше анализ опыта проведения модернизации в различных странах мира лишний раз демонстрирует, насколько сложен этот процесс. Прежде всего, он показывает, что модернизация не является движением к определенному образцу. Она решает конкретные задачи развития той или иной страны специфическими способами в пределах соответствующего общества, которому присущи определенные традиции, социоисторические особенности и собственное видение проекта будущего. Ее также должна отличать преждевременность, в свою очередь соответствующая уровню общественного сознания и состоянию культуры.

В этой связи развивающимся странам, а также новым независимым государствам не нужно просто перенимать и имитировать существующие ценности и институты западного общества, которые сами подвергаются определенным изменениям. От модернизирующихся стран требуются новые направления развития.

Очевидно, что данный урок не был извлечен Венгрией. Откровенно форсированный характер модернизации, включая переход страны в 1989 году к парламентской модели правления, характерной для большинства государств Западной Европы, привел впоследствии к серьезным кризисным процессам в

социально-политической жизни Венгрии. Тогда как Казахстану оказался близок соответствующий опыт некоторых стран АТР, предполагающий постепенное реформирование политических основ общества и государства при обеспечении стабильности ключевых механизмов данного процесса. В то же время модернизационный опыт Венгрии, который будет подробно рассмотрен в разделе 3 настоящего диссертационного исследования, также очень важен для Казахстана с той точки зрения, как избежать повторения чужих и не допустить собственных ошибок в процессе политической модернизации.

2 КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

2.1 Исходные условия, основные этапы и стратегические контуры модернизации в Казахстане

Крупнейшим событием конца XX века стал распад мировой социалистической системы и ее организующего ядра в лице Союза ССР. Для входящих в это государство-империю республик и проживающих на его территории народов это стало уникальным историческим шансом для обретения собственного пути развития. Казахстан в этом отношении получил большие возможности восстановить свою суверенную государственность, утраченную казахским народом в 18-19 вв. вследствие джунгарского нашествия и последующего присоединения исконных казахских земель к России.

Одной из важных особенностей процесса государственного строительства и трансформации политической системы Казахстана является его поэтапность. Каждый этап определялся с учетом необходимости создания экономических и социокультурных предпосылок для проведения определенных политических преобразований в соответствии с логикой развития республики.

Первый из этих этапов пришелся на 1992-1994 гг. и отличался тем, что демократизация общественно-политических отношений шла в данный период неразрывно с государственным строительством. В связи с этим совершенствование и укрепление системы государственной власти и управления было не менее важно, чем создание новых демократических институтов. Руководству республики и всему казахстанскому обществу нужно было строить фактически новое государство со всеми необходимыми атрибутами и механизмами функционирования.

Условия, в которых Казахстан начал развитие своей суверенной государственности в большинстве своем были неблагоприятны. В частности, сложившаяся в условиях советской тоталитарной системы уравнилительно-патерналистская ментальность казахстанского общества не позволяла ему сделать единомысленный и осознанный выбор в пользу качественно новой парадигмы своего развития. Многим казахстанцам было тяжело расстаться с привычным образом жизнедеятельности, социальным укладом и идеологическими ориентирами.

Казахстан в данный период также фактически продолжал оставаться в пока еще единой экономической системе бывшего СССР, которая стремительно разрушалась. В частности, до введения 15 ноября 1993 года своей национальной валюты – тенге Казахстан находился в рублевой зоне. В этих условиях проведение Россией в начале 1992 года политики либерализации цен негативно отразилось и на экономике Казахстана, вызвав в республике серьезную дестабилизацию финансово-денежной системы и безудержную инфляцию [121].

В рамках системного социально-экономического кризиса имели место спад производства, рост цен, упадок системы социального обеспечения, здравоохранения и образования, резкое снижение уровня жизни населения, безработица, обострение криминогенной обстановки и т.д. Неизбежным явлением стал духовный кризис общества. Многие казахстанцы оказались в состоянии фрустрации, испытывая апатию, неуверенность в завтрашнем дне, обесценивание стимулов созидательной деятельности и неопределенности своего места в происходящих процессах. Тому же все это происходило на фоне усиления политизации этнического фактора и обострения межнациональных отношений.

В этих сложных условиях одним из факторов успешного осуществления посттоталитарной трансформации политической системы Казахстана стало использование руководством страны стратегического планирования. Данный подход предполагает сосредоточенность не на решении конкретных и узкоориентированных вопросов, а на долгосрочных перспективах. В соответствие же с определенной стратегией обозначаются конкретные цели и пути их достижения.

Для Казахстана выбор стратегии развития был предопределен практически с первых дней его существования в качестве независимого государства. Президент страны Нурсултан Назарбаев провозгласил официальным политическим курсом реформирование отношений в обществе и государстве, направленных на построение демократии, правового государства и рыночной экономики. Основные моменты данного курса были изложены в опубликованном в республиканской печати 16 мая 1992 года произведении Главы государства «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства»:

1) в сфере внутренней и внешней политики: развитие молодого суверенного государства в направлении формирования сильной президентской республики, создание многопартийной системы, обеспечение стабильности как главной политической цели и необходимого условия успешного осуществления экономических реформ, соблюдение с учетом геополитического самоопределения многосторонних и разновариантных военно-политических и экономических балансов, обеспечивающих безопасность и суверенность республики, повышение политического веса Казахстана в мировом сообществе за счет соблюдения демократических свобод и прав человека, отыскания собственного места в мировой экономике, использование выгодного геополитического положения Казахстана в технологии вхождения в мирохозяйственные связи;

2) в сфере экономики: формирование социальной рыночной экономики, основанной на конкурентных началах, с сочетанием и взаимодействием основных форм собственности – частной и государственной, создание правовых и иных условий для реализации принципа экономического самоопределения человека, завоевание собственных или разделение с другими

странами конкретных позиций на мировых товарных рынках на базе природных ресурсов Казахстана и реконструкции его экономики за счет опережающего развития перерабатывающих и наукоемких отраслей, экспортных и импортзамещающих производств с привлечением современной зарубежной техники и технологий, насыщение потребительского рынка, привлечение и использование иностранных инвестиций для развития Казахстана;

3) в сфере социального развития: создание общества, в котором на деле будет обеспечено благосостояния всех, обеспечение каждому желающему предпринимательской свободы и возможности приложения сил в любой другой сфере деятельности, развитие этнической самобытности и сохранение национально-культурного многообразия Казахстана, повышение трудовых доходов, пенсий и пособий по мере роста и стабилизации экономики, ее интеграции в мирохозяйственные связи [55, с. 103-111].

Наиболее важным шагом в процессе государственного строительства стало принятие 28 января 1993 года первой Конституции Республики Казахстан. С появлением Основного закона Казахстан закрепил за собой статус демократического государства. В Конституции были четко определены основные гражданские, политические, экономические и социальные права и свободы, основные обязанности граждан, гарантии прав и свобод, основы устройства общества, система государственных органов. Вместе с тем ведущую роль в политико-властной системе страны первая Конституция РК закрепила за Верховным советом. Президент признавался главой исполнительной власти. Хотя его власть и была несколько ограничена парламентом, тем не менее он имел статус и полномочия, позволяющие ему функционировать в качестве полноправного главы государства [70, с. 63]. Параллельно с государственным строительством достаточно интенсивно шло создание политических партий, неправительственных организаций (НПО) и независимых СМИ.

В то же время руководство Казахстана столкнулось с ограниченностью поля общественной поддержки преобразований. Во-первых, произошел распад прежних линий коммуникаций между властью и обществом. В свою очередь, это обстоятельство во многом было обусловлено упразднением прежних механизмов организации социально-политического пространства, действовавших в рамках советской партийно-государственной системы. В результате, с одной стороны, новые механизмы данного взаимодействия еще не были сформированы, а, с другой стороны, социальная структура и духовное состояние казахстанского общества в рассматриваемый период уже претерпели значительные изменения.

Во-вторых, на волне довольно интенсивной демократизации активизировались различные политические силы. При этом одни из них требовали проведения радикальных преобразований, а другие, наоборот, всячески противились реформам. Одни и те же политические партии (Социалистическая партия Казахстана, Народный конгресс Казахстана)

колебались между поддержкой официального политического курса и проявлением оппозиционности по отношению к деятельности правительства. Проявились тенденции противостояния внутри новой правящей элиты республики. Одна из наиболее выраженных линий разлома проявилась в отношениях между Президентом и парламентом – Верховным советом [62, с. 207].

Данное развитие общественно-политических процессов привело к политическим кризисам в октябре-декабре 1993 и марте 1995 гг., связанным с самороспуском Советов народных депутатов всех уровней и роспуском Верховного совета РК 13-го созыва соответственно. В конечном итоге были упразднены доставшиеся Казахстану в наследство от советского прошлого такие государственные институты, как Советы народных депутатов, являющиеся представительными органами власти на всех уровнях административно-территориального деления страны.

Приняв в результате этого на себя законодательные полномочия, Президент РК использовал для кардинального реформирования политической системы страны и интенсивного проведения экономических преобразований. При этом соответствующие шаги Нурсултан Назарбаев предпринял, получив новый мандат доверия от своего народа. 29 апреля 1995 года был проведен республиканский референдум, по итогам которого подавляющее большинство принявших в нем участие казахстанцев проголосовало за продление срока полномочий Президента РК до 1 декабря 2000 года.

Второй этап политической модернизации, совпавший с 1995-1999 гг., был отмечен, прежде всего, принятием 30 августа 1995 года новой Конституции Республики Казахстан, утвердившей качественно новую конструкцию политической системы. Так, были введены новые институты – двухпалатный Парламент, Конституционный совет, Высший судебный совет. Кабинет министров стал именоваться правительством, главы администраций – акимами, упразднился институт Вице-президента республики и был введен пост Государственного секретаря.

Самыми же существенными шагами стали изменения статуса и полномочий Президента РК. Он не только стал доминирующей фигурой в государстве, но и был признан находящимся над всеми ветвями власти. Конституция обеспечила Главу государства сильными механизмами гарантий своего положения и воздействия на правительство, парламент, суды и местные органы власти. При этом Казахстан стал официально обозначаться как государство с президентской формой правления. Все это позволило стабилизировать общественно-политическую ситуацию и сосредоточиться на решении важнейших проблем [122].

Выстраивание, таким образом, стабильно функционирующей системы государственной власти и управления создало важные предпосылки для интенсивного проведения рыночных преобразований. В результате в рассматриваемый период были созданы законодательная и институциональная

базы рыночных отношений, осуществлены ряд мер по либерализации экономики, включая приватизацию объектов бывших в государственной собственности, снятие барьеров для продвижения ряда товаров, организацию банковской и таможенной службы, привлечение иностранного капитала и т.д. Политика быстрых экономических реформ на данном этапе развития Казахстана не только оправдала себя с точки зрения стабилизации и создания условий для перехода к рынку, но и позволила выявить взаимосвязь между скоростью реформ и перспективами долгосрочного экономического роста.

Еще одним важным моментом стала попытка концептуального определения долгосрочных и краткосрочных приоритетов проведения дальнейшей модернизации политической системы страны в сочетании с ключевыми мерами по укреплению казахстанской государственности. Это отразилось в озвучивании 10 октября 1997 года ежегодного Послания Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». Данный документ, больше всего известный как Стратегия «Казахстан-2030», ориентирован на долгосрочную перспективу. В качестве семи приоритетных направлений развития Казахстана на ближайшие тридцать лет в нем выделены:

1. Национальная безопасность, призванная обеспечить развитие Казахстана как независимого суверенного государства при сохранении полной территориальной целостности.

2. Внутривнутриполитическая стабильность и консолидация общества, ориентированные на сохранение и укрепление внутривнутриполитической стабильности и национального единства, что позволит Казахстану претворить в жизнь национальную стратегию в течение нынешнего и последующего десятилетий.

3. Экономический рост, базирующийся на открытой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных инвестиций и внутренних сбережений, который позволит достичь реальных, устойчивых и возрастающих темпов экономического роста.

4. Здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана. Данный приоритет предполагает постоянно улучшать условия жизни, здоровье, образование и возможности всех казахстанцев, а также экологическую среду.

5. Энергетические ресурсы, чье эффективное использование путем быстрого увеличения добычи и экспорта газа и нефти с целью получения доходов должно способствовать устойчивому экономическому росту.

6. Инфраструктура, в особенности транспорт и связь, развивать которые следует таким образом, чтобы способствовать укреплению национальной безопасности, политической стабильности и экономическому росту.

7. Профессиональное государство, предполагающее создание эффективного и современного корпуса государственных служащих Казахстана, преданных делу и способных и способных выступать представителями народа в достижении приоритетных целей страны [57, с. 345, 346].

В последующих ежегодных посланиях Главы государства, начиная с 1998 года, уже озвучиваются краткосрочные приоритеты политических преобразований на конкретный период развития казахстанского общества и государства. Следует отметить, что, несмотря на создание качественно новой конструкции политической системы с ее сверхцентрализованным характером и доминирующей ролью Президента страны, курс на дальнейшую демократизацию казахстанского общества и государства был признан неизменным.

Особенно это было продемонстрировано в очередном ежегодном Послании Президента страны народу Казахстана «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: Демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии», которое было озвучено 30 сентября 1998 года. В частности, Глава государства обозначил здесь следующие семь «основополагающих элементов демократизации и политической либерализации»:

- 1) придание выборному процессу таких качеств, как честность, представительность и поощрение активного участия кандидатов и избирателей;
- 2) усиление роли политических партий в политической системе страны;
- 3) всемерное укрепление и обеспечение независимости Сената и Мажилиса Парламента РК, а также устойчивости и преемственности власти в стране;
- 4) укрепление роли неправительственных организаций в строительстве гражданского общества;
- 5) создание независимого суда как «краеугольного камня демократического общества»;
- 6) всемерное наращивание достижений в сфере свободной, не подцензурной и независимой прессы;
- 7) совершенствование гендерной политики, включая повышение представительства женщин во всех органах власти [123].

В рамках реализации отмеченных выше установок Главы государства 7 октября 1998 года Парламентом были внесены изменения и дополнения в Конституцию РК. Данные поправки, в частности, увеличили срок полномочий Президента РК с 5 до 7 лет, депутатов Сената и Мажилиса Парламента - с 4 до соответственно 6 и 5 лет, ввели избираемость дополнительных 10 депутатов Мажилиса по системе пропорционального представительства на основе партийных списков, а также возможность избрания акимов нижестоящих от области, города республиканского значения и столицы республики административно-территориальных единиц в порядке, установленном Президентом РК.

В рассматриваемый период была также сформирована законодательная база, регулирующая ряд важных вопросов в сфере общественно-политических отношений. В частности, в 1996 году были приняты законы «Об общественных объединениях» и «О политических партиях», в 1999 году – «О средствах

массовой информации». Еще одним важным событием стало начало формирования и внедрения в политическую систему Казахстана института правящей партии. Таковой стала созданная в январе 1999 года Республиканская политическая партия «Отан». На I съезде этой партии, прошедшем 1 марта того же года с участием Главы государства, последний был торжественно принят в ряды РПП «Отан» и избран ее председателем. По итогам парламентских выборов, прошедших в октябре 1999 года, в рамках системы пропорционального представительства эта партия заняла 4 из 10 мест в Мажилисе Парламента РК. Еще 34 «отановцев» были избраны депутатами этой же палаты по одномандатным округам.

Третий этап политической модернизации в Казахстане пришелся на 2000-2003 гг. Следует отметить, что в научно-экспертном сообществе республики официальная политика оценивается неоднозначно. В значительной степени это было обусловлено некоторым торможением в темпах проведения политических реформ, отмеченных в Посланиях Президента РК 1997 и 1998 гг.

С одной стороны, в рассматриваемый период наблюдалась тенденция консервации политической системы страны в связи с тем, что никаких серьезных политических преобразований фактически проведено не было. Особенно своего рода мораторий касался возможного проведения очередной конституционной реформы. Показательным в этом отношении стало выступление президента страны на встрече с членами Ассамблеи народов Казахстана 27 августа 2003 года. Глава государства, в частности, отметил, что никаких изменений Конституции не предполагается, поскольку она обеспечивает и имеет огромный потенциал для дальнейшей либерализации общества, а также дает всем гражданам мир и спокойную жизнь в обществе [74, с. 87].

С другой стороны, определенные меры либерально-демократического характера на данном этапе модернизации политической системы страны все же были приняты. В частности, правительством республики была проведена системная работа, направленная на конструктивное взаимодействие с некоммерческими неправительственными организациями «третьего сектора». Так, 23 января 2002 года была утверждена Концепция государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан. Затем на ее основе правительством 17 марта 2003 года была принята Программа государственной поддержки неправительственных организаций на 2003-2005 годы. Наиболее важным моментом указанных документов стало выражение намерения правительства создать институт государственного социального заказа в целях финансирования реализации различными НПО социально значимых программ и проектов.

В целях совершенствования системы и механизмов обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод граждан в сентябре 2002 года на основании Указа Президента РК был создан институт Уполномоченного по правам человека. В его обязанности вошли наблюдение за соблюдением прав и

свобод граждан и принятие ими в пределах своей компетенции мер по восстановлению нарушенных прав и свобод [124]. Тем самым руководство страны продемонстрировало широкой общественности свое стремление к совершенствованию системы защиты конституционных прав и свобод граждан. Первым Уполномоченного по правам человека в РК стал назначенный на эту должность Булат Байкадамов.

В ноябре 2002 года в целях проведения политического диалога между государством и институтами гражданского общества было образовано постоянно действующее Совещание по выработке предложений по дальнейшей демократизации и развитию гражданского общества (ПДС). Его участниками стали представители государственных органов, политических партий и НПО. Руководителем этого органа был назначен вице-премьер Бауржан Мухамеджанов. На заседаниях ПДС были рассмотрены важные для данного периода вопросы социально-экономического и политического характера, включая реформирование выборного законодательства, рассмотрение Земельного кодекса, перспективы разграничения полномочий между уровнями исполнительной власти, совершенствование законодательства о СМИ, введение местного самоуправления, развитие судебной системы и т.д. [125].

Разъясняя политику государства относительно определенного сдерживания темпов политического реформирования, Президент РК 4 апреля 2003 года в своем очередном ежегодном Послании народу Казахстана «Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год» отметил следующее: «Мы будем двигаться шаг за шагом, сохраняя ценности нашей культуры, единство, межнациональное и межконфессиональное согласие, политическую стабильность. Я не устаю об этом повторять. Но при этом всегда надо отдавать себе отчет в том, что ни одна страна не достигла совершенства в государственном и политическом устройстве... Даже у развитых цивилизованных стран этапы либерализации и децентрализации сменяются резким усилением роли государства и централизацией: все зависит от конкретно-исторических условий и объективности этапов развития» [126]. Тем самым Глава государства дал понять, что движение Казахстана к демократии и открытому обществу осуществляется постепенно, при тщательном планировании и, что очень важно, с учетом принципа «Сначала - экономика, затем - политика».

С 2004 года наблюдается серьезная смена в позициях руководства республики в сторону как признания необходимости проведения новых политических преобразований, в том числе конституционного характера, так и изменения определяющей данный процесс официальной терминологии. В результате *четвертый этап модернизационного процесса прошел в 2004-2007 гг.* под знаком выработки оптимальной модели и направлений проведения новых политических реформ.

Прежде всего, в рамках официальной идеологии стало активно использоваться понятие «политическая модернизация». Одним из первых его

упоминаний пришлось на обозначение комплекса мер по реформированию политической системы Казахстана, которые были озвучены Президентом РК в 2004 году в его выступлениях на VII съезде Республиканской политической партии «Отан» и на открытии шестой сессии Парламента Республики Казахстан 2-го созыва. Среди этих мер, в частности, можно отметить увеличение численности депутатов обеих палат Парламента, наделение Парламента более широкими контрольными функциями, в том числе за исполнением государственного бюджета, расширение его полномочий по формированию Центральной избирательной комиссии и Конституционного совета, введение выборности акимов городов и районов, поэтапного введения института присяжных заседателей в судебной системе и т.д. [127].

В целях придания процессу реформирования политической системы Казахстана более системного характера и широкой общественной поддержки в ноябре 2004 года была создана Национальная комиссия по вопросам демократии и гражданского общества при Президенте РК, которая заменила собой упраздненное ПДС. Существенным отличием данной комиссии от ПДС стало придание ей статуса консультативно-совещательного органа при Главе государства, а не при правительстве, что предполагало доведение ее участниками своих рекомендаций и предложений по совершенствованию политической системы непосредственно Президенту. Кроме того, в ее состав были включены только представители действующих партий [128].

В рамках Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества были образованы рабочие группы, занимающиеся вопросами разработки проекта Государственной программы реформирования политической системы и развития гражданского общества, усиления роли и расширения контрольных функций Парламента, децентрализации государственного управления и внедрению системы местного самоуправления, введения суда присяжных и практики судебного санкционирования ареста. Председателем комиссии был назначен секретарь Совета безопасности РК Булат Утемурастов.

В тоже время деятельность Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества фактически была переходной. Это обстоятельство предполагало, что ей предстояло подготовить пакет предложений об основных контурах будущих политических реформ. Для придания же им более конкретного характера было принято решение создать новый орган - Государственную комиссию по разработке и конкретизации программы демократических реформ, что было осуществлено 20 марта 2006 года. При этом Глава государства лично возглавил эту комиссию [129].

Данное решение подчеркивало важность проведения предстоящих преобразований в партийно-политической системе страны. В рамках работы данного органа были проведены несколько заседаний с личным участием Президента РК, а также другие мероприятия, включая заседания рабочих групп Госкомиссии, конференции, «круглые столы» и общественные слушания. В

ходе рабочих встреч широко обсуждались и обобщались предложения представителей партий, НПО и научных кругов по дальнейшему реформированию политической системы Казахстана.

Итогом работы Госкомиссии по разработке и конкретизации программы демократических реформ стал представленный в феврале 2007 года документ, содержащий предложения по основным направлениям политического реформирования в Казахстане. Затем Главой государства была образована рабочая группа из числа ведущих правоведов, которая, взяв за основу рекомендации Госкомиссии, подготовила предложения по внесению изменений и дополнения в Конституцию РК.

В конечном итоге 21 мая 2007 года Парламентом РК был принят закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан». Проведенная таким образом конституционная реформа внесла серьезные коррективы в характер и механизмы функционирования политико-властной системы республики. В результате были расширены полномочия и усилены позиции Президента РК, который, в частности, получил права на членство в политических партиях, законодательной инициативы, роспуска не только Парламента, но и только одной его нижней палаты, а также маслихатов любого уровня. Количество депутатов Сената Парламента, назначаемых главой государства, было увеличено с 7 до 15 человек. Кроме того, Назарбаеву Н.А. как Первому Президенту РК было предоставлено право на бессрочное, начиная с 2012 года, участие в очередных президентских выборах.

Другим важным направлением конституционной реформы стал переход к формированию Мажилиса Парламента исключительно на пропорциональной основе с некоторыми элементами кооптации сюда от Ассамблеи народа Казахстана. При этом депутатский корпус Мажилиса был увеличен с 77 до 107 человек, 98 из которых избираются по партийным спискам, а 9 – от АНК. Одновременно были расширены полномочия Мажилиса и Сената Парламента. В частности, в компетенцию первого из них вошло единоличное, без участия Сената, предоставление прав Президенту на назначение Премьер-Министра республики. При этом глава государства вносит кандидатуру на этот пост только после проведения консультаций с фракциями представленных в Мажилисе политических партий. Что касается Сената, то в его компетенцию включено участие в назначениях председателя Национального банка, членов Центральной избирательной комиссии и Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета [130].

Рассматриваемая конституционная реформа стала знаковым событием в политической жизни республики и фактически заложила алгоритм ее дальнейшего развития на ближайшую перспективу. В связи с этим, в целях последующей реализации вновь принятых конституционных норм, 20 июня 2007 года Президентом РК на основании обращения в его адрес группы парламентариев был осуществлен роспуск Мажилиса Парламента 3-го созыва. Проведение 18 августа того же года выборов депутатов Мажилиса Парламента

4-го созыва привело к образованию однопартийного Парламента, сформированного единолично победившей на выборах с результатом 88,41% голосов Народно-демократической партией «Нур Отан», как стала называться с осени 2006 года РПП «Отан».

В 2008-2011 гг. в республике прошел пятый этап политической модернизации. По времени он совпал с влиянием на Казахстан мирового финансово-экономического кризиса, негативно отразившегося в экономике и социальной сфере страны. В связи с этим для руководства республики приоритетными стали выработка и реализация антикризисных мер. Вместе с тем преодоление данного кризиса не помешало обозначить и начать постепенную реализацию новых политических преобразований.

Прежде всего, в рамках данного процесса было продолжено использование стратегического планирования. Этот подход нашел свое выражение в Стратегическом плане развития Республики Казахстан до 2020 года, утвержденном Указом Президента РК от 1 февраля 2010 года. В данном документе обозначены следующие ключевые направления модернизации политической системы страны на среднесрочную перспективу:

1) создание эффективных институтов местного самоуправления и гражданского общества, соответствующих лучшим международным стандартам;

2) создание современных эффективных и транспарентных избирательной и партийной систем;

3) усиление роли представительной власти;

4) налаживание механизмов конструктивного диалога государства и гражданского общества, власти и бизнеса, власти и оппозиции;

5) создание эффективной системы формирования и воспроизводства политической элиты Казахстана;

6) сконцентрирование в рамках государственной службы лучших представителей казахстанского народа [131].

Такие формулировки демонстрируют, что руководство Казахстана продолжает принципиально придерживаться тактики относительно последовательного характера проведения политических преобразований в обозримом будущем. При этом основной акцент сделан на обеспечение внутривластной стабильности. Исходя из этого, какое-либо форсирование в проведении политических реформ не допускается.

В процессе преодоления финансово-экономического кризиса и его последствий руководство страны пошло на важную идеологическую трансформацию. Устоявшиеся в качестве политической традиции межэтническое и межконфессиональное согласие начали преобразовываться в национальное единство. Это нашло свое отражение в утверждении Главой государства разработанной под эгидой Ассамблеи народа Казахстана Доктрины национального единства Казахстана. Тем самым был взят курс на

интеграцию составляющих казахстанское общество социальных групп в консолидированную политическую нацию [75, с. 266].

Еще одним значимым фактором проведения политической модернизации в рассматриваемый период стало избрание Казахстана 31 ноября 2007 года на прошедшем в Мадриде (Испания) 15 заседании Совета министров иностранных дел стран – членов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе председателем ОБСЕ на 2010 год. Это событие задавало новые контуры и темпы политического реформирования в Казахстане. В данном случае речь идет уже не просто о расширении уровня демократизации политической системы республики, а о приближении этого процесса к принципам и стандартам развитых зарубежных государств и, прежде всего, Европейского союза.

Продвигая процесс политических преобразований в намеченном направлении, Глава государства своим Указом от 29 августа 2008 года утвердил Государственную программу «Путь в Европу» на 2009-2011 годы. Данный документ, в частности, предусматривал совершенствование казахстанской модели политического и государственного устройства, либерализацию политической жизни страны и приобщение Казахстана к общемировым демократическим традициям. При этом основной акцент сделан на совершенствовании законодательства о выборах, политических партиях, средствах массовой информации, реформирование государственной службы, судебной системы и других сфер общественных взаимоотношений [132].

В соответствии с указанными выше установками в феврале 2009 года Парламентом РК были приняты законы, вносящие изменения и дополнения в законодательство о выборах, политических партиях, СМИ, а также по вопросам местного государственного управления и самоуправления. Самыми важными из них стали поправки в закон о выборах, предусматривающие обязательное допущение к распределению депутатских мандатов по итогам выборов в Мажилис Парламента РК второй по количеству набранных голосов партии. Тем самым были созданы механизмы гарантированного формирования по итогам очередных парламентских выборов нового состава депутатского корпуса нижней палаты законодательного органа минимум на двухпартийной основе.

С 2012 года Казахстан вступил в новый этап политической модернизации. Самым первым шагом в этом направлении стало проведение 15 января внеочередных парламентских выборов депутатов Мажилиса Парламента РК 5 созыва. Следует отметить, что внеочередной характер данных выборов обусловлен роспуском Главой государства предыдущего Мажилиса Парламента РК 4 созыва. При этом основными причинами такого решения Президент РК назвал обеспечение наличия в Парламенте не менее двух партий, а также необходимость обновления депутатского корпуса Мажилиса в интересах формирования новой законодательной базы, в том числе для реализации программы индустриализации страны [133].

По итогам прошедших парламентских выборов в новый созыв нижней палаты Парламента РК прошли НДП «Нур Отан», Демократическая партия Казахстана «Ак жол» и Коммунистическая народная партия Казахстана. В соответствии с этим 98 депутатских мандатов, предназначенные для депутатов, избранных по партийным спискам, были распределены между ними следующим образом: 83, 8 и 7 соответственно. При этом каждая из данных партий получила право создать свою депутатскую фракцию. Тем самым работа законодательного органа страны приобрела плюралистический и более профессиональный характер.

Параллельно с политическими мероприятиями руководством страны в рассматриваемый период была сделана ставка на проведение социально-экономических преобразований. Очевидно, что одним из наиболее важных факторов, который нужно учитывать для эффективного проведения дальнейшей модернизации политической системы Казахстана, является социальное самочувствие населения. Именно от того, как будут чувствовать себя граждане республики в социальном плане, во многом будет зависеть характер их отношений к официальному политическому курсу, уровень их поддержки проводимых в стране преобразований и непосредственного участия в данном процессе.

В соответствии с пунктом 1 статьи первой Конституции Республика Казахстан провозглашает себя социальным государством. Под этим понимается государство, опирающееся на широкую социальную основу и проводящее активную и сильную социальную политику, направленную на повышение или стабильное обеспечение жизненного уровня населения, защиту и реализацию прав и свобод граждан, создание современных систем здравоохранения, образования и социального обеспечения, поддержание неимущих и малоимущих слоев общества, предотвращение и успешное разрешение социальных конфликтов [134].

Рассматриваемый конституционный статус Казахстана обуславливает необходимость постоянного улучшения качества и увеличения концептуально-теоретического и организационно-технического потенциала государственной социальной политики по всем ее ключевым направлениям: социальная защита населения, образование, здравоохранение, жилищное строительство, миграционная политика, физическая культура и спорт, молодежная и гендерная политика.

В своем ежегодном Послании народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана», озвученном 27 января 2012 г., Президент РК Н.А. Назарбаев, в частности, отметил: «Новый этап Казахстанского пути – это новые задачи укрепления экономики, повышения благосостояния народа. Казахстану жизненно важно найти оптимальный баланс между экономическими успехами и обеспечением общественных благ... Социальная модернизация - это центральный вопрос деятельности нового Парламента и Правительства, всех ответственных сил

Казахстана – партий, общественных объединений, творческих и профессиональных союзов, средств массовой информации, всех патриотов нашей страны» [135].

На современном этапе развития казахстанского общества и государства актуальность отмеченных выше стратегических целей и задач обусловлена также теми ориентирами социальной политики государства, которые Глава государства обозначил в своей программной статье «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда», опубликованной в газете «Казахстанская правда» 10 июля 2012 года. Анализ ее содержания показывает, что данная статья формирует долгосрочный стратегический тренд на ориентацию деятельности государства и его органов в направлении содействия повышению благосостояния и улучшению социального самочувствия граждан республики.

Предложенное Президентом РК «общество всеобщего труда» призвано стать полноценной альтернативой современному «обществу потребления», характеризуемому массовым потреблением его членами материальных благ и формированием среди них соответствующей системы ценностей и установок, включая массовое социальное иждивенчество. В основе же «общества всеобщего труда» будет лежать труд, способный обеспечить всем казахстанцам благосостояние и достижение нового качества жизни.

При этом во главу угла в процессе достижения казахстанским обществом такого состояния поставлена общая ответственность его членов. Учитывая необходимость и важность модернизационного процесса и его результатов для всех без исключения граждан республики, Глава государства справедливо отмечает, что «Не только государство, все его уровни управления, но и частные структуры, все общество должны разделить ответственность за ход и результаты социальной модернизации» [136]. Тем самым он четко дает понять, что только путем реальной консолидации казахстанцев вокруг предложенной им идеи можно достигнуть больших успехов в реализации мер в рамках социальной модернизации.

Стратегические установки по проведению социальной модернизации Глава государства дополнил конкретными 20-ю поручениями правительству республики и иным государственным органам. При этом данные поручения объединяют более 50 различных мер. Перечень последних уже сам по себе свидетельствует о проработанности вопроса и основательности подхода, направленного на преодоление «подводных камней» на пути реализации модернизационного процесса. Ведь наравне с разработкой и принятием законов, регламентирующих функционирование всей системы социальных отношений, предстоит разработать и внедрить систему качественных социальных стандартов и профессиональных квалификаций казахстанцев.

Возвращаясь к политическим мерам, нужно отметить принятие Парламентом в конце ноября 2012 года Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по

вопросам государственной службы». Данный шаг был осуществлен в развитие утвержденной Указом Президента РК от 21 июля 2011 года Концепции новой модели государственной службы Республики Казахстан. Наиболее серьезным моментом вновь принятого закона является сильное сокращение возможностей для высокопоставленных чиновников формировать вокруг себя команду постоянно находящихся в их личном распоряжении и передвигающихся за ними на любые участки работы преданных лично им людей. В целях устранения этого критического момента была расширена конкурсная составляющая при назначении на те или иные должности и сокращена процедура перевода с одной должности на другую, а также введена ответственность для руководителей госорганов за «незаконное кадровое решение» и «принуждение к увольнению» [137]. Тем самым предприняты достаточно эффективные меры по улучшению кадровой работы в системе государственной службы.

Еще одним важным событием стало утверждение Указом Президента РК от 28 ноября 2012 года Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан. Реализация данного документа рассчитана до 2020 года. Положительным моментом здесь является то, что казахстанские власти впервые подошли концептуально к определению оптимальной, по их мнению, модели местного самоуправления в республике. Тогда как ранее, начиная с 1997 года, правительством республики разрабатывались и вносились в Парламент соответствующие законопроекты, которые не имели четкого концептуального обоснования и в конечном итоге не были приняты.

Рассматриваемая концепция в принципе не меняет действующую в стране с 2009 года конструкцию сочетания государственного управления с самоуправлением на местах. Вместе с тем она предусматривает введение в 2013-2014 гг. выборности акимов в городах районного значения, аульных (сельских) округах, аулах и селах районными маслихатами.

При этом данным акимам будут предоставлено право формирования собственных доходных источников, включая доходы от оказания платных услуг, добровольные и целевые сборы, сборы за торговлю в специально установленных местах и т.д., и передана часть районной коммунальной собственности (клубы, библиотеки, детские сады и др.) [138].

Вывод. Пройдя довольно сложный и неоднозначный путь государственного строительства и модернизации общественных отношений, Казахстан, во-первых, сформировался и укрепился в качестве полноценного суверенного государства со всеми присущими ему атрибутами. В этом плане он отстает от Венгрии, имеющей по хронологическим меркам большой опыт развития собственной государственности. Но, с другой стороны, превосходит ее по уровню протекания данного процесса в максимально стабильном русле и консолидации общества в поддержку официального политического курса.

Во-вторых, накопив большой модернизационный опыт и сформировав серьезные политические и социально-экономические основы для дальнейшего своего развития, Казахстан в настоящее время готов к проведению новых политических преобразований.

Самое главное условие этого обстоятельства – принципиальный политический выбор руководства республики, поддерживаемый подавляющим большинством казахстанцев. Выбрав на заре независимости свое собственное направление развития, «...мы будем и дальше идти по пути совершенствования казахстанской модели политического и государственного устройства, сочетая общепризнанные закономерности демократического развития и традиции нашего общества» [139].

2.2 Роль и влияние государства и институтов гражданского общества в процессе модернизации Казахстана

Очевидно, что ключевую роль в выработке основных целей, задач и направлений политической модернизации и принятии конкретных мер по их реализации в Казахстане играет государство в лице своего руководства. Причем этот процесс имеет конкретную персонализацию, связанную с личностью и деятельностью Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. Будучи постоянным инициатором проведения многочисленных политических и социально-экономических реформ, он стал признанным национальным лидером, а также своего рода политическим посредником, связывающим прошлое и будущее.

Именно действующему Главе государства удалось мобилизовать социальные, экономические и политические ресурсы для реализации национальных проектов, во главе которых всегда стоял и стоит он сам. Немаловажно и то, что основные направления развития республики, включая и вопросы дальнейшей модернизации политической системы, периодически обозначаются в ежегодных Посланиях Президента страны народу Казахстана. Все это не дает основания для сомнений относительно готовности руководства страны к осуществлению новых политически важных реформ в будущем.

В заслугу Президенту РК следует также отнести то, что он обозначил наиболее подходящую, на его взгляд, модель модернизации для Казахстана. Нужно отметить, что с учетом приведенных в предыдущих разделах настоящего диссертационного исследования разновидностей модернизации и их сопоставления с практикой политического развития суверенного Казахстана данный процесс нельзя оценивать однозначно в контексте той или иной модернизационной модели.

Так, для Казахстана не совсем подходит оценка с точки зрения перехода от традиционного общества к современному. Бывший Союз ССР, в составе которого долгое время развивался Казахстан, в соответствие с уровнем его социально-экономического и культурного развития нельзя отнести к традиционным обществам. Вместе с тем объективно нужно признать, что

Казахстан изначально пошел по пути догоняющей модернизации в целях приближения основных показателей своего развития к стандартам развитых зарубежных государств. Аналогичные процессы также характеризуют политическое развитие других постсоветских государств, а также стран Центральной и Восточной Европы, включая Венгрию. Другое дело, что их темпы и результаты практически в каждой из соответствующих стран заметно отличаются от остальных.

По уровню самодостаточности Казахстана проводимую здесь политическую модернизацию можно отнести к эндогенно-экзогенному типу. Очевидно, что к моменту обретения своей государственной независимости республика имела серьезный политический, в первую очередь управленческий, и социально-экономический, обеспеченный прежде всего богатыми природными ресурсами, фундамент для осуществления процесса государственного строительства и формирования рыночной экономики. При этом в ходе данного процесса были заимствованы различные методы и практики зарубежных государств.

Так, например, в процессе разработки действующей Конституции РК были использованы и с ее принятием внедрены в практику определенные элементы и институты политической системы Франции (двухпалатный парламент, право президента на роспуск парламента, Конституционный совет и т.д.).

В отличие от многих других стран, находящихся в переходном состоянии, у Казахстана с момента обретения государственной независимости был большой выбор путей трансформации своей политической системы. Однако руководство республики не стало копировать чужой опыт, а сделало упор на учет местной специфики, подчеркивая всегда самобытности социально-политического развития Казахстана. Как утверждает Президент РК: «Мы идем своим собственным, казахстанским путем развития, который выбрали однажды и с тех пор ему следуем. Изучая и анализируя мировую практику, мы выбрали именно эволюционный путь. Мы против форсированного внедрения демократии, тем более извне» [140].

По ряду признаков можно утверждать о том, что в теории модернизации руководству Казахстана больше импонируют взгляды представителей консервативного подхода, ориентированные на:

а) обоснование того, что модернизация может протекать в рамках национальных традиций соответствующего общества и не должна с неизбежностью и во всех случаях сопровождаться их радикальным сломом;

б) признание стабильности как главного условия успешного проведения модернизации с учетом того, что данный процесс, как правило, порождает целый комплекс социальных и политических проблем.

Фактически именно этот концептуальный подход применительно к вопросу о политической модернизации был взят за основу ее проведения руководством Казахстана после 1995 года, когда с принятием второй Конституции РК была кардинально изменена политико-властная система

республики. Так, в изданном в 1996 году произведении Главы государства «На пороге XXI века» была представлена концепция «адаптированной модернизации», учитывающей национально-государственную специфику, историю, этнокультурные особенности Казахстана и его реальное положение в геополитических, геоэкономических и геокультурных структурах [56, с. 117].

В развитие этой концепции Глава государства, в частности, в своем выступлении на международной бизнес-конференции «Казахстан привлекает новую волну инвестиций: стратегии по диверсификации и устойчивому росту», проведенной 14 июня 2005 года Азиатским обществом, обозначил следующие фундаментальные основы, по его словам, философии развития суверенного Казахстана:

1) ясность и однозначность целей развития, предполагающие построение солидного экономического фундамента, открытого, демократического и процветающего общества, уважаемого и ответственного члена международного сообщества;

2) целеустремленность и последовательность в достижении поставленной цели, выражающие успешное преодоление Казахстаном негативного наследия советского прошлого и его стремление превратиться в одну из динамично развивающихся стран мира с высокими стандартами жизни;

3) реализм и ответственность при осуществлении общественных преобразований, основанные на всестороннем учете как общих закономерностей построения работающей рыночной экономики, так и важных специфических черт многонационального и многоконфессионального общества, и позволяющие обеспечивать стабильность и предсказуемость курса реформ [141].

Наконец, Президент РК задал процессу модернизации четкие и, что важно для понимания казахстанской специфики этого процесса, неизменные рамки в соответствии с установкой «Сначала - экономика, затем - политика» [142]. Тем самым обозначена доминирующая в официальной стратегии развития Казахстана установка на первоочередное проведение экономических реформ по отношению к преобразованиям политического характера.

Среди других важных особенностей организации и проведения модернизационных процессов в Казахстане, отражающих стратегические установки и направляющее участие руководства республики, можно отметить следующие.

Во-первых, системность и поэтапность проводимых социально-политических преобразований. В данном случае руководством республики выбрана тактика постепенной модернизации отдельных составляющих казахстанского социума для достижения главной цели - построения государства, функционирующего в интересах общества и достижения необходимого баланса во взаимоотношениях его управленческого аппарата и граждан.

Во-вторых, конституционный характер реформирования политической системы страны. Показательным в связи с этим является то, что в 1998 и 2007 гг. значимые изменения в компоненты политической системы республики (избирательная система, двухпалатный парламент, местное государственное управление и т.д.) производились на основе внесения поправок в Конституцию РК. Таким образом, конституционное реформирование является одним из основных инструментов политической модернизации в Казахстане.

В-третьих, явное тяготение руководства Казахстана к модели так называемой «азиатской демократии», внедрение которой произошло в упомянутых в предыдущих разделах настоящего диссертационного исследования странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) во второй половине XX века. В какой-то степени из-за этого основные ценности либерализма и модели демократии западного образца не находят своего максимального отражения в процессе политических преобразований в республике. Особенно руководству Казахстана импонирует опыт реформ Сингапура, проведенный бывшим долгое время премьер-министром этой страны Ли Куан Ю. Как отметил Президент РК: «Господин Ли Куан Ю говорил, что политическая стабильность превыше всего, дисциплина и порядок в азиатском обществе важнее демократии, которая должна развиваться постепенно. Может быть, не сто процентов, но резон для нашей страны, как азиатского государства, в этом есть» [143].

В-четвертых, на сдержанное отношение руководства Казахстана в процессе проведения политических реформ большое влияние оказывают неоднозначные события на постсоветском пространстве, включая так называемые «цветные революции» в Грузии, Украине и Кыргызстане, которые привели к серьезным нарушениям политической стабильности в данных странах. К тому же всплеск национального развития и улучшение социального самочувствия по поводу реальных успехов Казахстана в социально-экономической сфере создали объективную потребность в более сдержанном подходе при принятии решений, касающихся политической сферы.

При этом в целом подавляющая часть казахстанского общества поддерживает такой подход, считая его оправданным.

Правда, данное обстоятельство нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, многие казахстанцы удовлетворены своей жизнью. С другой стороны, приходится констатировать высокий уровень аполитичности общества, в соответствие с которым гражданам намного проще доверять действующей власти, чем искать альтернативные пути развития страны.

В-пятых, с идеолого-теоретической точки зрения политическая модернизация в Казахстане не олицетворяет собой идеологический проект, каким, к примеру, для бывшего Союза ССР было строительство коммунизма. Ее следует рассматривать с прагматических позиций как достижение заранее известного и сознательно планируемого результата. Но при этом данный процесс имеет собственные идеологические контуры, отраженные в

представленных в разной форме идеях Президента РК Н.А. Назарбаева, включая различных официальных документах концептуально-стратегического характера.

Наконец, в-шестых, это стратегическое планирование применительно к модернизационным процессам. Практически весь процесс государственного строительства и модернизации Казахстана до сих пор проходил в формате, заданном Главой государства в последовательно представленными им обществу программными документами стратегического характера.

Причем такая практика продолжается, ориентируясь уже не только на среднесрочную, но и на долгосрочную перспективу. В последнем случае речь идет о Послании Президента РК - Лидера нации народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства», которое было озвучено 14 декабря 2012 года.

Фундаментальность Стратегии «Казахстан-2050» обусловлена тем, что в ней, во-первых, подводятся основные итоги суверенной казахстанской государственности и определены ключевые направления дальнейшего развития республики на долгосрочную перспективу. Особенно впечатляет заявление Главы государства о досрочном выполнении основных задач другого ключевого официального документа - Стратегии «Казахстан-2030».

Во-вторых, рассуждая о перспективах дальнейшего развития Казахстана, Президент РК отмечает десять глобальных вызовов XXI века, с которыми республика сталкивается уже и будет ощущать дальше. Это:

- 1) ускорение исторического времени;
- 2) глобальный демографический дисбаланс;
- 3) угроза глобальной продовольственной безопасности;
- 4) острый дефицит воды;
- 5) глобальная энергетическая безопасность;
- 6) истощаемость природных ресурсов;
- 7) третья индустриальная революция;
- 8) нарастающая социальная нестабильность;
- 9) кризис ценностей нашей цивилизации;
- 10) угроза новой мировой дестабилизации [1, с. 9; 10].

Акцентируя внимание на внешний характер данных вызовов, Глава государства тем самым рассчитывает на консолидацию вокруг себя и проводимого им политического курса своих сограждан в целях совместного противодействия данным вызовам. Одновременно он дал понять о недопустимости каких-либо негативных процессах и инцидентах внутри страны, способных нарушить политическую стабильность.

В-третьих, рассматриваемый документ ориентирован на укрепление государственности и совершенствование системы государственного управления. В связи с этим Президент РК определяет следующие ключевые приоритеты в данном направлении:

1. Совершенствование системы государственного планирования и прогнозирования.
2. Проведение децентрализации управления.
3. Формирование профессионального государственного аппарата, для которого превыше всего станет служение народу и государству.
4. Выстраивание новой системы взаимодействия госаппарата с бизнес-сообществом.
5. Следование государством принципу нулевой терпимости к беспорядку.
6. Выступление государства и общества единым фронтом против коррупции.
7. Продолжение реформы правоохранительных органов и спецслужб.

Таким образом, Глава государства задал четкие ориентиры для деятельности подчиненных ему органов государственной власти и управления на ближайшее и отдаленное будущее.

Фактически тем самым он закладывает основы для обеспечения преемственности проводимого им официального политического курса в будущем при новых руководителях Казахстана.

Еще одним важным шагом руководства республики в процессе государственного строительства и модернизации стало выстраивание партийной системы.

Прежде всего, был взят курс на формирование института многопартийности. Хотя в первые годы независимости политические партии Казахстана не смогли занять то положение, которое отводится им в политических системах развитых стран, в то же время они дали серьезный толчок дальнейшему развитию партийной системы.

К тому же этому процессу способствовало то, что в рассматриваемый период в условиях нарастающей либерализации политического режима у многих граждан возник интерес к самореализации, самоутверждению и активному участию в политической жизни страны.

В настоящее время партийная система Казахстана официально включает в себя следующие 9 зарегистрированных в Министерстве юстиции РК политических партий. При этом с точки зрения их отношения к руководству страны и проводимому им официальному политическому курсу их можно разделить на следующие группы:

1. Народно-демократическая партия «Нур Отан», претендующая на статус правящей партии в связи с руководством ею Президента РК Н.А. Назарбаева и наличия до сих пор устойчивого статуса партии парламентского большинства.

2. Партии, хотя и проявляющие максимальную лояльность к официальному политическому курсу, но вместе с тем не представляющие собой в силу разных обстоятельств потенциальных политических союзников для НДП «Нур Отан» с целью возможного формирования политических (парламентских) коалиций. Сюда следует отнести Демократическую партию

«Әділет», Казахстанскую социал-демократическую партию «Ауыл», Партию патриотов Казахстана и Партию «Руханият».

3. Партии, вынужденные выполнять функции парламентской оппозиции, но не способные полноценно проявить себя в это качестве. В данном случае речь идет о Демократической партии Казахстана «Ақ жол» и Коммунистической народной партии Казахстана.

4. Партии, находящиеся в принципиальной оппозиции к официальному политическому курсу. Таковыми являются Общенациональная социал-демократическая партия и Коммунистическая партия Казахстана.

Единственным объединяющим все эти партии фактором является то, что практически все они в качестве своей главной программной цели определяют демократический путь развития Казахстана.

В наиболее выгодном положении из казахстанских партий находится НДП «Нур Отан», которая обладает высоким уровнем институционализации, социальной поддержки, а также высокий правительственный статус.

Она была и остается доминирующей на партийном поле республики. Данное обстоятельство позволяет говорить о становлении в Казахстане системы многопартийности с доминирующей партией.

В связи с этим существующая казахстанская многопартийность является таковой фактически только по количественным критериям.

Тогда как ее качественная сторона, связанная с доступом политических партий к полноценному участию в процессе осуществления государственной власти и управления и оказанию посредством этого воздействия на политические процессы в стране, заметно ограничена. И только НДП «Нур Отан» является единственной партией, которая в силу своего положения реально допущена к механизмам осуществления власти.

По отмеченным выше параметрам «Нур Отану» заметно уступают ДП «Әділет», ДПК «Ақ жол» и ОСДП. В то же время каждая из них обладает определенным потенциалом для того, чтобы стать возможным «спарринг-партнером» партии в будущем.

Партия «Ақ жол» приблизилась к этому, благодаря своему представительству в Мажилисе Парламента РК. Однако, находясь в положении, парламентского меньшинства, она еще не может влиять на ситуацию, хотя бы даже только в рамках законодательного органа, так, как это прописано в ее предвыборной платформе. Поэтому, скорее всего, полноценный «спарринг-партнер» для НДП «Нур Отан» сформируется в будущем. Особенно если произойдет переход на двухпартийную модель формирования и деятельности Парламента страны.

Остальные политические партии – КНПК, КПК, КСДП «Ауыл», ППК и «Руханият» являются малоактивными. Они слабо работают с населением в межвыборный период, не имеют солидных организационно-кадровых и материальных ресурсов. Фактически эти партии выполняют роль статистов на политической арене Казахстана. КПК и КНПК к тому же являются носителями

слабо востребованной в стране и во всем мире идеологии, исторически уступившей первенство неолиберализму, неоконсерватизму и социал-демократии. Исходя из всего этого, доктор политических наук Л.И. Кармазина считает рассматриваемые объединения «протопартиями» [144].

В целом, очевидно, что многообразие оценок и дискуссий среди казахстанской общественности относительно текущего положения и перспектив дальнейшего развития отечественных партий в политической системе республики адекватно отражают те сложные и неоднозначные процессы, которые происходят в обществе и государстве.

Незавершенность модернизационных процессов, способных максимально приблизить партийную систему Казахстана к четко выраженной и устойчивой модели из имеющихся в мировой политической практике (системы двухпартийные, многопартийные с доминирующей партией и т.д.) означает, что процесс становления данной системы в республике еще продолжается.

Еще одним важным направлением процесса политической модернизации в Казахстане является формирование гражданского общества и создание необходимых условий для образования и деятельности его институтов. В свою очередь, гражданское общество и его институты, включая неправительственные организации (НПО), являются активными участниками рассматриваемого процесса, оказывающими определенное влияние на его характер, темпы и методы реализации.

В настоящее время гражданский негосударственный, или третий, сектор представляет собой совокупность достаточно активных общественных объединений, отражающих интересы различных социальных слоев и групп.

Следует отметить, что усиление роли гражданского сектора в общественных процессах уже давно является общемировой тенденцией. Главным образом это проявляется, во-первых, в определенном сужении функциональной сферы современного государства за счет как передачи им некоторых своих традиционных функций гражданскому сектору, так и «перехвата» последним части новых элементов компетенции государства. Во-вторых, в росте самостоятельности и влияния институтов гражданского общества по отношению к государственным органам власти [72, с. 195].

В новых независимых государствах, возникших в 1991 году вследствие распада Союза ССР, рассматриваемая тенденция стала проявляться хотя и позднее, чем в ряде других стран мира, но довольно активно. В значительной степени этому способствует политическая воля руководства постсоветских республик и обусловленная ею деятельность государства и его органов по созданию соответствующих политических, правовых, экономических и иных условий для развития гражданского общества и его институтов. В Узбекистане, например, одним из факторов успешности политической модернизации страны признана реализация перехода от сильного государства к сильному гражданскому обществу [145].

При этом практически во всех постсоветских государствах базовым элементом структуры гражданского общества и наиболее активной частью его институтов выступают неправительственные организации.

Они представляют собой открытые некоммерческие общественные организации, не ограниченные профессиональной спецификой и не стремящиеся к государственной власти [146]. Как правило, к категории НПО не относят политические партии, общественно-политические движения профсоюзы и национально-культурные центры.

В Казахстане формирование гражданского общества и неправительственного сектора началось еще в советский период.

Этому способствовали процессы радикального изменения советского общества и государства в 1985-1991 гг. в рамках проводимой союзным руководством политики перестройки. В этих условиях возросла самодеятельная активность широких народных масс, а также стали появляться новые силы, способные выражать их интересы.

Под воздействием политики демократизации, гласности и развития плюрализма мнений у людей возрос интерес к самореализации, самоутверждению и активному участию в политической жизни страны. В результате уже тогда начали возникать независимые гражданские инициативы и объединения - от структур клубного типа до общенациональных движений.

В процессе становления и развития неправительственного сектора в суверенном Казахстане можно выделить следующие основные этапы. Первый из них охватывает период 1991-1994 гг.

В течение этих лет в республике было образовано более 400 неправительственных организаций [146, с. 24]. При этом в своем большинстве их деятельность носила политизированный или правозащитный характер. В свою очередь, это обстоятельство было обусловлено влиянием фактора начала процесса демократических преобразований в Казахстане. Основной характерной чертой данного этапа было отсутствие системности в создании НПО.

Кроме того, у государства фактически тогда не было четких подходов и установок по отношению к НПО. Это, в частности, было выражено ограниченностью базы их правового регулирования.

Соответствующую функцию выполнял принятый еще 27 июня 1991 года закон «Об общественных объединениях в Казахской ССР». Данный закон определял общественное объединение как добровольное формирование, возникшее в результате свободного волеизъявления граждан, объединившихся на основе общности интересов [147].

К общественным объединениям законом были отнесены политические партии, массовые движения, профсоюзы, женские, ветеранские, молодежные и детские организации, организации инвалидов, научные, технические, культурно-просветительские, культурно-спортивные и иные добровольные общества, творческие союзы, ассоциации и другие объединения граждан. В

связи с этим непосредственно НПО в тот период не имели своего правового статуса и признаков, принципиально отличающих их от других общественных объединений.

Второй этап развития неправительственного сектора охватывает временные рамки с 1995 по 2000 гг. Его можно назвать периодом качественного и количественного роста НПО. Их численность за данный период увеличилась с 400 до 1600 [146, с. 25].

Качественный же аспект деятельности НПО был связан с расширением их специализации и, как следствие, дифференциации по видам деятельности. Фактором, который оказал наибольшее влияние на такое развитие казахстанских НПО, следует считать массивную финансовую поддержку их деятельности со стороны международных донорских организаций через систему грантов.

В рассматриваемый период также были осуществлены меры, направленные на совершенствование правовой базы регулирования НПО. Прежде всего, в принятом 27 декабря 1994 года Гражданском кодексе Республики Казахстан (Общая часть) впервые была введена такая важная категория, как некоммерческие организации, чья деятельность не связана с получением прибыли и ее распределением между членами данных организаций. При этом был расширен перечень организационно-правовых форм некоммерческих организаций.

Помимо общественного объединения таковые могли быть созданы в качестве учреждения, общественного фонда, потребительского кооператива, религиозного объединения и объединение юридических лиц в форме ассоциации (союза) [148].

Затем 31 мая 1996 года был принят закон «Об общественных объединениях», который ввел некоторые разграничения между НПО, с одной стороны, и политическими партиями и профсоюзами, с другой стороны. В частности, в соответствии с принятой 30 августа 1995 года новой Конституции РК данный закон установил запреты на финансирование партий и профсоюзов иностранными гражданами, юридическими лицами, государствами и международными организациями. Тогда как другие категории общественных объединений могут рассчитывать на получение грантов зарубежных и международных структур.

Третий этап развития казахстанских НПО начался с 24 октября 2000 года и практически продолжается по настоящее время. Его началом следует считать озвучивание в указанный день Послания Президента РК Н.А. Назарбаева народу Казахстана «К свободному, эффективному и безопасному обществу». Прежде всего, Глава государства впервые отметил значимость НПО в развитии казахстанского общества и государства.

По его словам, «Неправительственные общественные организации уже сегодня играют в Казахстане огромную роль и в правозащитной деятельности,

и в реализации особых интересов групп населения, и в социальной стабилизации общества» [149].

В связи с этим Глава государства выразил намерение обеспечить оказание им серьезной государственной поддержки через систему грантов на реализацию социально значимых проектов.

Таким образом, данный этап ознаменовался формированием качественно новой модели отношений между государством и НПО, основанной, во-первых, на оказании последним материальной, через государственный социальный заказ, а также информационной, консультативной, методической и организационно-технической поддержки со стороны государства.

Во-вторых, на активизации и расширении его сотрудничества с НПО на разных уровнях административно-территориального устройства республики, включая их вовлечение в процесс решения социально значимых проблем и вопросов.

В целом, рассматриваемый этап развития неправительственного сектора Казахстана отличается нижеследующими основными моментами.

Вместе с тем в силу специфики эволюции казахстанского общества и государства в условиях фактически незавершенной политической модернизации оценивать этот процесс однозначно нельзя в силу наличия в нем как положительных, так и отрицательных сторон.

Таким образом, во-первых, происходит неуклонный количественный рост казахстанских НПО (рисунок 1).

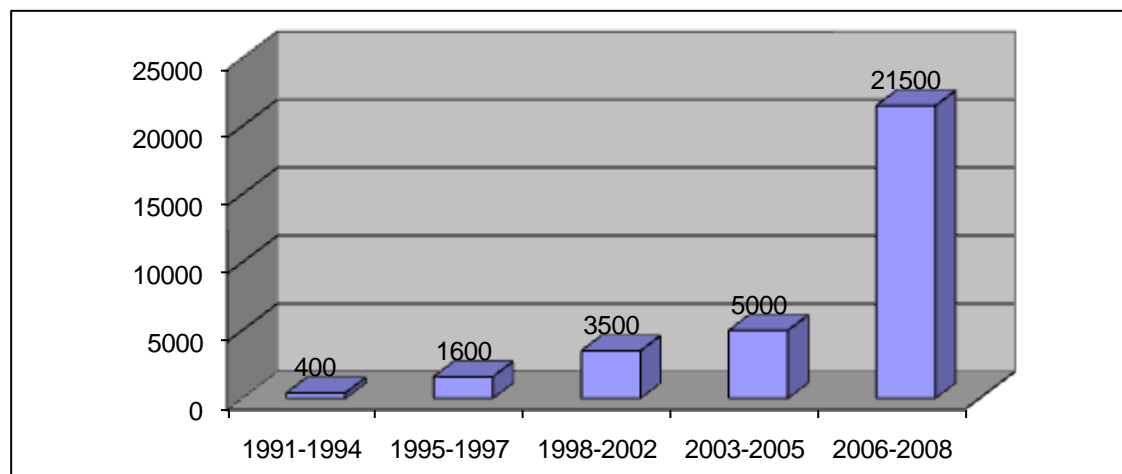


Рисунок 1 - Динамика количественного роста некоммерческих организаций в Казахстане

В частности, согласно официальным данным, если на конец 2001 года в стране было официально зарегистрировано 1767 НПО [150], то уже в октябре 2003 года их численность составила 4500 [151]. А по состоянию на ноябрь 2008 года количество зарегистрированных НПО составила 18958 из 21500 некоммерческих организаций, включая 6697 общественных объединений, 5874

частных учреждений, 3841 общественных фондов, 1385 религиозных объединений и 1161 ассоциаций (союзов) юридических лиц [152].

Можно предположить, что на такое увеличение численности казахстанских НПО повлияли следующие факторы.

Прежде всего, в силу своей постсоветской ментальности многие казахстанцы более склонны к участию в общественных, коллективных формах деятельности, чем к занятию индивидуальным бизнесом. К тому же казахстанское общество в целом представляет собой большое поле для приложения сил и потенциала НПО, причем без необходимости создавать ненужную конкуренцию друг другу.

Наконец, неправительственный сектор все больше и больше становится альтернативной по отношению к государству и бизнесу сферой обеспечения занятости.

Так, по некоторым оценкам, по состоянию на начало 2009 года в данном секторе было задействовано почти 200 тыс. человек, а услугами соответствующих НПО было охвачено около 2 млн. граждан [153].

В то же время, если по количеству НПО сравнить Казахстан с некоторыми государствами дальнего, включая Венгрию, и ближнего зарубежья, взяв за критерий измерения количество НПО на 10 тыс. человек, то он пока еще не вышел на их уровень.

Таблица 2 - Сравнительные данные по развитию НПО в разных странах мира (по состоянию на конец 2008 года) [154]

Страна	Численность населения	Количество НПО	Доля НПО на 10 тыс. человек населения
Эстония	1 340 300	24 000	180
Венгрия	9 930 915	60 000	61
Канада	33 652 812	180 000	54
Россия	141 887 438	75 000	53
Хорватия	4 555 000	16 000	36
Словакия	5 431 363	17 000	32
Великобритания	60 776 238	153 000	26
Грузия	4 630 003	7 000	16
Казахстан	16 402 000	18 958	14

Во-вторых, рост казахстанских НПО происходит не только в количественном, но и качественном отношении. Особенно это видно по расширению сферы их деятельности, о чем свидетельствуют нижеследующие оценки Гражданского альянса Казахстана [152, с. 42]:



Рисунок 2 - Профессиональная ориентация деятельности казахстанских НПО

Очевидно, что казахстанские НПО выполняют достаточно широкие социальные функции, а деятельность большинства из них имеет максимально конкретную тематическую и адресную направленность, ориентируемую на интересы определенных слоев и групп населения. В связи с этим своей работой НПО охватывают практически все общественно значимые сферы, внося ощутимый вклад в решение различных актуальных проблем и вопросов развития казахстанского общества.

В-третьих, созданы и последовательно развиваются концептуальные и правовые основы создания и деятельности НПО и их взаимодействия с государством. Прежде всего, 16 января 2001 года вступил в силу закон «О некоммерческих организациях», который более детально регламентирует вопросы создания и деятельности НПО в различных организационно-правовых формах.

23 января 2002 года постановлением Правительства РК была утверждена Концепция государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан. Помимо финансирования программ и проектов социально ориентированных НПО через государственный социальный заказ данный документ также предусматривает создание Советов по взаимодействию государственных органов и общественных объединений, совместное проведение мероприятий (конференции, «круглые столы», семинары, тренинги

и т.п.) по социально значимым проблемам, благотворительные, культурно-массовые акции и т.д., информационное обеспечение деятельности НПО со стороны государства и смягчение условий государственной регистрации НПО [155].

В развитие данной концепции была принята Программа государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан на 2003-2005 годы. Дополнительно к отмеченным выше направлениям деятельности государства и его органов относительно к НПО она предусматривала создание условий для роста гражданской инициативы в регионах, создание системы подготовки и повышения квалификации государственных служащих по вопросам сотрудничества и взаимодействия с неправительственными организациями, проведение регулярного мониторинга и исследований деятельности НПО и развитие сотрудничества с международными организациями [156]. На реализацию этой программы из бюджета республики было выделено 42 млн. тенге.

Еще более важной мерой стало принятие 12 апреля 2005 года закона «О государственном социальном заказе», в котором впервые в действующем законодательстве упоминается сам термин «неправительственная организация» и дается ее определение. Так, НПО признается некоммерческая организация (за исключением политических партий, профессиональных союзов и религиозных объединений), созданная гражданами и/или негосударственными юридическими лицами на добровольной основе для достижения ими общих целей [157].

Что касается самого государственного социального заказа, то он представляет собой экономико-правовую форму реализации программ, проектов, отдельных мероприятий, направленных на решение социальных задач и обеспеченных за счет средств государственного бюджета путем заключения договора между государством и неправительственными организациями, выступающими соответственно в качестве заказчика и исполнителя данных программ, проектов и мероприятий. Его предоставление осуществляется путем проведения открытого конкурса среди соответствующих НПО.

Наконец, 25 июля 2006 года Указом Президентом РК была утверждена Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы. Ее целью является дальнейшее совершенствование законодательной, социально-экономической и организационно-методической базы для всестороннего развития институтов гражданского общества и их равноправного партнерства с государством и бизнес-сектором в соответствии с международно-правовыми инструментами в рамках международных договоров и пактов в области прав человека и человеческого измерения. Для достижения поставленной цели были обозначены следующие ключевые задачи:

1) построение демократического, светского, правового и социального государства, где человек, его права и свободы являются главными ценностями;

2) создание системы гармоничных, равноправных и партнерских отношений между неправительственными организациями, бизнес-сектором и государством;

3) разработка экономических стимулов для участия бизнес-сектора в проектах НПО, развитие благотворительности и меценатства;

4) формирование благоприятной правовой базы для развития всех институтов гражданского общества;

5) достижение высоких стандартов качества жизни, гармонизация трудовых отношений, сокращение разницы между уровнями доходов богатых и бедных слоев населения [158].

В-четвертых, существенно изменились система и объемы финансовой поддержки деятельности казахстанских НПО. Нужно отметить, что на двух первых этапах их становления и развития наибольшую роль в этом играли такие зарубежные и международные донорские организации, как Программа Развития ООН, Агентство США по международному развитию, Фонд Евразия, Фонд Сороса, Каунтерпарт Консорциум (США), ТАСИС (Европейский Союз), Фонд им. Фридриха Эберта (Германия), Фонд Хивос (Нидерланды) и т.д., предоставляющие казахстанским НПО гранты на реализацию различных проектов.

Однако с введением института государственного социального заказа, с одной стороны, и в связи с наблюдаемым с начала 2000-х гг. сокращением присутствия и программ финансирования зарубежных и международных донорских организаций в Казахстане, с другой стороны, доминирующую роль в процессе оказания финансовой поддержки НПО играет государство. Так, например, по результатам комплексного исследования по развитию неправительственного сектора республики, проведенного Гражданским альянсом Казахстана в октябре-ноябре 2007 года, большинство опрошенных представителей НПО отметили, что основное финансирование их деятельности осуществляется государством (74%). Тогда как финансирование международными организациями занимает у казахстанских НПО второе место (37%) [152, с. 66].

В-пятых, интенсивно развивается сотрудничество между НПО и государством и в других направлениях. В частности, с 2003 по 2011 гг. в стране были проведены 5 заседаний Гражданского форума, представляющего собой уникальную диалоговую площадку и действенный механизм конструктивного взаимодействия и сотрудничества на паритетных началах государства и НПО. При этом в работе первых двух форумов, прошедших 14 октября 2003 и 11 сентября 2005 гг., принял участие Президент РК Н.А. Назарбаев, который в своих выступлениях отметил важность взаимодействия государства, бизнес-сообщества и институтов гражданского общества и обозначил приоритетные направления этого процесса.

Другим важным направлением является участие представителей НПО в работе консультативно-совещательных органах, созданных при различных

органах государственной власти. Таковыми, в частности, являются Общественная палата при Мажилесе Парламента РК, Координационный совет по взаимодействию с неправительственными организациями при Правительстве РК, Общественный совет по контролю за деятельностью полиции при Министерстве внутренних дел РК, Общественный совет по защите прав пациентов при Министерстве здравоохранения РК, Экспертный совет по вопросам предпринимательства при Министерстве индустрии и новых технологий РК и т.д. В связи с этим соответствующие НПО имеют возможность участвовать в выработке конкретных рекомендаций в рамках экономической и социальной политики республики.

Вместе с тем при всем этом существует ряд критических моментов, которые сдерживают поступательное развитие неправительственного сектора в Казахстане и не позволяют отечественным НПО проявить весь свой потенциал в интересах казахстанского общества и модернизации политической системы республики. Среди них можно выделить:

1. Несоответствие между официально отмеченным количеством зарегистрированных НПО, с одной стороны, и заметной в обществе, успешной и качественной их деятельности, с другой стороны. Так, по оценкам магистра истории Е.Б. Нукежанова, из общего числа официально зарегистрированных НПО реально функционирует не более 20% организаций [159]. Формальный характер существования последних можно объяснить либо отсутствием у них необходимых ресурсов для осуществления полноценной работы и перехода их представителей в другие сферы деятельности (государственная служба, бизнес), либо созданием соответствующих НПО в интересах реализации единственных в своем количестве, узкоориентированных и краткосрочных задач.

2. Низкое качество работы многих НПО вследствие искусственной многопрофильности их деятельности при отсутствии специализации по одному-двум конкретным направлениям, а также использования соответствующих организаций их учредителями в целях получения личного дохода. В связи с этим данные организации можно охарактеризовать, как «квази-НПО».

3. Проявление так называемого «синдрома ракушки», когда многие НПО не пытаются устанавливать партнерские связи с другими неправительственными организациями как в своем регионе, так и за его пределами. Одной из причин этого является нездоровая конкуренция за гранты и доминирование субъективного фактора в определении круга внешних связей того или иного НПО [160].

4. Ориентация отдельных НПО исключительно на сотрудничество с государством или даже отдельно взятым государственным органом в рамках получения государственного социального заказа. Данное обстоятельство способствует формированию у таких организаций настроений патернализма и

иждивенчества и, как следствие, приводит к постепенной утрате ими своей самостоятельности и связей со своими целевыми группами.

5. Отсутствие практики полноценного сотрудничества, взаимопонимания и взаимной поддержки между НПО и бизнесом. Со стороны большинства казахстанских субъектов предпринимательства не прослеживается заинтересованности относительно внесения своего вклада в развитие некоммерческого неправительственного сектора и осуществления с его представителями каких-либо совместных проектов. Действующие же ассоциации предпринимателей хотя и представляют собой НПО, однако ориентированы преимущественно на реализацию интересов своих участников и слабо выполняют функции связующего звена между бизнесом и гражданским обществом.

6. Незрелость неправительственного сектора в ряде регионов Казахстана, что особенно наблюдается в сельской местности. В свою очередь данное обстоятельство во многом обусловлено инертностью и низким уровнем гражданского самосознания у значительной части населения республики, непонимания этими людьми роли и значимости НПО в общественной жизни и слабой развитостью добровольческого движения в стране.

Таким образом, неправительственные организации являются одним из важнейших институтов гражданского общества, способным формировать и продвигать гражданские инициативы. Вся их текущая деятельность ориентирована на то, чтобы решать актуальные текущие потребности отдельных категорий граждан и общества в целом. НПО также играют важную роль в объединении граждан для совместного достижения поставленных целей, что, в свою очередь, повышает гражданскую активность населения. Все это делает их важными акторами в рамках процесса демократизации казахстанского общества и государства.

Однако вследствие отмеченных выше негативных факторов влияние НПО и других институтов гражданского общества на общественно-политическое развитие Казахстана ограничено и недостаточно эффективно. В этих условиях только налаживание и развитие их взаимодействия на долгосрочной и конструктивной основе с максимальным количеством граждан, другими институтами гражданского общества, бизнесом и между собой представляется наиболее действенным фактором, способным изменить положение НПО в лучшую сторону и повысить уровень их влияния в общественно-политической жизни Казахстана.

Вывод. Несмотря на многообразие в Казахстане различных институтов гражданского общества, включая политические партии, профессиональные союзы, национально-культурные и религиозные объединения, неправительственные организации, независимые СМИ и т.д., их участие в процессе модернизации казахстанского общества и государства во многом является недостаточным. Ключевую роль в определении концептуально-теоретических и прикладных аспектов данного процесса, а также в принятии

соответствующих мер для их практического воплощения изначально играло и продолжает играть государство.

Вместе с тем именно в силах государства находится создание посредством проведения будущих общественно-политических преобразований условий, способствующих расширению прав и возможностей и поступательному развитию институтов гражданского общества. Представляется, что положительное решение данного вопроса встретит адекватную ответную отдачу со стороны данных институтов в виде не просто выражения ими поддержки официальному политическому курсу, а непосредственного активного участия в его реализации. Именно это демонстрирует практика взаимодействия между государством и институтами гражданского общества в Венгрии, которую вполне может изучить и использовать Казахстан.

2.3 Перспективы дальнейшей демократизации казахстанского общества и государства в процессе модернизации

В течение последних трех лет категория «модернизация» применительно к различным мерам, ориентированным на дальнейшее развитие политической системы Казахстана, практически заменила собой такое важное понятие, как «демократизация».

Так, в своем Послании народу Казахстана «Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности Казахстана», озвученном 29 января 2010 года, Президент РК отметил следующее: «В новом десятилетии мы продолжим совершенствовать нашу политическую систему, подкрепив успех своих экономических планов последовательной политической модернизацией» [161]. При этом Главой государства, во-первых, был сделан акцент не на дальнейшее развитие демократии, а на обеспечение внутривнутриполитической стабильности. Во-вторых, он дал понять о последовательном характере политической модернизации в течение предстоящего десятилетия в контексте реализации Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2010 года.

Данные заявления Президента страны были восприняты отдельными представителями экспертного сообщества как фактический отказ или, по крайней мере, установленный на определенный срок мораторий на проведение политических реформ демократического характера. В частности, по мнению кандидата политических наук А.Е. Чеботарёва, соответствующий официальный подход к вопросам политической модернизации основан на том, что она хотя и рассматривается как постоянный процесс, выраженный в проведении определенных реформ и инноваций, но не отождествляется с демократизацией [162].

Вместе с тем уже в следующем году Глава государства разубедил сомневающихся в политике последовательной демократизации казахстанского общества и государства. Во-первых, тем, что он отказался от предложения большой группы представителей общественности провести республиканский

референдум по продлению своих президентских полномочий до 2020 года. Вместо этого Н.А. Назарбаев пошел на досрочное проведение 3 апреля 2011 года президентских выборах, на которых одержал убедительную победу с результатами 95,55% голосов [163]. Данное обстоятельство демонстрирует высокий уровень поддержки лично Главы государства и проводимого им официального политического курса среди казахстанцев.

Во-вторых, 8 апреля 2011 года в своем выступлении во время церемонии инаугурации Президент РК заявил следующее: «Динамика наших реформ является более высокой, чем в любом развитом государстве, где демократия развивалась на протяжении столетий. Мы продолжим нашу работу по дальнейшей демократизации общества» [164]. При этом он обозначил такие ключевые направления соответствующей деятельности государства, как расширение полномочий Парламента и ответственности правительства, совершенствование выборного процесса, децентрализация власти и делегирование полномочий регионам, развитие эффективной многопартийности, системы ответственных и свободных СМИ, обеспечение эффективности судебной системы и ужесточение мер по искоренению коррупции.

Данная тенденция была затем продолжена Главой государства и в рамках Стратегии «Казахстан-2050», где он отмечает, во-первых, относительно устойчивости и последовательности процесса демократизации и либерализации в контексте достижений страны на текущий момент ее суверенного развития. А, во-вторых, о развитии казахстанской демократии наряду с дальнейшим укреплением государственности в рамках предстоящей реализации рассматриваемого документа.

Вместе с тем большая сосредоточенность власти в руках Президента РК с принятием в 1995 году действующего Основного закона страны стала объектом дискуссий на последующих этапах развития казахстанского общества и государства. Несмотря на то, что соответствующая концентрация властных полномочий объяснялась необходимостью усиления власти для решения сложных задач, стоящих перед молодым государством, все же это стало усиливать некоторые авторитарные тенденции в стране.

В этих условиях модернизационные процессы в Казахстане привели к таким критическим моментам, как:

а) высокий уровень централизации системы государственной власти, дающий основание некоторым отечественным политикам и экспертам характеризовать существующий режим правления как «суперпрезидентскую республику» [165];

б) заметный дисбаланс в либерализации между экономикой и политикой;

в) закрытость правящей элиты и ее разобщенность на соперничающие друг с другом группы влияния,

г) серьезные ограничения для деятельности политической оппозиции, что особенно проявляется в избирательном процессе и привело в 2007 году к формированию монопартийного парламента,

д) отсутствие эффективных механизмов прямой и обратной коммуникации между государством и обществом и системы общественного контроля над действиями власти.

Сложность и неоднозначность тенденций и достигнутых на сегодняшний день результатов процесса модернизации политической системы Казахстана отражает, к примеру, оценка российского политолога Л.Ф. Адиловой. По ее мнению, «...политические реформы в закрытых и гибридных политических режимах, получивших такие ключевые характеристики, как "фасадная демократия", "имитационная демократия", "дефективная демократия", "элитная демократия", зачастую заменялись политическими технологиями, манипуляциями массовым сознанием, блокируя и замораживая активность масс, создавая высокую степень риска дестабилизации системы, что внезапно проявилось в период цветных революций. Различные демократические практики свидетельствуют о том, что единого стандарта демократии не существует» [166].

В связи с этим, несмотря на приведенные выше заверения Президента РК относительно продолжения процесса политической модернизации в формате дальнейшей демократизации казахстанского общества и государства, среди общественности наблюдаются ожидания прямо противоположного характера. Свое влияние на это оказывает неясность такого важного в концептуально-теоретическом и идеолого-пропагандистском ракурсе вопроса относительно критериев определения завершенности в Казахстане переходного периода и, как следствие, твердой констатации факта вступления страны в качественно новую фазу своего развития.

Следует отметить, что 4 июля 2007 года в своем выступлении на XI внеочередном съезде Народно-демократической партии «Нур Отан» Президент РК Н.А. Назарбаев отметил, что наше государство фактически преодолело сложный период политического транзита.

При этом финальным этапом данного процесса, по его мнению, должны были стать предстоящие выборы депутатов Парламента и маслихатов республики, призванные закрепить новую конфигурацию политической системы Казахстана [167].

В развитие данной мысли российский политолог Ю.М. Солозобов считает, что Казахстан выбрал один из самых верных видов политического транзита: от президентской республики, необходимой на первых этапах становления государственности, к новой политической формации - президентско-парламентской республике.

Вместе с тем ученый утверждает также о необходимости устойчивости данной модели политического транзита при условии осуществления в ее рамках принципа разделения власти и управления. При этом он говорит не о

формальном провозглашении данного принципа в Конституции РК, а о реальном обеспечении механизмов ответственности правительства перед парламентом при сохранении верховного качества президентской власти [168].

С этой точки зрения можно отметить, что, с одной стороны, проведенная в Казахстане в мае 2007 года конституционная реформа способствовала расширению полномочий Парламента и его палат, включая процедуру формирования правительства республики с участием депутатских фракций политических партий, представленных в Мажилисе.

С другой стороны, последующее формирование нижней палаты Парламента на однопартийной основе и неиспользование Главой государства парламентского потенциала НДП «Нур Отан» для формирования нового правительства дают основание утверждать о том, что политическая система Казахстана еще не достигла того состояния, которое отмечает Солозобов.

Как показали приведенные в предыдущих разделах настоящего диссертационного исследования результаты анализа различных моделей и практик политического транзита, данный процесс не означает гарантированного перехода к демократии, а предполагает главным образом переход от одного общественно-политического состояния к другому. Именно это и произошло в Казахстане в 1991 году после демонтажа советской тоталитарной системы и обретения республикой независимости и, более того, имеет тенденцию для своего продолжения.

Во всяком случае, Казахстан навсегда ушел из советского коммунистического прошлого, возврата к которому нет в принципе. Хотя, с другой стороны, пока не наблюдается и завершения процесса демократизации республики.

С учетом изложенного выше перспективы дальнейшей демократизации казахстанского общества и государства в процессе модернизации следует рассматривать в контексте одного из нижеследующих возможных сценариев данного процесса.

Сценарий № 1. Сконцентрированность руководства республики на проведении социальной и экономической модернизации при приостановлении модернизационных процессов политического характера.

В 2007-2009 гг. Казахстан подвергся серьезному воздействию мирового финансово-экономического кризиса, негативным последствием, которого, стало ухудшение социально-экономической ситуации в республике.

В свою очередь, это сильно ударило по уровню жизни многих казахстанцев и обострило такие проблемы, как безработица, неплатежеспособность граждан и юридических лиц, повышение коммунальных тарифов, отсутствие жилищных условий, в том числе из-за несдачи в обговоренное время строительными компаниями жилья, рост преступности и т.д.

В этих условиях естественным образом произошло ухудшение социального самочувствия значительной части населения республики. Причем

этот процесс не остановился на указанном выше временном периоде, а продолжил свое развитие в последующие годы.

Более того, он нашел свое выражение в политической плоскости в проведении в разных регионах страны всевозможных митингов, пикетов, забастовок и других акций протеста со стороны недовольных различными направлениями социально-экономической политикой государства граждан.

Пиком негативного развития данной тенденции стали события вокруг массовых беспорядков в городе Жанаозен Мангистауской области в декабре 2011 года.

О наличии совокупности неблагоприятных моментов в социальной сфере Казахстана, обуславливающих ухудшение качества жизни и, как следствие социального самочувствия определенной части граждан республики, в частности, говорят результаты социологического исследования «Социальные настроения в городах Казахстана», которое было проведено в ноябре 2011 года Институтом политических решений.

Среди данных моментов особенно выделяются рост цен и тарифов (67,7%), проблемы с состоянием здоровья граждан и качеством медицинских услуг (36,3%), нестабильное материальное положение и низкий доход семей (29,8%) [169].

В связи с этим в политике государства наблюдается определенное смещение приоритетов в сторону проведения социальной модернизации, ориентированной в целом на повышение качества жизни граждан. Соответствующая тенденция нашла свое отражение в Послании Президента страны народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана», озвученного 27 января 2012 года, а также в его программной статье «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда».

Кроме того, не менее актуальной является деятельность государства и его органов по реализации Государственной программы по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010-2014 годы (ФИИР). Данный документ был принят правительством республики по поручению Главы государства в феврале 2010 года.

Обращает на себя внимание, что идея форсированной модернизации фактически нашла свою реализацию в рамках развития национальной экономики Казахстана.

С учетом всего этого не исключено, что в ближайшей перспективе основное внимание государства и его органов будет уделено реализации стратегических установок Президента РК и выполнению поставленных здесь конкретных задач в рамках осуществления социальной и экономической модернизации. Тогда как мероприятия именно политического характера по сравнению с ними могут быть немногочисленными, а также ограниченными по своей направленности.

Сценарий № 2. Ограниченность политической модернизации мерами, направленными на совершенствование и укрепление системы государственной власти и управления.

В определенной степени данный сценарий проведения политической модернизации осуществляется с момента утверждения Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2020 года. В частности, на сегодняшний день в его рамках осуществлены следующие действия и мероприятия, соответствующие тем или иным направлениям рассматриваемого процесса:

1) структурные изменения в правительстве, включая, в частности, создание министерств нефти и газа, связи и информации (март 2010 года);

2) утверждение системы оценки эффективности деятельности центральных и местных органов власти (март 2010 года);

3) решение о ротации более 100 политических и административных госслужащих центральных органов в регионы и из регионов в центр (март 2010 года);

4) принятие Указа Президента РК «О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан» (август 2010 года);

5) принятие Указа Президента РК «О мерах по оптимизации штатной численности органов, содержащихся за счет государственного бюджета и сметы (бюджета) Национального Банка Республики Казахстан», предусматривающего сокращение количества государственных служащих на 15%, или на 26 тыс. человек (сентябрь 2010 г.);

6) создание Агентства Республики Казахстан по делам религий (май 2011 г.);

7) уточнение порядка назначения на должность, прекращения полномочий и освобождения от должности акимов всех уровней (май 2011 г.);

8) утверждение Концепции новой модели государственной службы Республики Казахстан (июль 2011 года);

9) перераспределение функций и полномочий между некоторыми министерствами и агентствами (август 2011 года);

10) принятие Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной службы» (ноябрь 2012 года);

11) проведение внеочередной аттестации сотрудников правоохранительных органов (с апреля по декабрь 2012 года);

12) структурные изменения в правительстве, включая, создание Министерства регионального развития РК (январь 2013 года);

13) утверждение Правил отбора в кадровый резерв административной государственной службы корпуса "А" и проведения конкурса на занятие вакантной и временно вакантной административной государственной должности корпуса "А" (март 2013 года);

14) формирование кадрового резерва корпуса "А" (июнь 2013 года).

Очевидно, что указанные выше меры направлены на укрепление позиций и совершенствование деятельности преимущественно органов исполнительной власти. Тогда как меры по демократизации политической системы в рассматриваемый период практически оказались ограниченными проведением в январе 2012 года внеочередных парламентских выборов и формированием по их результатам Мажилиса Парламента РК 5-го созыва на многопартийной основе. Поэтому выбранный тренд в отношении системы государственной власти и управления вполне может стать в ближайшей перспективе если не единственным, то доминирующим в общем модернизационном процессе.

Сценарий № 3. Проведение политических реформ по линии «снизу вверх», предполагающее первоначальную децентрализацию государственной власти с передачей полномочий от центра в регионы и от регионов – на местный уровень, а также создание эффективных институтов местного самоуправления.

Данный сценарий предполагает последовательную реализацию мер в рамках обозначенных руководством республики в 2010-2011 гг. направлений процесса модернизации политической системы.

При этом представляется, что основной акцент здесь будет сделан на реформирование системы местного государственного управления и самоуправления.

В определенной степени реализация этого сценария началась с принятия в ноябре 2012 года Концепции развития местного самоуправления в Республике Казахстан. В развитие этого документа Указом Президента РК от 24 апреля 2013 года были утверждены Правила избрания на должность, прекращения полномочий и освобождения от должности акимов городов районного значения, сельских округов, поселков и сел Республики Казахстан, не входящих в состав сельского округа.

Затем на основе этих правил с 5 по 9 августа 2013 года в 14 областях республики были проведены выборы акимов в 2457 городах районного значения, поселках, аулах (селах) и аульных (сельских) округах. Выборы проводились на косвенной основе, в рамках которой выборщиками выступили депутаты районных маслихатов. При этом из действующих на момент проведения избирательной кампании акимов соответствующих населенных пунктов в качестве кандидатов приняли участие в выборах 1811 человек, из которых 1747 сохранили свои должности. Таким образом, состав рассматриваемых акимов обновился на 28,8% [170].

Следующим за выборами указанных акимов вероятным шагом может стать принятие на законодательном уровне мер, направленных на предоставление районным маслихатам механизмов контроля за деятельностью избранных ими акимов сельских и городских населенных пунктов.

Представляется, что осуществление отмеченных выше мероприятий в рамках рассматриваемых направлений политической модернизации позволит выстроить систему местного государственного управления и самоуправления

таким образом, чтобы она фактически представляла собой своего рода мини-модель будущей оптимально конструкции системы государственной власти республиканского уровня.

В связи с этим следующим этапом после реформирования системы местного государственного управления и самоуправления может стать обеспечение максимального мониторинга и анализа деятельности и взаимоотношений составляющих эту систему государственных органов и общественных институтов со стороны Администрации Президента РК. В течение определенного срока данная деятельность будет направлена на выявление плюсов и минусов функционирования рассматриваемой системы как в целом, так и в рамках каждого из 16 регионов республики. По ее результатам же будут выработаны рекомендации и приняты меры по устранению соответствующих минусов и, возможно, определенному поддержанию выявленных плюсов.

После максимального приведения системы местного государственного управления и самоуправления к оптимальному уровню функционирования при условии обеспечения ею баланса между общенациональными и местными интересами руководство республики может приступить к реализации мер, позволяющих выстроить по аналогичной схеме систему взаимоотношений по линии «Президент-Парламент-правительство» с постепенным усилением полномочий последних двух институтов государственной власти.

Сценарий № 4. Серьезные изменения на конституционном уровне в направлении усиления полномочий Парламента и правительства в контексте будущей преемственности верховной власти.

В последнее время идет обсуждение путей осуществления преемственности верховной власти в Казахстане и вариантов возможного развития общественно-политической ситуации в рамках этого процесса. Так, по мнению советника Президента РК Е.К. Ертысбаева следующий глава государства, независимо от своей персоны, не будет обладать таким объемом властных полномочий, как действующий. В связи с этим «В постназарбаевский период неизбежно и резко вырастет власть и статус парламента, который реально будет формировать правительство, которое, в свою очередь, станет центральным органом управления в стране» [171].

Тем самым Ертысбаев четко обозначил рассчитанный на среднесрочную перспективу стратегический тренд относительно серьезных системных изменений, способствующих в будущем сохранению существующего политического порядка и преемственности официального политического курса. В его основе лежат возможные планы руководства республики сформировать институты, которые будут работать независимо от того, кто именно возглавит Казахстан после Н.А. Назарбаева.

В силу этого рассматриваемый сценарий будет ориентирован на перераспределение определенных властных полномочий в системе

взаимоотношений «Президент-Парламент-правительство» с целью создания полноценного баланса по линии сдержек и противовесов между ними.

При этом основной акцент будет сделан на усиление роли и полномочий Парламента РК в процессе осуществления государственной власти и управления.

Еще одним шагом в данном направлении логически должно стать повышение статуса НДП «Нур Отан» в политико-властной системе страны в сторону ее постепенной трансформации из «партии власти» в правящую партию. Самым действенным механизмом здесь может стать возможный уход действующего Главы государства с поста председателя этой партии и избрание на его место премьер-министра республики.

Как показывает зарубежный опыт, большее участие в управлении государством играют партии, формирующие правительства и выдвигающие своих лидеров на позиции их руководителей, нежели партии, возглавляемые президентами соответствующих государств.

В связи с этим в перспективе не исключена трансформация действующей в Казахстане системы президентского правления в парламентскую республику, в рамках которой на первое место выйдут Парламент и формируемое им правительство. Тогда как функции и полномочия Президента РК будут заметно ограничены. В экспертной среде имеются мнения о том, что «При определенных условиях, данная модель имеет все шансы быть реализованной в Казахстане. Тем более, что после принятия закона о Лидере нации президент может это сделать в любое время, сохранив в своих руках значительные властные полномочия» [172].

В любом случае, независимо от того, по какому из представленных выше четырех сценариев будет осуществляться процесс политической модернизации, общими для них представляются следующие моменты:

1. Сохранение инициативы определения общеконцептуальных и конкретно-содержательных аспектов тех или иных мер за Президентом РК Н.А. Назарбаевым.

2. Активное участие в процессе политической модернизации обновленного в персональном и партийно-политическом отношениях депутатского корпуса Мажилиса Парламента РК, что способно повысить уровень демократичности этого процесса.

Вместе с тем при любом раскладе целесообразно придать деятельности государства и его органов по проведению политической модернизации в рамках обозначенных руководством республики направлений более системный характер. В свою очередь, это будет способствовать повышению уровня эффективности, прозрачности и легитимности данной деятельности и, следовательно, самого рассматриваемого процесса.

В контексте исследования перспектив дальнейшей демократизации казахстанского общества и государства представляется также интересным рассмотреть альтернативные пути проведения политической модернизации,

которые предложены некоторыми политическими партиями, оппозирующими в разной степени официальному политическому курсу. Соответствующие альтернативы представлены преимущественно в программных и иных документах данных партий.

При этом они отличаются следующими общими моментами.

Во-первых, соответствующие партии фактически исходят из того, что основным препятствием для реализации выступает существующая политико-властная система с ее сверхцентрализованным характером. В связи с этим основной акцент в дальнейшем развитии Казахстана ими делается на кардинальное преобразование данной системы. Таким образом, в предложениях данных партий отличаются преобладанием политического аспекта над остальными (экономический, культурный и т.д.).

Во-вторых, из-за отсутствия полноценного идеологического позиционирования и недостаточной идеолого-пропагандистской работы соответствующих партий среди населения их концепции проведения политической модернизации не имеют четкого идеологического обоснования. Исключение в данном случае составляют практически только Коммунистическая партия Казахстана, опирающаяся на принципы научного социализма. Тогда как остальные партии в вопросах политического развития республики больше подходят с прагматической точки зрения

В рамках соответствующего анализа были взяты программные документы следующих политических партий:

1. Политическая платформа Демократической партии «Адалет» «Путь к справедливости», утвержденная Политсоветом партии 25 января 2011 года.
2. Программа политической модернизации Республики Казахстан, одобренная на расширенном заседании Президиума Центрального Совета Демократической партии «Ак жол» 21 февраля 2009 года.
3. Программа Коммунистической партии Казахстана, принятая XXXIII съездом КПК 17 июня 2007 года.
4. Программа Республиканского общественного объединения «Общенациональная социал-демократическая партия», утвержденная I (учредительным) съездом ОСДП 10 сентября 2006 года [173].

Сравнительный анализ положений указанных выше документов, отражающих взгляды и позиции соответствующих партий относительно общественно-политического развития Казахстана, позволяют выявить между ними как сходства, так и отличия по следующим направлениям:

Таблица 3 - Сравнение положений программных документов политических партий по вопросам модернизации политической системы Казахстана

1. Демократическая партия «Әділет»	
1	2
Ключевые концептуальные ориентиры общественно-политического развития Казахстана	Путь дееспособной власти, основанной на выборе и доверии народа, находящейся под жестким демократическим контролем и свято соблюдающей законы, а также путь, ведущий от демократии представительства к демократии реального участия.
Оптимальная модель политико-властной системы и форма правления государством	1. Новая модель динамичной и сильной системы государственных органов с модернизированной разделением полномочий между ними и обновленной системой сдержек и противовесов, рассчитанная на устойчивое развитие страны, на укрепление законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти. 2. Построение президентско-парламентской республики вместо президентской.
Статус и положение Президента РК	1. Президент соединяет в своих руках полномочия главы государства и главы правительства при упразднении должности премьер-министра. 2. Перераспределение части полномочий президента между правительством и парламентом. 3. Сохранение за президентом права формирования правительства.
Статус и полномочия Парламента РК	1. Существующая двухпалатная модель. 2. Высший представительный, единственный и полноценный законодательный орган.
Партийное строительство	1. Необходимость реальной многопартийности и системной оппозиции, способных дать возможность гражданам реализовать свое право выбора и осуществлять перераспределение власти ненасильственным демократическим путем. 2. Введение ежегодного финансирования текущей деятельности политических партий, набравших не менее 1% голосов избирателей на парламентских выборах. 3. Обеспечение равного и гарантированного доступа всех партий к государственным СМИ. 4. Введение в закон "О политических партиях" специальной главы "Об оппозиции" с четким определением ее правового статуса и гарантий ее деятельности со стороны государства.

Продолжение таблицы 3

1	2
<p>Развитие гражданского общества</p>	<p>Важнейшим условием и субъектом модернизации должно стать гражданское общество. Для его развития и эффективного участия в общественной жизни, процессах управления государством, в формировании и отстаивании национальных интересов необходимо:</p> <p>а) восстановить в конституционном законе "О выборах в Республике Казахстан" ранее устаревшую норму, допускающую образование предвыборных блоков (коалиций) политических партий;</p> <p>б) изменить принцип формирования избирательных комиссий всех уровней. Избирательные комиссии должны формироваться на основе равного представительства от всех партий, участвующих в выборах;</p> <p>в) закрепить законодательно правило немедленного предоставления заверенных копий протоколов итогов голосования наблюдателям от политических партий и общественных объединений;</p> <p>г) электронное голосование вводить по мере совершенствования этой системы с учетом международных стандартов.</p>
<p>2. Демократическая партия Казахстана «Ақ жол»</p>	
<p>Ключевые концептуальные ориентиры общественно-политического развития Казахстана</p>	<p>Проведение нового этапа политической модернизации Республики Казахстан.</p>
<p>Оптимальная модель политико-властной системы и форма правления государством</p>	<p>Система органов государственной власти Республики Казахстан должна быть построена на основе обеспечения реального разделения и эффективного взаимодействия ветвей власти, приоритетного положения представительных органов, максимальной прозрачности работы всех органов и институтов власти, полноценного сотрудничества государства и институтов гражданского общества.</p>

Статус и положение Президента РК	<p>1. Президент как глава государства должен символизировать единство народа Казахстана и обеспечивать непрерывное функционирование и согласованное взаимодействие ветвей государственной власти.</p> <p>2. Круг полномочий Президента охватывает в основном вопросы, касающиеся обороны, внешней политики и территориального устройства страны.</p>
----------------------------------	--

Продолжение таблицы 3

1	2
	<p>3. Президент назначает членов правительства и руководителей центральных исполнительных органов, не входящих в состав правительства, по представлению премьер-министра.</p> <p>4. Единственным государственным органом, формируемым и подчиненным президенту, становится Канцелярия президента, в задачи которой должно входить обеспечение деятельности главы государства.</p> <p>5. Президент может быть отрешен от должности в случае совершения не только государственной измены, но и иного тяжкого преступления, определяемого таковым уголовным законодательством республики.</p>
Статус и полномочия Парламента РК	<p>1. Однопалатный парламент (Мажилис).</p> <p>2. Высший представительный и единственный законодательный орган.</p>

<p>Партийное строительство</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Упрощение порядка регистрации политических партий и их структурных подразделений (филиалов и представительств) в органах юстиции посредством замены данного порядка с разрешительного на учетный, сокращения обязательной максимальной численности членов любой партии с 50000 до 10000 человек, а в их областных филиалах или представительствах - с 700 до 200 человек. 2. Введение административной и (или) уголовной ответственности за принуждение граждан к даче информации о своей партийной принадлежности или об ее отсутствии у них. 3. Предоставление партиям права равного доступа к государственным СМИ. 4. Предоставление партиям права на создание своих депутатских фракций в маслихатах республики. 5. Предоставление депутатским фракциям политических партий статуса постоянных комитетов (комиссий) соответствующих представительных органов. 6. Введение процедуры ликвидации политических партий исключительно по решению Верховного суда Республики Казахстан. 7. Отражение в действующем законодательстве статуса и прав политической оппозиции, к которой следует относить любую партию, не участвующую в формировании правительства.
--------------------------------	---

Продолжение таблицы 3

		2
Развитие общества	гражданского	<p>Необходимо законодательно закрепить следующие принципы взаимоотношений между государством, с одной стороны, и гражданским обществом и его институтами, с другой стороны:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Государство осуществляет свою деятельность исключительно в интересах всего общества и каждого гражданина. 2. Государство в своей деятельности подотчетно и подконтрольно обществу и гражданам. 3. Государство обеспечивает соблюдение и защиту законных прав и интересов граждан и институтов гражданского общества. 4. Государство создает необходимые правовые условия для полноценного развития гражданского общества и функционирования его институтов, в том числе для осуществления ими полноценного контроля за его деятельностью. 5. Государству разрешено делать все то, что установлено законом, а гражданам – все то, что не запрещено законом. 6. Реализация гражданами и институтами гражданского общества своих конституционных прав и свобод осуществляется исключительно на уведомительной основе, а само это уведомление предусматривается только в случаях, установленных действующим законодательством. 7. Вмешательство государства и его органов в жизнедеятельность общества, его институтов и каждого гражданина допускается исключительно в минимальном количестве случаев, установленных действующим законодательством. 8. Гражданское общество и государство взаимодействуют друг с другом на основе партнерства, равноправия, конструктивизма, открытости, согласованности, взаимопонимания, взаимоуважения и взаимной ответственности в целях решения актуальных вопросов развития республики. 9. Государство стимулирует рост и реализацию гражданских инициатив, а также оказывает финансовую поддержку институтам гражданского общества в реализации общественно значимых и полезных программ и проектов в рамках предоставления им на объективной, честной, открытой и равноправной конкурсной основе государственного социального заказа.

Продолжение таблицы 3

1	2
3. Коммунистическая партия Казахстана	
Ключевые концептуальные ориентиры общественно-политического развития Казахстана	Концепции человека, коллективизма, социализма и народовластия.
Оптимальная модель политико-властной системы и форма правления государством	1. Народовластие, представительная ветвь которого будет моделью организации национальной жизни, и где государство будет оптимально сочетать интересы всех и каждого. 2. Парламентская республика как наиболее эффективная форма правления социалистическим государством.
Статус и положение Президента РК	Институт Президента республики не предусмотрен.
Статус и полномочия Парламента РК	1. Однопалатный парламент. 2. Высший представительный и единственный законодательный орган.
Партийное строительство Развитие гражданского общества	Соответствующие положения в программе партии отсутствуют.
4. Общенациональная социал-демократическая партия	
Ключевые концептуальные ориентиры общественно-политического развития Казахстана	Формирование и развитие сильного, эффективного государства, способного обеспечить необходимые условия для достойной жизни граждан и их защиты.
Оптимальная модель политико-властной системы и форма правления государством	1. Коренное изменение политической системы страны через создание механизмов регулярного обновления власти, ее постоянного взаимодействия с гражданским обществом, подотчетности и открытости. 2. Государственная власть состоит из законодательной, исполнительной и судебной ветвей, действующих самостоятельно и во взаимодействии между собой на основе системы сдержек и противовесов. 3. Трансформация президентской формы правления в президентско-парламентскую.

Статус и положение Президента РК	<p>1. Сохранением за главой государства определяющих полномочий в области внешней политики, обороны и национальной безопасности.</p> <p>2. Президент на срок исполнения своих полномочий не может состоять в политической партии и выражать партийные предпочтения.</p> <p>3. Назначение и освобождение от должности членов правительства, предложенных премьер-министром, с согласия Мажилиса</p>
----------------------------------	--

Продолжение таблицы 3

1	2
	<p>4. Назначение и освобождение от должности непосредственно подчиненных президенту министров иностранных дел, обороны, министра юстиции – Генерального прокурора и руководителя службы внешней разведки и контрразведки.</p> <p>5. Введение в должность вновь избранных акимов области, города республиканского значения и столицы.</p> <p>6. Руководство внешней политикой, назначение и отзыв дипломатических представителей республики, присвоение дипломатических рангов.</p> <p>7. Руководство обеспечением безопасности республики, создание и руководство Советом безопасности.</p> <p>8. Руководство выработкой и осуществлением оборонной политики, назначение и освобождение от должности высшего командования Вооруженных Сил РК.</p>
Статус и полномочия Парламента РК	<p>1. Однопалатный парламент (Мажилис).</p> <p>2. Единственный законодательный и высший представительный орган власти.</p>
Партийное строительство	<p>1. Политические партии содействуют формированию и изъяснению политической воли граждан.</p> <p>2. Не допускается монополия деятельности какой-либо одной политической партии и создание государством особых условий для деятельности отдельных партий.</p> <p>3. Не допускается деятельность политических партий и иных объединений, преследующих политические цели, в органах исполнительной и судебной властей, вооруженных силах, правоохранительных органах, а также в учреждениях образования и здравоохранения.</p> <p>4. Политические партии получают государственное финансирование в порядке, установленном законом.</p> <p>5. Законодательное закрепление статуса и прав парламентского меньшинства (оппозиции).</p>

Развитие гражданского общества	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование гражданского общества является важнейшей целью сегодняшнего Казахстана, целью, достижение которой минимизирует любые разрушительные настроения, существующие в современном обществе. 2. Необходимость установления всестороннего контроля общества над властью, без чего бюрократическое отчуждение государства от народа не может быть преодолено. 3. Институты гражданского общества и органы государственной власти взаимодействуют между собой на основе гражданского партнерства и социального заказа.
--------------------------------	---

Продолжение таблицы 3

1	2
	4. Государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов политических партий, профессиональных союзов и иных институтов гражданского общества.

Таким образом, большинство рассматриваемых партий в центре предлагаемых ими альтернативных официальной линии путей общественно-политического развития Казахстана ставят изменение системы государственной власти и ее подходов к своей деятельности и взаимоотношениям с гражданами и институтами гражданского общества. Например, для ДПК «Ак жол» реформирование системы государственной власти является главным направлением предлагаемой ею политической модернизации казахстанского общества и государства.

Несколько иной подход демонстрируют казахстанские коммунисты. С одной стороны, они отдают приоритет защите прав человека. Такая позиция отвечает одной из главных целей Компартии Казахстана – построению социалистического общества, где высшей ценностью являются человек и его благополучие. С другой стороны, к положительному решению данного вопроса коммунисты подходят с точки зрения воссоздания коллективизма. Тем самым они фактически отвергают либеральную концепцию о правах и свободе личности, основанную на индивидуализме, и выступают за защиту человека в контексте продвижения идеи о коллективных интересах граждан. При таком подходе коммунисты явно отдают предпочтение не отдельно взятому гражданину, а народу, который они рассматривают как главную государствообразующую силу.

Все четыре партии объединяет приверженность политико-властной системе, основанной прежде всего на четком разделении и уравнивании трех ветвей государственной власти. Вместе с тем они различаются

относительно формы правления, которую эти партии не намерены сохранять в существующем ныне виде.

Большинство из них выступают за преобразование действующей модели президентского правления в президентско-парламентскую республику. Судя по всему, такая форма правления основана на примерно равном соотношении между законодательной и исполнительной властями, представленных соответственно парламентом и президентом страны. При этом если ДП «Әділет» сохраняет за главой государства центральное место в политико-властной системе Казахстана, то ДПК «Ақ жол» и ОСДП выдвигают на это место Парламент.

В отличие от этих партий Компартия Казахстана выступает за введение в стране парламентской республики, которая отвечает давнему лозунгу коммунистов «Вся власть – Советам». В то же время она отказывается от реализации модели «социалистической демократии», которая имела место в бывшем СССР, и предлагает качественно новую, судя по тезисам ее программы, форму народовластия.

Относительно института Президента РК рассматриваемые партии, за исключением Компартии Казахстана, намерены лишить его существующего статуса фактического арбитра между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, что предполагает его дистанцию от каждой из них, и ввести его в систему исполнительной власти. Кроме того, они выступают за передачу определенных полномочий Президента Парламенту и правительству.

Вместе с тем ДП «Әділет» считает, что возложение на главу государства функций непосредственного руководителя правительства сохранит его влияние в политико-властной системе и усилит его персональную ответственность за деятельность исполнительных органов власти всех уровней. В отличие от этого ДПК «Ақ жол» и ОСДП, наоборот, выступают за невмешательство главы государства в управление экономикой и другие направления деятельности правительства. В связи с этим они стремятся ограничить его компетенцию преимущественно вопросами внешней политики, обороны и безопасности. При этом свое верховенствующее положение в политико-властной системе страны Президент должен, на их взгляд, уступить Парламенту.

Относительно изменения статуса и полномочий Парламента республики: имеют место два разных подхода:

1) сохранение существующей модели парламентаризма при усилении функций и возможностей законодательного органа (ДП «Әділет»);

2) возвращение, по аналогии с бывшим Верховным Советом РК, к однопалатной структуре Парламента с выведением его на центральные позиции в политико-властной системе Казахстана. Соответственно этому предполагается расширение функций и полномочий парламента, а также увеличение состава его депутатов (ДПК «Ақ жол», КПК и ОСДП).

Вместе с тем все четыре партии едины в том, чтобы Парламент обладал монополией на осуществление законодательной деятельности. Такой подход

исключает существующий порядок возможного делегирования Парламентом своих законодательных функций Президенту РК.

В вопросах партийного строительства рассматриваемые партии, кроме коммунистов, одинаково выражают намерение обеспечить легализацию в партийно-политической системе Казахстана такого важного института, как политическая оппозиция.

Партии «Әділет» и «Ақ жол» также единодушны в необходимости предоставления всем без исключения действующим в стране партиям доступа к государственным СМИ. А с ОСДП первую из них объединяет приверженность практике финансирования на определенных условиях деятельности политических партий из государственного бюджета. При этом «Әділет» в качестве такового условия отмечает официально установленный электоральный рейтинг тех или иных партий в размере не менее 1% голосов избирателей.

В подходе ДПК «Ақ жол» к процессу партийного строительства первоочередное место занимают вопросы улучшения условий для обеспечения прав граждан республики на объединения в политические партии. Большое внимание «Ақ жол» также уделяет вопросам создания и деятельности депутатских фракций политических партий в представительных органах власти всех уровней.

Позицию ОСДП отличает явное стремление демонтировать существующую в Казахстане полупартийную систему с доминирующим положением Народно-демократической партии «Нур Отан». При этом социал-демократы намерены устранить не только присутствие последней в исполнительных органах и бюджетных организациях, но и сам институт «партии власти» в партийно-политической системе республики.

Наконец, развитие гражданского общества в Казахстане что ДПК «Әділет» связывает преимущественно с совершенствованием законодательства о выборах и, как следствие, обеспечением активного и решающего участия граждан в избирательном процессе. Такой подход носит узкий характер, так как основан на представлении граждан республики в качестве избирателей без учета других форм их участия в общественно-политической жизни страны.

Наиболее концептуально к рассматриваемому вопросу подошла ДПК «Ақ жол», выдвинув систему общих концептуальных принципов для построения идеальной системы взаимоотношений между государством и гражданским обществом. При этом партия отстаивает один из основополагающих тезисов идеологии либерализма относительно первичности гражданского общества по отношению к государству и, как следствие, подотчетности и подконтрольности последнего обществу. Примерно в таком же духе рассуждает и ОСДП.

Возможно, что руководство республики обратит внимание на определенные предложения некоторых партий по модернизации политической системы Казахстана при выстраивании и реализации того или иного сценария данного процесса. Пока же оно продолжает принципиально придерживаться

тактики последовательного характера проведения политических преобразований в среднесрочной перспективе.

Вывод. Исходя из всего изложенного выше, следует отметить, что в форсировании модернизационных процессов, способных при определенных обстоятельствах нарушить политическую стабильность в стране и вызвать сбои механизмов государственного управления, острой необходимости в настоящий момент времени не наблюдается. При этом за рамками политической модернизации пока остаются политико-правовая конструкция и механизмы функционирования института Президента республики, представляющего собой системообразующий фактор политической системы Казахстана.

С другой стороны, динамика внутренних и внешних факторов развития казахстанского общества и государства подтверждает необходимость осуществления модернизации практически в постоянном режиме посредством проведения определенных реформ и инноваций. В этой связи заявленные руководством республики, начиная с 2004 года, и постепенно осуществляемые политические реформы носят «продолжающийся» характер и имеют целью совершенствование, а не ломку существующей политической и административной системы [174]. Такой подход всецело отвечает обеспечению внутривнутриполитической стабильности, составной частью которой и выступает модернизация.

В целом, на современном этапе модернизация несет для Казахстана более глубокую смысловую нагрузку, нежели обновление политической системы страны и ее отдельных элементов. В условиях, когда стоит вопрос о выходе республики на новую траекторию своего развития, ориентированную на достижение конкурентоспособности нации в национальном и глобальном масштабе, модернизация призвана определять национальную повестку дня. Она также представляет собой важнейшую задачу завершающего этапа «казахстанского транзита» [175]. Все это представляется важным для выявления общих и особенных характеристик исследуемого процесса в контексте сравнения его реализации в Казахстане и Венгрии.

3 ОСОБЕННАЯ И ОБЩАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ В ВЕНГРИИ

3.1 Предпосылки и условия для демократического перехода в Венгрии в процессе модернизации

Специфика социально-политического развития Венгрии демонстрирует, что сравнительно успешному и особенно мирному, ненасильственному переходу этой страны к демократическим отношениям в обществе и соответствующему им государственному устройству сильно способствовали результаты модернизации, проведенной в 1960 – 1-й пол. 1980-х гг. под руководством правившей тогда Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Фактически это была первая серьезная после Второй мировой войны трансформация венгерского общества и государства, в результате которой произошел переход от традиционного, преимущественно аграрного общества к современному промышленно развитому, урбанизированному и высокообразованному.

В годы руководства Венгерской Народной Республикой генерального секретаря ВСРП Я. Кадара (1956-1988 гг.) были проведены серьезные социально-экономические и по меркам тоталитарной коммунистической системы либеральные преобразования. Под лозунгом «Кто не против нас, тот с нами», Кадару удалось создать из своей страны образ в меру консолидированной нации и страны-реформатора, которая по ряду показателей своего развития выглядела гораздо успешнее других социалистических стран Центральной и Восточной Европы. Сочетание элементов рыночных отношений в экономике и коммунистического порядка в политической жизни страны получило со временем в политическом и публицистическом лексиконе название «гуляш-социализм» [176].

Следует отметить, что соответствующие преобразования начались не сразу. После трагических и неоднозначных событий 1956 года руководству ВСРП во главе с Кадаром понадобилось определенное время для устранения последствий данных событий и укрепления своей власти. Венгрия также учла горький опыт «Пражской весны» в соседней Чехословакии, в подавлении которой, кстати, она в 1968 году принимала участие под эгидой Организации Варшавского договора. Фактически руководству ВСРП приходилось маневрировать между определенной частью своих сограждан, которые успели пожить в период буржуазных порядков и пытались добиться восстановления утраченных с установлением коммунистического режима прав и свобод, с одной стороны, и руководством Союза ССР, который на правах «старшего брата» обеспечивал незыблемость в подконтрольных ему государствах так называемого «социалистического лагеря» соответствующего политического строя, с другой стороны.

Реформы в экономике Венгрии начались в 1968 году. Они выразились в введении нового экономического механизма, предусматривавшего

практический отказ от централизованного планирования и возложение обязанности составлять планы на государственные предприятия. Последние, в частности, получили определенную самостоятельность в вопросах открытия филиалов, сбыта своей продукции, установления цен на нее и т.д. Централизованное материально-техническое снабжение в основном уступило место оптовой торговле. Определенная доля прибыли стала оставаться в распоряжении самих предприятий, что положительно отражалось на заработной плате их работников. За правительством главным образом остались полномочия определять основные пропорции в народном хозяйстве и задавать темпы роста жизненного уровня [177].

Другим важным направлением и одновременно результатом экономических реформ стали определенная либерализация сельского хозяйства и появление здесь мелкого производства наряду с продолжавшими существовать крупными кооперативными хозяйствами. При этом сложившаяся еще в XIX веке традиция преимущественного развития аграрного сектора за счет крупных хозяйств не была прервана. Венгерские кооперативы функционировали весьма эффективно. В результате страна вышла на первое место в Европе по производству пшеницы и мяса из расчета на душу населения, а также по количеству яиц [178].

В отличие от большинства других социалистических стран потребительский рынок в Венгрии практически не страдал от дефицитов товаров народного потребления. Соответствующие перемены обеспечили динамичное развитие венгерской экономики и повышение уровня благосостояния населения примерно на протяжении 6-8 лет. Помимо всего этого Венгрия была относительно открытой для определенных контактов с Западом и интеграции в мировую экономику. Показательным в этом отношении стало то, что в 1973 году она присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), а в 1982 году вступила в Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). По оценкам известного венгерского экономиста Я. Корнай «Именно тогда на Западе стали рисовать частично верную, а частично искаженную картину режима Кадара как "самого счастливого барака во всем лагере"» [179].

В социальном отношении в Венгрии сохранился средний класс в виде 100-160-тысячной прослойки мелких ремесленников, а также традиционно отличавшийся свободомыслием и достаточно авторитетный в обществе слой интеллигенции [180]. Отмеченная выше открытость по отношению к Западу позволяла определенной части граждан Венгрии часто ездить в страны Западной Европы и иметь представления о том, как живет буржуазное общество. Таким образом, проводимая в духе кадаровского «гуляш-социализма» модернизация экономики создала серьезные предпосылки для будущих перемен в обществе в направлении демократического транзита.

В конце 1970 – 1-й пол. 1980-х гг. влияние фактора экономических реформ и социального благополучия сменилось в развитии Венгрии фактором кризисных процессов. Первоначально эти процессы затронули экономическую сферу, чему способствовали следующие моменты. Прежде всего, в результате проведенных реформ не были устранены сами основы административной хозяйственной системы. Сохранились государственная собственность, централизованная кадровая политика на предприятиях, спускаемые сверху ограничения в размерах оплаты труда. Соответственно этому в стране отсутствовал финансовый рынок, а конкурентная борьба на товарном рынке сильно искажалась из-за того, что государство по-прежнему сохраняло за собой определяющие позиции в экономике [181].

Экономические преобразования не были также подкреплены реформами других элементов хозяйственной системы. В результате Венгрия довольно быстро столкнулась с существенными трудностями, включая снижение темпов развития экономики. Если за период 1968-1975 гг. ВВП в среднем увеличивался на 5,4% в год, то за период 1976-1982 гг. - на 2,6%, а в 1983-1989 гг. - всего на 1,2% [181, с. 115]. Соответственно этому началось снижение уровня жизни определенной части населения. Все это знаменовало провал экономических реформ Я. Кадара.

Свою негативную роль в этом сыграли и внешние факторы, связанные с особенностями «международного социалистического разделения труда», включая несбалансированность экспортных обязательств. В этих условиях венгерское руководство было вынуждено искать все новые и новые источники поступления денег, в том числе брать кредиты на Западе. В результате к 1989 году внешний долг Венгрии составил 22 млрд. долларов США [177, с. 88]. По оценкам назначенного в 1987 году председателем Совета министров ВНР Кароя Гроса, состояние венгерской экономики было на тот момент времени настолько угрожающим, что «экономика могла прекратить свое существование в любой момент» [182].

Проявления в венгерском обществе разочарования и недовольства политикой ВСРП и ее руководства привели к постепенному формированию разного рода оппозиции коммунистическому режиму. К 1988 году оформились следующие три группы оппозиционно настроенных сил.

Во-первых, отдельные видные и авторитетные представители партийной элиты внутри ВСРП, которые были настроены на проведение кардинальных политических реформ в демократическом стиле (Р. Ньерш, И. Пожгаи, М. Сюреш и т.д.). Оппозиционность некоторых из них была обусловлена тем, что они фактически находились в опале со стороны партийного руководства и в разное время были освобождены от занимаемых постов в партийно-государственном аппарате.

Во-вторых, национал-консерваторы из числа представителей научной и творческой интеллигенции, «...которые пытались расширить политические границы - в первую очередь - свободу слова, но одновременно следили за тем,

чтобы не спровоцировать серьезной схватки с властью. Они не переступали за политические границы, стремились сохранить возможность диалога с коммунистическим руководством» [42, с. 38].

В-третьих, прозападно настроенные либералы, ведущие диссидентскую деятельность еще с 1970-х гг. В частности, они занимались самиздатом, имея подпольные издания и типографии, регулярно выступали на радиостанции «Свободная Европа», поддерживали связи с единомышленниками из числа оппозиционных сил Польши и Чехословакии. Большую поддержку либералам оказывал Фонд Сороса, обеспечивавший им обучение и стажировку в университетах США и странах Западной Европы и выплату стипендий по линии Института Открытое общество. По некоторым данным, в 1984-1989 гг. соответствующая финансовая помощь совокупно составила 500 млн. форинтов [42, с. 39].

Оппозиция стала группироваться вокруг Союза писателей Венгрии. Показательным в этом отношении стало обращение последнего в 1984 году к руководству ВСРП с просьбой относительно положительного решения следующих вопросов:

- 1) разрешить издание журнала «Хител» («Капитал»);
- 2) создать Фонд имени короля Венгрии в 1620-1621 гг. Габора Бетлена;
- 3) открыть в Венгрии исследовательский институт, который занимался бы проблемами проживающих за границей венгров.

Примечательно, что политбюро ВСРП разрешило открыть отмеченные выше организации. Однако, с другой стороны, оно начало оказывать всевозможное воздействие на Союз писателей Венгрии, включая сокращение в 1987 году бюджета организации [183].

В этих условиях руководство ВСРП было вынуждено пойти на определенную либерализацию общественных отношений и политической системы страны. Самой заметной мерой в этом направлении стало принятие в 1983 году нового закона о выборах, по которому требовалось обязательное выдвижение на одно место двух и более кандидатов в депутаты Национального собрания и в местные советы. Такой шаг в тех условиях был не просто прогрессивным, а фактически революционным изменением. Впервые данный закон на практике был применен во время выборов 1985 года. В результате состав Национального собрания претерпел изменения за счет избрания в него ряда представителей «реформкоммунистов» и интеллигенции [183, с. 188].

Скорее всего, такая политика осуществлялась руководством ВСРП с целью развития внутрипартийной демократии в качестве альтернативы нарастающему оппозиционному движению. Но, несмотря на это, последнее развивалось довольно активно. Заметным событием стало проведение в сентябре 1987 года в местечке Лакителек собрания оппозиционно настроенных представителей интеллигенции в составе 180 человек. На этом мероприятии обсуждались такие вопросы, как предложение альтернативы «монолитной власти», перспективы

выхода из советской системы и освобождения от присутствия советских войск на территории Венгрии, открытие страны для Западной Европы и т.д. [184].

Свое заметное влияние на социально-политические перемены в Венгрии оказали процессы, происходящие в Союзе ССР на волне проводимой руководством Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) во главе с М.С. Горбачевым политики перестройки. Причем по одной информации, во время визита Я. Кадара в СССР в сентябре 1985 года и его беседы с Горбачевым последний дал понять ему о необходимости подготовки смены венгерского руководства [183, с. 182]. В любом случае, и руководство ВСРП, и оппозиция в свете кардинальных перемен в СССР осознали то, что советское руководство не будет препятствовать процессам политической модернизации в других социалистических странах.

В конечном итоге 22 мая 1988 года на пленуме ЦК ВСРП избрал генеральным секретарем К. Гроса, сохранившего при этом за собой пост главы правительства. С этого момента фактически начался *первый этап политической модернизации в Венгрии, который охватывает 1988 - 1-ю пол. 1990 гг.*

Новым руководством Венгрии фактически выбирались наименее сложные пути для модернизации. Еще в бытность главой правительства Грос увидел возможность исправления экономического положения стране в привлечении иностранного капитала. Летом 1988 года был подготовлен соответствующий закон, который разрешал частичную или полную продажу венгерских предприятий западному капиталу или располагающему соответствующими средствами отечественному. На продажу предлагалось почти 20 предприятий [181, с. 131].

В рассматриваемый период Венгрия весьма активно ведет себя на международной арене, налаживая связи со странами Западной Европы, США, а также международными организациями. Начинается подготовка к выходу из Организации Варшавского договора. В сентябре 1988 г. на заседании представителей государств - участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) государственный секретарь венгерского МИДа Д. Хорн выступил с предложением начать вывод советских войск с территории Венгрии [180, с. 611].

Следует также отметить, что формирование новой политической системы в Венгрии происходило на фоне весьма бурной дискуссии по национальному вопросу, совмещенному с проблемой послевоенного территориального урегулирования и его последствий. Эта линия напрямую соприкасалась с поисками венграми своего нового места в меняющейся Европе, представляя собой один из элементов внешнеполитической реформы. В результате в контексте формирования независимого внешнеполитического курса одним из важнейших направлений внешней политики Венгрии стало развитие и укрепление связей с венгерскими национальными меньшинствами в соседних

странах - Австрии, Румынии, Союзе ССР, Чехословакии и Югославии [178, с. 412].

Активно в рассматриваемый период происходило партийное строительство. Имела место попытка возродить те политические партии, которые существовали в стране до 1947 года, когда к власти пришли коммунисты. В результате на политическую арену Венгрии вернулась Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ) и Христианско-демократическая народная партия (ХДНП). Вместе с тем новое время и соответствующие ему задачи востребовали появления новых партий. В 1988-1989 гг., в частности, были образованы следующие политические партии:

а) Венгерский демократический форум (ВДФ), созданный в развитие итогов Лакителекского собрания национальной интеллигенции и придерживающийся правоцентристских христианско-демократических позиций;

б) Союз свободных демократов (ССД), основанный представителями либерально настроенной интеллигенции;

в) Альянс молодых демократов (ФИДЕС), созданный группой антикоммунистически и либерально настроенных студентов. Впоследствии партия стала называться ФИДЕС - Венгерский гражданский союз.

Все эти партии сформировали устойчивый партийно-политический спектр Венгрии и сыграли важную роль в последующих процессах общественно-политического развития страны.

В марте 1989 года состоялось первое заседание сформированного оппозиционными партиями круглого стола, поставившего целью начало переговоров с пока правящей ВСРП для определения контуров дальнейшего развития Венгрии. В свою очередь, правительство придало данному круглому столу статус национального и стало использовать его для проведения консультаций с оппозицией. В нем принимали участие представители всех партий и ведущих общественных организаций. В результате стороны создали своего рода «дорожную карту» перехода Венгрии к правовому демократическому государству с многопартийной парламентской системой.

В самой правящей партии начались разногласия относительно дальнейшего хода политических преобразований и роли ВСРП в новых условиях развития венгерского общества. К. Грос и его ближайшее окружение заняли консервативную позицию в данном вопросе. В противовес им в руководстве ВСРП действовала группа реформаторов (Р. Ньерш, И. Пожгаи и т.д.). Последних поддерживали технократы-прагматики в лице главы правительства с ноября 1988 года М. Немета, министра финансов Л. Бекеш и других деятелей, которые считали, что венгерское общество и экономика должны быть трансформированы по модели развитых либеральных демократий за сравнительно короткий промежуток времени и при этом следует выполнять рекомендации международных финансовых организаций. Тем

самым прагматики отказались от всяких догм и открыто пошли на демократизацию [181, с. 135].

В результате такого противостояния между консерваторами и реформаторами в руководстве ВСРП победу одержали последние. 6-7 октября 1989 года состоялся XIV съезд правящей партии, который переименовал ее в Венгерскую социалистическую партию (ВСП). Председателем партии был избран Р. Ньерш. ВСП приняла программное заявление, в котором провозгласила построение демократического социализма с социально ориентированным рыночным хозяйством, многопартийной системой, равноправием различных форм собственности.

Параллельно с этим в октябре того же года в рамках Национального собрания были приняты следующие важные решения. Во-первых, в Конституцию 1949 года были внесены ряд существенных изменений, отразивших поиск политических компромиссов. Как подчеркивалось в самой преамбуле Конституции, они преследовали цели «мирного политического перехода к правовому государству, в котором реализуются многопартийная система, парламентская демократия и социально ориентированная рыночная экономика». По Конституции Венгрия провозглашалась независимым, демократическим, правовым государством, в котором в равной степени «реализуются ценности буржуазной демократии и демократического социализма» [185].

Во-вторых, был принят закон о многопартийности и деятельности партий. Согласно этому закону была значительно упрощена процедура создания новых политических партий и возрождения старых, так называемых исторических партий. Кроме того, был изменен порядок деятельности партий, которые впредь не могли осуществлять эту деятельность на производстве, в органах государственной власти, вооруженных силах и полиции. Также был установлен жесткий финансовый контроль за их хозяйственной деятельностью. Партии должны были впредь отчитываться о размерах своего имущества и источниках поступления доходов перед вновь созданной Государственной учетной палатой. Контроль за всеми другими аспектами деятельности политических партий был передан Конституционному суду [185, с. 428].

В-третьих, в рамках конституционных изменений были введены смешанная избирательная система с партийным и индивидуальным представительством, а также пост президента республики, избираемого Национальным собранием. В связи с этим Национальным собранием было принято решение провести в 1990 году парламентские выборы. Кроме того, председатель законодательного органа М. Сюреш был назначен временным президентом Венгрии с исполнением соответствующих обязанностей до проведения парламентских выборов и формирования нового состава Национального собрания.

Наконец, в-четвертых, 23 октября 1989 года, приуроченного ко Дню памяти венгерского восстания 1956 года, Национальное собрание изменило

название страны, убрав из нее термин «народная» [186]. Провозглашение, таким образом, Венгерской Республики символизировало обновление кардинальное идейно-политическое обновление страны.

В марте-апреле 1990 года в два этапа прошли первые свободные выборы в Национальное собрание, в которых приняли участие 37 политических партий. Их результаты по ведущим партиям выглядели следующим образом:

- 1) Венгерский демократический форум - 24,73%;
- 2) Союз свободных демократов - 21,39%;
- 3) Партия мелких сельских хозяев - 11,73%;
- 4) Венгерская социалистическая партия - 10,89%;
- 5) Альянс молодых демократов – 8,95%;
- 6) Христианско-демократическая народная партия - 6,46%;

7) Венгерская коммунистическая рабочая партия, созданная не вошедшими в ВСП приверженцами ортодоксального марксизма - 3,68% [45, с. 97]. Данная партия в силу непреодоления избирательного порога не стала парламентской.

2 мая 1990 г. состоялось первое заседание новоизбранного парламента, которое можно считать завершением первого этапа модернизации политической системы Венгрии. Хотя на выборах победил ВДФ, для проведения курса реформ и внесения изменений в конституцию страны, этой партии необходимо было создать парламентскую коалицию располагающую не менее чем двумя третями голосов. В результате была сформирована правящая правоцентристская коалиция в составе ВДФ, ПСМХ и ХДНП. Премьер-министром Венгрии стал лидер ВДФ Й. Анталл.

Второй этап модернизационных процессов в Венгрии является самым продолжительным по времени и охватывает период со 2-й пол. 1990 по 1-ю пол. 2004 гг. Это обстоятельство объясняется тем, что Венгрия в данный период развивалась до своего вступления в состав Европейского союза, которое знаменует качественно новый этап в его развитии.

С мая 1990 по май 1994 гг. во главе Венгрии находилась правоцентристская коалиция во главе с ВДФ. Вместе с тем стремительный и мощный взлет последнего к вершинам власти уже спустя два года завершился расколом внутри партии и постепенным спадом доверия в обществе к правящей коалиции в целом. Не в пользу последней сказалась неподготовленность представителей национально-консервативного движения к управлению страной. Главной проблемой первого посткоммунистического правительства Венгрии было отсутствие четкой программы действий. ВДФ состоял в основном из представителей интеллигенции, из-за чего сформированное им правительство получило название «правительство историков» [45, с. 101].

В идеологическом отношении правящая коалиция была приверженцем консервативных, национально-христианских ценностей. Тем самым она была далека от идеалов либерализма, под воздействием которых проходила

трансформация ряда других посткоммунистических государств. В рамках коалиции также выявились серьезные расхождения между входящими в ее состав партиями по ряду вопросов.

Особенно острыми были споры по поводу масштабов приватизации. На первом этапе ее осуществления уменьшилось число сторонников передачи крупной государственной собственности в частные руки. Отсутствие действенного контроля и незавершенность законодательной базы создали питательную среду для коррупции и так называемой «номенклатурной приватизации», не сулящей обещанного во время выборов равенства возможностей. Созданное в целях «упорядочения» процесса Государственное товарищество по распоряжению госсобственностью и Бюджетно-финансовое управление оказались неспособными побороть возникшую в этой сфере стихию. К тому же Партия мелких сельских хозяев обнародовала свое мнение, что, не вернув землю бывшим владельцам, власти обманут избирателей и союзников по демократической коалиции. Много вопросов сразу же возникло по поводу иностранного участия в приватизации. За период с 1990 по 1993 гг. число предприятий с иностранной долей в частном капитале в Венгрии выросло в четыре раза. Доля иностранного капитала в совместных предприятиях достигла 8% [181, с. 147]. Это дало повод оппозиции обвинить правительство в распродаже страны.

В августе 1992 года в дни проведения в Будапеште Всемирного конгресса венгров, один из лидеров ВДФ писатель И. Чурка опубликовал труд под названием «Несколько мыслей по поводу двух годовщин смены системы и в связи с новой программой ВДФ». В ней автор проанализировал большой круг вопросов. В частности, он рассмотрел причины революционных событий в Венгрии и в мире, причины неудач венгерских реформ общества и экономики и т.д. При этом особый акцент в данной работе был сделан на критику в адрес премьер-министра Анталла. Данная брошюра вызвала бурную реакцию и разошлась массовым тиражом по стране, а И. Чурка и его сторонники вышли из рядов ВДФ. Позже они создали Венгерскую партию справедливости и жизни, занявшую ультраправую националистическую позицию [45, с. 123].

Другим событием, пошатнувшим правящую коалицию, стало заявление лидера ПСМХ Й. Тордяна о выходе из ее состава. Данное решение он объяснил непоследовательностью правительства в осуществлении программы реституции, предполагающей возврат конфискованной в послевоенные годы земельных угодий их владельцам. К тому же роль ПСМХ в правящей коалиции по сравнению с ВДФ была ограниченной. Однако такое решение привело к расколу внутри самой ПСМХ. В результате 36 находящихся в оппозиции к Тордяну представителей данной партии сохранили свое пребывание в правящей коалиции [45, с. 124].

Еще одним из наиболее затяжных и принципиальных стал спор вокруг средств массовой информации. Правительство Анталла оказалось без массовой ежедневной газеты, так как практически все они уже были приватизированы,

причем с участием иностранного капитала. Не было у правительства и доступа к электронным СМИ, так как президентское вето не позволяло ему поставить своих людей руководить государственным телевидением и радио. Это стало причиной пикетов и массовых манифестаций сторонников ВДФ. В результате президент, который по Конституции Венгерской Республики, фактически должен был находиться вне политики, все чаще втягивался в политические распри.

Самое главное, что на снижении популярности правительства и ВДФ отразились критические экономические показатели. По сравнению с 1989 годам к окончанию срока правления коалиционного правительства промышленное производство в Венгрии сократилось более чем на 35%, а сельскохозяйственное - на 30%. В два раза вырос внутренний долг. Число безработных, увеличившись в 8 раз, неуклонно приближалось к миллиону. Дефицит бюджета составил 185 млрд. форинтов, что равнялось 2,2 млрд. долларов США.

С другой стороны правительству удалось укрепить национальную валюту и добиться ее частичной конвертируемости. За три года курс форинта по отношению к доллару упал всего на 18%. Правительству удалось также сделать расчеты в форинтах привлекательными для иностранцев, в том числе, разрешив открывать форинтовые счета. Это позволило, не производя трансформации венгерской валюты, рассчитываться ею при последующих сделках [187].

Своего рода кредо правительства во главе с ВДФ стала объявленная им реституция. Данная партия обещала своим консервативно настроенным избирателям восстановить справедливость и вернуть собственность гражданам страны, пострадавшим в предыдущие годы по политическим и классовым причинам. В результате было принято четыре закона о реституции. Ожидалось, что под их действие попадет около 2 млн. человек при численности населения страны в тот период в 10 млн. человек. Однако в первое время в специально созданные комиссии обратилась лишь половина - миллион граждан. При этом все свелось к выдаче им ценных бумаг и реституционных талонов, которые можно было обменять на бирже либо купить на них определенную собственность [187, с. 85].

В сфере внешней политики самым значительным результатом деятельности правительство Анталла стало положительное решение вопроса с выводом из Венгрии подразделений Вооруженных сил СССР. Следует отметить, что первые воинские подразделения начали выводиться еще в апреле 1989 года. Окончательно этот процесс завершился к июлю 1991 года. При этом вывод советских войск из Венгрии сопровождался спорами между правительствами двух государств по поводу стоимости оставляемого имущества и размеров ущерба окружающей среде. В результате из запрошенных венгерской стороной 100 млрд. форинтов советское руководство сочло реальным выплату лишь 2 млрд. форинтов [178, с. 415].

В целом, первое постсоциалистическое коалиционное правительство Венгрии завершило свою деятельность без каких-либо серьезных результатов в процессе развития общества и государства. В экономике произошел значительный спад производства. С 1993 года стали возрастать несбалансированность внутреннего и внешнего экономического развития, дефицит бюджета, внешнеторгового и платежного балансов, внешняя задолженность страны. Сознательный и осуществляемый по идеологическим, нежели экономическим соображениям, демонтаж кооперативной организации сельскохозяйственного производства привел к тому, что процветавшее прежде венгерское сельское хозяйство впало в кризис. Соответственно со всем этим падал жизненный уровень населения. В идеолого-пропагандистской сфере ставка делалась на тотальное очернение практически всего послевоенного периода развития страны. Все это вызывало недовольство и разочарование среди населения.

В декабре 1993 г. Й. Анталл скончался от продолжительной болезни. Посты лидера ВДФ и главы правительства занял один из его ближайших соратников П. Борош. Он не обладал теми харизмой и авторитетом, которые наблюдались у его предшественника. Это негативно отразилось на подготовке ВДФ к предстоящим парламентским выборам. В результате данные выборы, которые прошли в мае 1994 года, привели к поражению ВДФ, занявшей по их итогам третье место при поддержке 11,73% избирателей.

Вместе с тем недовольство консерваторами и усталость общества от их политики привели к победе на выборах Венгерской социалистической партии (ВСП) с результатами в 32,99%. По другим партиям результаты парламентских выборов выглядят следующим образом: ССД - 19,73%, ПМСХ - 8,82%, ХДНП - 7,03%, ФИДЕС - 7,01%. В целом, итоги данных парламентских выборов ознаменовались отступлением электората от национально-консервативного направления и усилением социал-либералов [187, с. 89].

Возвратившиеся в результате колебания политического маятника к власти социалисты сформировали правящую коалицию с Альянсом свободных демократов. Практически к власти вернулись известные в свое время инициаторы внутрипартийной и экономической реформы. Премьер-министром стал хорошо знакомый на Западе бывший министр иностранных дел Венгрии Д. Хорн. При его руководстве правительством во внешней политике произошло значительное ускорение движения Венгрии в сторону ЕС и НАТО.

Однако в области экономики правление Хорна ассоциируется с полным провалом, потребовавшим проведения экстренной бюджетной и социальной реформы, названной впоследствии по имени ее автора, министра финансов Л. Бокроша. Последний представил свои предложения по выходу из кризиса в марте 1995 года. При этом правящая коалиция долго не решалась на принятие «драконовских» мер по снижению социальных выплат, но иного выхода предложить не могла. Результатом данной реформы стало существенное снижение жизненного уровня и рост общественного недовольства в стране. В

1995 году зарплаты населения сократились на 10% [187, с. 91]. Это вызвало протесты профсоюзов. Начались забастовки железнодорожников, работников системы здравоохранения, студентов, протестовавших против введения оплаты за обучение.

Российский ученый Р.Н. Евстигнеев видит причины упадка, переживавшегося Венгрией в середине 1990-х гг. в градуалистском, то есть неспешном, проведении реформ. По его оценкам, в 1994-1997 гг. макроэкономическая ситуация и перспективы Венгрии оказались не лучше, чем в других странах Центральной и Восточной Европы: высокий бюджетный дефицит, чрезмерно обременительные налоги для населения, серьезная внешняя задолженность. В результате всего этого к 1997 году Венгрия практически растеряла весь задел, который неоспоримо имела перед другими соответствующими странами [188].

Вместе с тем во внутривнутриполитической сфере одним из значимых шагов, предпринятых в это время, стало правовое урегулирование ситуации со СМИ. Летом 1995 года в парламент был внесен законопроект о возможности организации частных радио- и телеканалов и о приватизации СМИ. Тем не менее вопрос о финансировании теле- и радиоканалов, принадлежащих правящей коалиции и оппозиционным партиям, оставался открытым. В результате же утвержденного осенью того же года закона устанавливалось многопартийное консенсусное руководство соответствующими масс-медиа.

Еще более заметными в период правления коалиции социалистов и либералов стали результаты внешней политики Венгрии. Так, в июне 1997 года Венгрия подписала с Европейским союзом договор о подготовке к вступлению в его состав, включающий детальный мониторинг ситуации в стране со стороны ЕС. При этом, несмотря на критическое положение дел в экономике и социальной сфере, Евросоюз признал Венгрию страной, способной справиться с рыночной конкуренцией внутри ЕС. В июле того же года Венгрия получила и долгожданное приглашение в НАТО. Таким образом, можно сказать, главным достижением правительства Д. Хорна стало максимальное сближение Венгрии с политическим и экономическим сообществом Запада.

При всем этом имели место трения между социалистами и их либеральными партнерами по коалиции. Хорн неоднократно предпринимал попытки реформировать правительство, которые воспринимались ССД как посягательство на их права партнеров по коалиции. Сама ВСП в качестве правящей партии хотя и укрепила положение страны и вывела ее из кризиса, но вместе с тем фактически утратила свой имидж защитницы социальных приоритетов и интересов народа. Все это отрицательно отразилось для нее и ее союзника по коалиции – ССД на очередных парламентских выборах, прошедших в мае 1998 года. При этом ВСП неоправданно была уверена в своей победе, что даже не считала нужным вести активную избирательную кампанию.

Особенностью рассматриваемых выборов стало то, что участвующие в них партии блокировались еще перед избирательной кампанией, а также делили представительство по многим избирательным округам. Хотя социалисты заняли по результатам выборов первое место при 32,92% голосов, они не могли формировать в этот раз правящую коалицию. К тому же Союз свободных демократов набрал всего 7,57%. Второе место с результатами в 29,48% занял ФИДЕС, который при этом победил в коалиции с ПМСХ (13,15%) и ВДФ (2,8%). Впервые в парламент прошла и правая Венгерская партия справедливости и жизни (5,47%). Вместе с тем христианские демократы получили в этот раз всего лишь 2,31% и не прошли в Национальное собрание [187, с. 93]. Таким образом, в этот раз электорат отдал предпочтение правоконсервативной группе политических партий. Тогда как почти в три раза снизился уровень электоральной поддержки либералов из ССД.

Новое коалиционное правительство во главе с лидером ФИДЕС В. Орбаном приняло страну со значительно ослабевшей экономикой, но в то же время стоявшей на пороге вступления в ЕС и НАТО. Вхождение в состав НАТО произошло в феврале 1999 года. В том же году правящей правоцентристской коалиции выпало подводить итоги десятилетнего периода модернизации Венгрии. По оценкам Orbana, переходный период в развитии страны в основном закончился. Главным же достижением прошедшего десятилетия он назвал то, что экономика Венгрии после балансирования на грани катастрофы практически смогла вернуться к показателям 1989 года. Причем к этим показателям по уровню заработной платы и покупательной способности населения пришла экономика уже совершенно другого типа [189].

Орбан также предложил венграм программу развития страны на следующие 10 лет, условно назвав ее «Три, три и четыре». Такой лозунг отражал обещание данного правительства создать гражданам такие условия, чтобы они могли воспитать троих детей, обзавестись трехкомнатной квартирой и автомобилем. В 2000 году правительством была принята рассчитанная на 5 лет программа развития экономики страны, получившая название «План Сечени» в честь венгерского политического деятеля 1-й пол. XIX века И. Сечени. Данная программа включила следующие направления грантовой поддержки: развитие предпринимательства, жилищное строительство, развитие туризма, развитие исследований и инноваций, развитие транспортной инфраструктуры, региональное развитие, развитие «информационного общества» [189, с. 328].

В 2001-2002 гг. на осуществление данной программы государством было выделено из своего бюджета 626,7 млрд. форинтов (более 2 млрд. долларов США). Ответственным за реализацию «Плана Сечени» было назначено министерство экономики. Только на программу развития исследований и инноваций за два года действия программы было выделено 54,5 млн. форинтов (180 млн. долларов США) [189, с. 328]. По своей структуре и механизму действия «План Сечени» максимально приближал венгерское общество к

условиям европейского сообщества. В результате всего этого венгерское общество оказалось на подъеме и реально почувствовало улучшение, выразившееся не только в развернувшемся по стране широкомасштабном строительстве, но и в росте экономических показателей.

Во внешней политике в период деятельности правительства Орбана Венгрия вступила в НАТО, а также прошла оставшийся отрезок адаптации к условиям Европейского союза. Особый акцент в рассматриваемом направлении государственной деятельности был сделан на усиление работы по интеграции венгерских соотечественников, проживающих в других странах. В июне 2001 года правительство добилось принятия Национальным собранием закона о Статусе, ориентированном на зарубежных соотечественников [189, с. 330]. Это давало как последним, так и самим гражданам Венгрии ощущение единого венгерского пространства, а также открывало возможности для беспрепятственных контактов, взаимных посещений и т.д. Отдаленной целью соответствующей программы является предоставление зарубежным венграм второго - венгерского – гражданства.

Примечательно, что именно политика коалиционного правительства во главе с ФИДЕС в отношении соотечественников стала ключевым поводом для атак на нее со стороны социал-либеральной оппозиции в лице ВСП и ССД. Последние, в частности, утверждали, что закон о Статусе, распространяя социальные блага на зарубежных соотечественников, снижает планку собственного социального благополучия венгерских граждан, уменьшает размер причитающихся им самим социальных выплат и гарантий, отнимает рабочие места.

На очередных парламентских выборах, прошедших в апреле 2002 года, ФИДЕС проиграл ВСП с небольшим отрывом: 41,7% против 42,5% соответственно. Для упрочения своих позиций социалисты уже после выборов вступили в ставшую традиционной для них коалицию с либеральным ССД, который в этот раз получил 5,57% голосов избирателей [189, с. 332]. Таким образом, к власти в Венгрии вернулся альянс социалистов и либералов. Правительство возглавил новый лидер ВСП П. Медьеша.

Самой серьезной задачей, которую предстояло решить новому правительству, стало обеспечение вступления Венгрии в Европейский союз. 12 апреля 2003 года по этому поводу состоялся референдум, который был отмечен довольно низкой явкой. В нем приняли участие всего 45,6% имевших право голоса граждан Венгрии. Данное обстоятельство продемонстрировало снижение в венгерском обществе интереса и позитивных ожиданий относительно вступления страны в ЕС. Тем не менее, за это проголосовало 83% участников референдума [190].

В мае 2004 года Венгрия стала полноправным членом Европейского союза. Именно с этого момента начался *новый, третий, этап модернизации страны*. Главной его особенностью стало влияние именно внешнего фактора на рассматриваемый процесс, обусловленного участием Венгрии в ЕС.

Слабая подготовленность к вступлению страны в Евросоюз, с одной стороны, и малоэффективность рекомендаций ЕС, с другой стороны, привели к неудовлетворенности венгерского общества итогами первых лет пребывания в западном интеграционном сообществе. Наиболее сильно за эти годы проиграла венгерская экономика. Преодолев сложную формальную процедуру приема в ЕС, страна оказалась неорганизованной внутренне. Так, венгерские предприниматели оказались неготовыми к новым условиям хозяйствования, когда основным источником поступления средств на развитие стали гранты ЕС. В результате Венгрия не востребовала и, как следствие, не получила из бюджета ЕС предназначенные ей средства. По некоторым оценкам, в 2004 году Венгрия воспользовалась лишь четвертью соответствующей суммы. К тому же поступившие средства пришли в страну с большим опозданием, когда, в частности, в сельском хозяйстве уже миновал посевной сезон [191]. По итогам первого года членства в ЕС Венгрия оказалась на последнем месте среди 10 новых, вступивших сюда стран по объемам средств поддержки, полученных от ЕС: в среднем - 16 евро на человека [192].

На венгерской экономике также неблагоприятно отразилась система квотирования производства ЕС. Венгрии не достались именно те отрасли, на которых она традиционно специализировалась. В результате в магазинных прилавках появилась продукция других стран. Для обеспечения сбыта собственной качественной сельскохозяйственной продукции венгерские сельхозпроизводители были вынуждены радикально снижать объемы производства. Произошел скачок безработицы. Все это негативно отразилось на состоянии некогда зажиточных венгерских сел. Если в 2000 году в Венгрии насчитывалось 967 крупных хозяйств, то в 2005 году их осталось уже 715. В результате в стране стали проводиться частые акции протеста тружеников аграрного сектора экономики [193].

Помимо этого ухудшилось финансирование сферы здравоохранения, образования и науки. В этом случае правительство Венгрии пошло по пути введения платных услуг, передачи в частные руки больниц, учреждений досуга и образования. Однако это практически никак не сказалось на повышении качества услуг, но еще и вызвало безработицу и в этих сферах. В целом, по сравнению с 2002 годом количество безработных граждан в 2004 году выросло с 5,6% до 11,4% [194].

Фактически интеграция 10 вступивших в ЕС в 2004 году стран в общий европейский рынок происходит максимально с учетом интересов тех государств, которые состояли в сообществе ранее. В частности, западные инвесторы в середине 2000-х гг. начали изымать свои вложения из наиболее слабых экономик, включая венгерскую. Частыми стали случаи отказа со стороны ЕС Венгрии и некоторым другим восточноевропейским странам в выделении ранее обещанных грантов. Так, например, в 2008 году Еврокомиссия отказала Венгрии в выделении ранее одобренного гранта в

размере 9,5 млн. евро. из Фонда регионального развития на модернизацию процесса очистки нефти на заводе компании IBIDEN [195].

На этом фоне начались серьезные сбои в работе правительства П. Медьеши. Работая продолжительное время в сфере частного бизнеса, последний привлек оттуда в свою команду группу бизнесменов. В результате начали проявляться тенденции, с одной стороны, повышения уровня технократизации правительства, а, с другой стороны, попытки отдельных его представителей использовать свое положение в узкогрупповых целях. В результате работу правительства сопровождали серьезные политические скандалы. Политическая борьба в Венгрии к этому моменту достигла небывалой жесткости, когда противоборствующие стороны не шли ни на какие компромиссы.

Самым серьезным последствием всего этого стали обвинения со стороны оппозиции в адрес премьер-министра относительно его сотрудничества со спецслужбами в 1970-х гг. В свою очередь, это привело к разногласиям в правящей коалиции с угрозой выхода из нее «свободных демократов». В этих условиях Медьеши в августе 2004 года был вынужден подать в отставку [196]. Кресло главы правительства занял министр по делам спорта, детей и молодежи Ф. Дюрчань, также являющийся выходцем из сферы бизнеса.

С приходом Дюрчаня на пост премьер-министра процессы ухудшения в экономике и социальной сфере ускорились. В частности, сильно вырос внешний долг страны. Правительство отказалось от системы грантов по введенному еще ФИДЕС «Плану Сечени», оказывавших существенную поддержку венгерским ученым и преподавателям. В результате ухудшилось финансирование образования и науки.

При всем этом в программе правительства Дюрчаня упор делался на укрепление принципа распределения государственных средств, создание равных возможностей для всех социальных групп. Новое правительство также было намерено активизировать участие Венгрии в деятельности ЕС и выполнить до 2008 года все требования сообщества, связанные с переходом на евро. Это потребовало принятия ряда непопулярных мер и строгой экономии государственного бюджета [197].

Во внешней политике Венгрия сделала заметный поворот в сторону развития взаимоотношений с Российской Федерацией. В результате в 2005 году российско-венгерская торговля выросла более чем в полтора раза, достигнув рекордного уровня в 6 млрд. долларов США. А в январе-августе 2006 года этот рост составил еще 3,6 млрд. долларов. Ключевым моментом в развитии сотрудничества двух государств стал состоявшийся 28 февраля - 1 марта 2006 го официальный визит в Венгрию российского президента В.В. Путина. Российская сторона проявила повышенный интерес к инвестициям в экономику Венгрии и участию в приватизации венгерских компаний. Путин также предложил создать на территории Венгрии газораспределительный центр для экспортируемого в ЕС российского газа [198].

Не исключено, что именно позитивные результаты развития взаимоотношений между Венгрией и Россией на фоне отрицательных моментов пребывания первой из них в составе Европейского союза повлияли на то, что правящий блок ВСП и ССД сохранил свое властвующее положение после проведения в апреле 2006 года парламентских выборов. По их итогам ВСП получила 43,21% голосов. Тогда как основной конкурент в лице коалиции ФИДЕС и христианских демократов завоевал 42,03%. За «свободных демократов» проголосовало 6,5%, а за ВДФ – 5,4% избирателей [199]. Таким образом, впервые в истории посткоммунистической Венгрии правящая коалиция сохранилась у власти. Причем альянс социалистов и либералов победил на парламентских выборах уже в третий раз.

Вместе с тем правительство Дюрчаня пошло на очередные непопулярные меры. Спустя месяц после победы на выборах премьер выступил с программой резкого повышения цен и налогов. Позднее он обратился к венгерским бизнесменам, если им не нравятся предложенные правительством меры, то они могут перебираться со своим бизнесом в другие страны. Но самым серьезным стал скандал вокруг обнародования в сентябре 2006 года аудиозаписи с высказываниями Дюрчаня, из которых следовало, что он лгал избирателям весной 2006 года, приукрашивая экономическое положение в стране. В частности, были озвучены такие его слова к своим соратникам: «...Я чуть не умер, когда в течение полутора лет нам приходилось прикидываться, будто мы управляем. Вместо этого мы ввали - по утрам, по вечерам и по ночам» [200].

Выданная в эфир радио и телевидения запись с соответствующими выступлениями премьер-министра страны спровоцировала массовые антиправительственные выступления в Будапеште, которые собрали 18 сентября около 10 тысяч демонстрантов, в основном из числа сторонников правых и крайне правых партий. Демонстранты требовали отставку Дюрчаня с поста премьера. Акция протеста переросла в массовые беспорядки. В ходе столкновений с органами правопорядка около 150 человек получили различные ранения [201].

В общей сложности антиправительственные выступления продолжались в течение двух недель. В этих условиях Дюрчань предложил всем политическим силам собраться и обсудить сложившуюся в стране обстановку. Однако ведущая оппозиционная коалиция ФИДЕС – ХДНП категорически отказалась вести переговоры с правительством. Последнее получило мандат доверия от парламентского большинства, представленного своей же либерально-социалистической коалицией. Однако самым серьезным последствием для социалистов стало их поражение на состоявшихся в октябре 2006 года местных выборах.

9 марта 2008 года в Венгрии состоялся национальный референдум, иницируемый оппозицией и поддержанный президентом страны Л. Шойомом. В нем приняло участие 46,34% граждан, имеющих право голоса. Им было предложено выразить свое отношение к принятым правительством

мерам в сфере здравоохранения и образования, выразившемся в введении обязательной оплаты за визит поликлинику, пребывание в больнице и частичную оплату учебы в высшем учебном заведении [202]. Принявшие участие в голосовании избиратели высказались за отмену данных выплат, что означало политическое поражение правительства.

В свою очередь это привело впоследствии к правительственному кризису, выразившемуся в распаде правящей коалиции и выходе из нее «свободных демократов», а затем отставке Дюрчаня с поста премьер-министра Венгрии в марте 2009 года. Правительство возглавил бывший до этого министром национального развития и экономики Г. Байнаи. Политика правительства Байнаи ставило своей главной целью уменьшение бюджетного дефицита, для чего были существенно сокращены социальные расходы и одновременно увеличен налог на добавленную стоимость. Вместе с тем в результате налоговой реформы была уменьшена налоговая нагрузка на работников с невысоким уровнем дохода, что должно было стимулировать развитие и увеличить долю легального рынка труда в стране [203].

Прошедшие в апреле 2010 года в два тура очередные парламентские выборы существенно изменили партийно-политическую палитру Венгрии. Уже в первом туре победу одержала правоцентристская коалиция ФИДЕС - ХДНП, получившая невиданный до этого в посткоммунистической Венгрии результат в 52,76% голосов избирателей. ВСП, поддержанная 19,3% избирателей вышла, на второе место. Третье и четвертое место заняли новые партии – ультраправая «Йоббик» («За лучшую Венгрию») и партия «зеленых» «Политика может быть другой», которые набрали 16,7% и 7,43% голосов соответственно [204]. При этом новые партии фактически вытеснили из политической жизни Венгрии ВДФ и ССД, которые не прошли в парламент. 29 мая 2010 года на пост премьер-министра Венгрии вернулся лидер ФИДЕС В. Орбан.

Одним из самых серьезных действий правящей коалиции стало принятие 18 апреля 2011 года Национальным собранием новой Конституции страны. До этого действовала Конституция, принятая еще в 1949 году, хотя и измененная в посткоммунистический период. В связи с этим проведенная конституционная реформа фактически стала символом окончательно отхода Венгрии от коммунистического прошлого. Новый Основной закон страны вступил в силу с 1 января 2012 года.

Прежде всего, в соответствии с новой Конституцией произошло изменение официального названия государства. В результате Венгерская Республика стала просто Венгрией. Хотя при этом сама республика как форма государственного правления сохраняется. Сохранена и парламентская модель республики. Вместе с тем Конституция установила следующие изменения в системе общественных отношений и государственного управления:

1. Придание Конституции Венгрии определенной религиозности, выраженной положением о том, что венгерский народ объединяют «Бог и христианство».

2. Введение запрета на аборт и однополые браки.

3. Наделение президента страны правом роспуска Национального собрания в случае непринятия им к 31 марта каждого года бюджета страны.

4. Ограничение полномочий Конституционного суда, который, в частности, лишен права принимать решения по вопросам, связанным с бюджетом, таможенной политикой и налогообложением. В то же время количество членов Конституционного суда увеличено с 11 до 15 человек.

5. Установление контроля правительства за Центральным банком Венгрии [205].

Вместе с тем принятие новой Конституции Венгрии вызвало серию протестов как среди населения страны, так и институтов Европейского союза. Несмотря на все это, правительство В. Орбана продолжает занимать принципиальную позицию по отстаиванию политических целей и интересов правящей коалиции в связи с данной конституционной реформой. Проведение последней знаменует собой новый этап в процессе модернизации Венгрии.

Вывод. Очевидно, что модернизация политической системы Венгрии стала следствием длительной социально-политической эволюции страны, основные черты которой проявились еще в эпоху «реального социализма». Вместе с тем ставка на первом этапе модернизации части правящих кругов и оппозиции, в скором времени ставшей новой властвующей элитой, на демонтаж, предполагающий максимально возможный отказ от политико-правовых, социально-экономических и идейно-духовных основ прежнего государственного строя и обусловленных им общественных отношений, привела к откровенно форсированному характеру модернизационных процессов.

В результате началось заимствование западных моделей проведения модернизации и институтов либерально-демократических государств. При этом данный процесс, во-первых, шел быстрее, чем развитие рыночной экономики и создание максимально развитых структур рынка, а, во-вторых, с явным игнорированием национальных традиций. Следствием всего этого стали негативные процессы в социальном и духовно-культурном спектрах венгерского общества, что нашло свое отражение и в политической жизни страны. С другой стороны, массовых настроений в пользу реставрации коммунистических порядков и соответствующих им политических сил не наблюдается. Это обстоятельство, в свою очередь, поддерживает тенденцию необратимости развития Венгрии по капиталистическому и либерально-демократическому пути.

Большую роль в модернизационных процессах в Венгрии сыграл фактор настроений в пользу «возвращения в Европу», от которой она, находясь в социалистическом лагере, была политически отгорожена так называемым «железным занавесом». Переориентация страны на этой волне в геополитическом отношении с Востока на Запад и последующее вступление в ЕС и НАТО стали важнейшей частью новой национальной идентичности,

затронувшей принципы гражданственности и государственности. Вместе с тем в этих непростых для себя условиях венгерское общество демонстрирует национально-культурную устойчивость и верность своим традициям, сопротивляясь давлению глобализации. Именно проявлением данной тенденции и стал резкий консервативный поворот в государственной политике, который предпринял второй правоцентристский кабинет В. Орбана.

3.2 Специфика модернизации ведущих социально-политических институтов Венгрии

Конституционные реформы в 1989-1990 гг. привели к формированию качественно новой политической системы Венгрии. Центральное место в ней занимает однопалатный парламент – Национальное собрание, в состав которого входят 386 депутатов. Оно переизбирается каждые 4 года. Следует отметить, что формирование парламента осуществляется на основе следующей смешанной избирательной системы, в рамках которой:

а) 176 депутатов выбираются по мажоритарной системе в одномандатных избирательных округах;

б) 146 депутатов – по территориальным спискам, то есть по пропорциональной системе в территориальных округах;

в) 64 депутатов – по пропорциональной системе в общенациональном округе, то есть по партийным спискам при избирательном пороге 5% [187, с. 87].

В свою очередь, от результатов выборов зависят, во-первых, процесс формирования правительства и, во-вторых, выборы президента Венгрии.

Доминирующая роль в системе исполнительной власти Венгрии принадлежит премьер-министру. Как правило, данный пост занимает лидер победившей на парламентских выборах политической партии или избирательной коалиции, создаваемой в составе от двух и более партий. Премьер-министр назначается парламентом по представлению президента страны одновременно с принятием программы правительства. Затем уже министров по представлению премьера назначает президент.

Срок службы премьер-министра, предусмотренный Конституцией, равен сроку деятельности избранного парламента или преобладающей в нем коалиции. Однако, как следует из приведенных в предыдущем разделе настоящего диссертационного исследования фактов, за всю историю посткоммунистической Венгрии лишь двум премьерам удалось полностью проработать во главе правительства. В данном случае речь идет о лидерах ВСП - Д. Хорне и ФИДЕС – В. Орбане.

В рамках взаимоотношений между парламентом и правительством действует принцип конструктивного вотума недоверия, который имеет следующие особенности. Во-первых, вотум недоверия может быть вынесен только в отношении премьер-министра, но не кого-то из министров. Во-вторых, одновременно с постановкой вопроса о вотуме недоверия должна быть

указана новая кандидатура на пост главы правительства. Таким образом, обеспечивается определенная стабильность в работе правительства. Хотя, с другой стороны, практически затруднительным является отзыв премьера в период между выборами [187, с. 87].

Президент страны является фигурой, чья власть носит откровенно номинальный характер: он правит, но не управляет. Он избирается Национальным собранием из числа претендентов, выдвигаемых обычно по компромиссному согласованию между крупнейшими парламентскими партиями и/или коалициями. Срок полномочий главы государства составляет пять лет. Фактически президент уполномочен следить за исполнением другими институтами государства Конституции Венгерской Республики. Он также утверждает все высшие назначения в стране вплоть до научных и воинских званий, осуществляет награждение тех или иных лиц за определенные заслуги перед страной. Особой сферой полномочий президента входит взаимодействие с общественными объединениями и общественными фондами, институтами самоуправления, церковью, Венгерской академией наук и т.д. Наконец, президент имеет право однократного наложения вето в случае его несогласия с предлагаемым парламентом или правительством законом [185, с. 429].

Система правительства состоит из 13 отраслевых министерств и 49 других центральных ведомств. Существуют также 4 министра без портфеля, включая руководителя офиса (канцелярии) премьер-министра. При этом правительство регулирует работу множества административно-функциональных структур, не относящихся к непосредственно подчиненным ему министерствам. Государственная служба в исполнительных органах власти осуществляется на основе четкого разделения политического руководства и административных профессиональных чиновников [206].

Система государственной власти в Венгрии состоит из двух основных уровней. Первый включает в себя центральные правительственные органы и их местные и территориальные подразделения, находящиеся в подчинении государственной администрации. Второй уровень состоит из местных органов самоуправления, действующих на принципах децентрализации и автономии. При этом органы обеих уровней отвечают за выполнение обязанностей государственного управления, что приводит практически к постоянному соперничеству между ними на местном уровне в процессе выполнения соответствующих задач.

Введение в свое время местного самоуправления не способствовало дезинтеграции регионов страны, а, наоборот, стимулировало увеличение числа институтов гражданского общества. Реформирование системы местного самоуправления в Венгрии продолжалось в течение 1990-х гг. и происходило в два этапа. Начало первого этапа ознаменовалось принятием в 1990 году закона «О местном самоуправлении», который создал правовую основу для осуществления процесса демократизации и реформы политической системы, особенно на местном уровне. Новая система местной власти была создана на

основе традиционных для Венгрии принципов и Европейской хартии местного самоуправления, принятой Советом Европы.

Конституция и закон «О местном самоуправлении», во-первых, признают право местных сообществ, включая самые мелкие поселения, на самоуправление в решении вопросов местного значения. Во-вторых, определяют принципы и механизмы местного самоуправления. В частности, правомочные избиратели общин, округов, городов, столицы и ее районов имеют право на самоуправление, представляющее собой автономное и демократическое управление и решение общественных вопросов местного значения, исходя из интересов местного населения. Свое право на самоуправление они осуществляют через выборные представительные органы и/или путем проведения местного референдума [206, с. 69].

Второй этап процесса реформ в системе местного самоуправления был осуществлен в 1994 году с принятия поправок в закон «О местном самоуправлении», которые учитывали проблемы, возникшие в ходе реализации первого этапа рассматриваемой реформы. В результате в системе государственно-административного управления произошли следующие изменения:

- 1) введение во всех населенных пунктах страны прямые выборы мэров;
- 2) регламентация или модификация гарантий гласности и форм участия граждан в системе местного самоуправления;
- 3) четкое определение обязанностей местных органов власти;
- 4) детальная разработка правил единой системы местного самоуправления;
- 5) предоставление округам страны статуса единиц территориального местного самоуправления;
- 6) введение прямых выборов в окружные представительные органы [206, с. 70].

Местное самоуправление в Венгрии существует на двух уровнях: муниципалитет и округ. Муниципалитеты являются основной единицей системы самоуправления, они создаются в поселениях, к которым в Венгрии относятся села, города и города, приравненные к округам. Среднее звено местного самоуправления, называемое также «региональным» самоуправлением, состоит из девятнадцати округов. Столица Будапешт имеет особый правовой статус.

Между указанными двумя уровнями самоуправления не существует иерархических отношений. Согласно конституции все органы местного самоуправления имеют равные основные права. Окружные органы местного самоуправления не являются вышестоящими по отношению к муниципальным и не контролируют их решения. Различие между ними состоит в делегированных им административных полномочиях. Муниципалитеты ведают вопросами местного значения в своих населенных пунктах; округа выполняют вспомогательную функцию, решая те хозяйственные вопросы, которые

поселения не могут решить самостоятельно, а также ведая делами регионального характера.

Муниципальные органы самоуправления имеют широкие хозяйственные полномочия. Они могут выполнять любые хозяйственные функции, не запрещенные законодательством и не наносящие ущерба выполнению обязательных функций и полномочий. Таким образом, задачи местных органов самоуправления разграничены на обязательные и дополнительные. Обязательные функции и полномочия местных органов самоуправления определяются парламентом, который одновременно должен обеспечить предоставление финансовых средств, необходимых для выполнения этих задач.

Функции муниципалитетов в сельских и городских поселениях установлены законом «О местном самоуправлении». Обязательные функции, предписанные этим законом, включают в себя снабжение чистой питьевой водой, организацию дошкольных детских учреждений и начального школьного образования, предоставление базовых медицинских и социальных услуг, обеспечение местного энергоснабжения, содержание дорог местного значения и кладбищ, а также защиту прав этнических и национальных меньшинств. Органы местного самоуправления вправе решать дополнительные вопросы, определенные на основании требований населения, при наличии необходимых финансовых средств.

В обязанности городских органов самоуправления может входить решение дополнительных задач. Закон «О местном самоуправлении» гласит, что по решению парламента муниципалитеты могут быть уполномочены решать специальные вопросы и заниматься другими делами местного значения. Такие обязанности определяются на основании величины, численности населения и финансовых возможностей населенного пункта. Например, городские органы самоуправления обязаны содержать пожарные команды, аварийные технические службы и предоставлять более широкий спектр социальных услуг по сравнению с селами [206, с. 71, 72].

В то же время, несмотря на либеральное законодательство, местное самоуправление не является доминирующим элементом национальной администрации. Взаимоотношения между органами местного самоуправления и центральной властью остаются противоречивыми. Основной причиной трений между центральной и местной властью является давление правительства на местные администрации, оказываемое с целью сужения сферы деятельности местных властей, особенно в экономическом секторе. Поскольку финансирование региональных программ в большинстве случаев осуществляется централизованным методом, такой способ давления часто оказывается довольно эффективным. Тем не менее, наличие сравнительно развитой системы местного самоуправления является важным атрибутом молодой венгерской демократии, а также условием для дальнейшего развития гражданского общества и его институтов.

Особое положение в стране занимают институты самоуправления национальных (этнических) меньшинств. Следует отметить, что Венгрия проводит последовательную политику в интересах соответствующих меньшинств, к каковым на официальном уровне относятся следующие 13 этносов: армяне, болгары, греки, немцы, поляки, румыны, русины, сербы, словаки, словенцы, украинцы, хорваты и цыгане [207]. Конституция и закон «О правах национальных и этнических меньшинств» являются основными правовыми механизмами проведения в Венгрии политики позитивной дискриминации. Данная политика предполагает, что граждане из числа представителей национальных меньшинств имеют право на равные с этническими венграми политические и культурные возможности. При этом правительство обязано обеспечить им реализацию данных возможностей посредством определенных мер и механизмов.

В рамках данной политики каждое национальное меньшинство имеет право на создание как в отдельно взятом населенном пункте, так и на республиканском уровне органов своего самоуправления, призванных обеспечить решение актуальных вопросов развития и культурную автономию соответствующих этнических групп. На соответствующих уровнях самоуправления национальных меньшинств взаимодействуют с государственными органами страны и муниципалитетами. Деятельность рассматриваемых органов осуществляется на основе бюджетного финансирования пропорционально их заявленной численности.

С 1999 года в Венгрии действуют 13 общенациональных самоуправлений. В число их основных задач входит определение дней праздников соответствующих этнических меньшинств на уровне всей страны, поддержка национальных театров, музеев, библиотек, издательств, научных и образовательных учреждений, оказание правовой помощи и т.д. При этом данные институты наделены правом выражать свое мнение по проектам законов и постановлений, затрагивающих интересы представляемых ими этносов, а также накладывать на них вето. Аналогичные права и полномочия имеют и органы самоуправления национальных меньшинств областного и местного уровней [208].

Примечательно, что выборы в органы самоуправления национальных меньшинств проводятся Всевенгерской избирательной комиссией. Данное обстоятельство вкупе с отмеченными выше полномочиями приближает их к полноценным институтам публичной власти. Выборы в рассматриваемые органы проводятся на косвенной основе посредством голосования выборщиков, представляющих определенные этноориентированные организации. Последние выборы самоуправлений национальных меньшинств были проведены в Венгрии 9 января 2011 года и ознаменовались следующими результатами [209]:

Таблица 4 - Результаты выборов в самоуправления национальных меньшинств Венгрии

Этносы	Количество мандатов	Организации, представленные в органах самоуправления
Армяне	21	1) Общество культуры армянского народа; 2) Киликийское культурное общество; 3) Общество друзей армянской культуры Эржебетвароша; 4) Венгерское армянское общество «Спюрк» 5) Культурное общество армян трансильванского происхождения
Болгары	21	Венгерское болгарское общество
Греки	21	1) Культурное общество греков; 2) Общество греческой молодежи
Немцы	37	Общество союза немецких самоуправлений Северной Венгрии
Поляки	21	1) Венгерское культурное общество поляков им. Юзефа Бема; 2) Венгерское общество польских католиков святого Адальберта
Румыны	25	1) Венгерское общество представительства интересов румын; 2) Культурный союз венгерских румын; 3) Будапештское румынское общество
Русины	25	1) Венгерский союз русинов; 2) «Солидарность русинского меньшинства»; 3) соединенное сообщество Общества солидарности для общей пользы русинского меньшинства, Русинского культурного общества и Русинского интеллектуального общества им. Антала Ходинки
Сербы	21	1) Сегедское местное сербское сообщество; 2) Общество «Сербский форум»
Словаки	29	1) Венгерский союз словацких организаций; 2) альянс Организации для общей пользы Венгерского словацкого союза, Общество словаков Пилиши и Организации словаков Южного Алфелда
Словенцы	15	Союз венгерских словенцев
Украинцы	21	1) Венгерское украинское общество; 2) Венгерское общество защиты украинских традиций «Киевская Русь»
Хорваты	29	Союз венгерских хорватов
Цыгане	53	1) «Лунго Дром»; 2) Форум венгерских цыган

В целом, рассматриваемая система национального самоуправления достаточно эффективной формой выражения и реализации интересов национальных (этнических) меньшинств Венгрии как на местном уровне, так и в масштабах всей страны. Не имея формальных властных полномочий, соответствующие институты в то же время играют важную роль в процессе принятия решений по вопросам, связанным с сохранением культурного наследия, образованием, массовой информацией и т.д. При этом государство оказывает серьезную поддержку процессу самоорганизации национальных меньшинств и деятельности представляющих их общественных организаций.

Модернизационные процессы в посткоммунистической Венгрии ознаменовались активным участием граждан в общественных преобразованиях, обсуждениях и решениях множества общественных проблем. В свою очередь, это привело к созданию большой сети общественных образований. Учитывая, что политические партии Венгрии сосредоточены на участии в процессе конкурентной борьбы за осуществление государственной власти и/или осуществление на нее определенного воздействия, основное бремя работы с гражданами со стороны негосударственного сектора выполняют неправительственные организации (НПО).

Венгрия, как и большинство других стран Центральной и Восточной Европы, признает относительно небольшое количество гибких в разумных пределах организационных форм НПО, что отражено в соответствующем законодательстве. Основными правовыми формами некоммерческих организаций являются:

1. Ассоциации, представляющие собой организации на основе членства, чьи члены или их избранные представители составляют высший руководящий орган организации. Они могут создаваться в целях служения общественному благу или взаимным интересам членов. Для создания объединения требуются десять учредителей. Причем таковыми могут быть иностранные граждане.

2. Фонды, являющиеся организациями, которые традиционно требуют наличия имущества, предназначенного для конкретной цели, и управляются бессменным советом директоров. В некоторых случаях они могут служить частным целям. Хотя главным предназначением фондов является служение общественному благу. Фонды могут учреждаться одним физическим или юридическим лицом.

3. Некоммерческое объединение. При данной форме юридического лица любая коммерческая структура, действующая на основе Кодекса о компаниях, может получить статус некоммерческой организации в случае занятия ею благотворительной деятельностью.

Ассоциации, фонды и другие неправительственные организации связаны «ограничением по нераспределению». Иными словами, им запрещено распределять и передавать прибыль или финансовые поступления как таковые каким-либо лицам. Это является общим свойством, отличающим некоммерческие организации от коммерческих компаний [210].

НПО, посвящающие свои цели и деятельность служению общественному благу, могут официально квалифицироваться как организация с «общественно-полезным статусом». В свою очередь, для этого они должны осуществлять свою деятельность в следующих сферах жизнедеятельности венгерского общества:

1. Любительский спорт;
 2. Гуманитарные науки;
 3. Защита и оказание помощи людям с физическими или умственными недостатками;
 4. Оказание помощи беженцам;
 5. Благотворительность;
 6. Гражданские права или права человека;
 7. Защита прав потребителей;
 8. Культура;
 9. Демократия;
 10. Экология или охрана окружающей среды;
 11. Образование, обучение и просвещение;
 12. Искоренение расовой, этнической, религиозной и любой другой запрещенной формы дискриминации;
 13. Искоренение бедности;
 14. Здоровье или физическое благосостояние;
 15. Охрана исторических памятников;
 16. Гуманитарная помощь и помощь при стихийных бедствиях;
 17. Медицинская помощь;
 18. Защита детей, молодежи и потерпевших граждан;
 19. Защита и уход за ранеными или охраняемыми животными;
 20. Облегчение государственных расходов;
 21. Религия;
 22. Наука;
 23. Социальное единство;
 24. Социальное или экономическое развитие;
 25. Социальное обеспечение;
 26. Любая прочая деятельность, способствующая общественному благу
- [210, с. 9, 10].

Некоммерческие организации, подающие заявку в уполномоченные государственные органы на получение статуса общественно-полезной организации, должны представить документы с указанием:

- 1) квалификационной общественно-полезной деятельности;
- 2) соответствия внутренним требованиям управления, включая гарантии против конфликта интересов и использования своего положения в корыстных целях;

3) соответствия требованиям в отношении деятельности (степень общественно-полезной деятельности) и ограничениям (коммерческая, политическая деятельность и т.д.).

НПО разрешается заниматься различными видами общественной деятельности, включая адвокатскую деятельность. В то же время им запрещено выдвигать своих кандидатов на политическую должность, а также участвовать в избирательных кампаниях и финансировать кандидатов или партии. В целом, законодательство устанавливает незначительные ограничения в отношении возможности НПО заниматься политической деятельностью. Более того, помимо запретов соответствующие нормы поддерживаются стимулирующими механизмами. В частности, определенным НПО государство предоставляет налоговые льготы при условии их отказа от выставления своих кандидатов на общенациональных выборах.

Ограничение НПО заниматься политической деятельности связано с государственной помощью. Венгерское законодательство разрешает фондам финансировать политические партии, если только эти фонды не получают государственные средства. Оно предоставляет такую же свободу другим формам НПО. Вместе с тем законодательство отказывается в предоставлении налоговых льгот всем соответствующим организациям, которые финансируют политические партии, не являющиеся независимыми от этих партий или выставляют кандидатов на национальных выборах [210, с. 29].

Таким образом, с одной стороны, соответствующее законодательство признает, что НПО являются ключевыми участниками в процессе выработки и обсуждения вопросов государственной политики. В связи с этим они, точно так же как и физические лица, должны иметь право свободно выражать свое мнение по всем вопросам государственной важности, включая действующие или предлагаемые законы, подзаконные акты, деятельность государственных органов и т.д. В том числе они могут критиковать или поддерживать государственных должностных лиц и кандидатов на политическую должность, а также осуществлять публикацию «позиционных меморандумов». В то же время НПО запрещено заниматься политической деятельностью, какую ведут политические партии.

Следует отметить, что среди других стран Центральной и Восточной Европы Венгрия считается лидером по законодательству, регулирующему деятельность НПО. Первые законы о деятельности ассоциаций и фондов были приняты здесь еще в 1987 году, обеспечив регулятивную базу для формирования, управления и деятельности этих организаций. В 1997 году Венгрия приняла Закон о благотворительных организациях. Таким образом, законодательно выделены организации, занимающиеся деятельностью, которая приносит благо общественности, и заложены основы налоговых и иных льгот для этих организаций [211].

Одной из особенностей Закона о благотворительных организациях является то, что он предусматривает два уровня благотворительности:

основной и выдающийся. Организация может получить статус «выдающейся благотворительной организации, если она выполняет обязанности государства или местных органов власти. Для этого, как правило, организация заключает контракт с соответствующим государственным органом. Несмотря на то, что лишь 6-8% венгерских НПО имеют этот статус, они представляют собой хороший пример партнерства между НПО и правительством в реализации социально значимых проектов. Кроме того, выдающиеся благотворительные организации получают большие налоговые льготы, нежели НПО, не имеющие этого статуса.

В Венгрии НПО могут заниматься предпринимательской или коммерческой деятельностью, определяемой как экономическая деятельность, целью или результатом которой является получение дохода или собственности. Вместе с тем следующие виды деятельности не считаются предпринимательской или коммерческой деятельностью:

1) благотворительная деятельность, а для организаций, не имеющих статус благотворительных - деятельность, соответствующая уставным целям;

2) получение доходов от продажи товаров и инвентаря для использования исключительно в благотворительных целях; а для организаций, не имеющих статус благотворительных - в уставных целях;

3) часть дохода, получаемая от кредитных институтов, издателя ценных бумаг или государственных облигаций, на основании соотношения доли дохода от благотворительной или уставной деятельности от всего дохода [211, с. 12].

Реформа системы налогового регулирования в отношении НПО привела к формированию благоприятных фискальных условий, которые финансово способствуют развитию неправительственного некоммерческого сектора и стимулируют филантропию. В середине 1990-х гг. было принято несколько актов, которые освободили все НПО от уплаты налога на доход, получаемый от экономической деятельности, которая сопряжена с миссией соответствующей организации. Например, все НПО, независимо от статуса, могут освобождаться от налога на доход, получаемого от коммерческой деятельности, если он не превышает 10% общего дохода или 10 млн. форинтов. Кроме того, организации, имеющие статус благотворительных, освобождаются от налога на доход от коммерческой деятельности, если он не превышает 10% общего дохода или 20 млн. форинтов. Наконец, НПО со статусом выдающейся благотворительности освобождаются от налога на доход от коммерческой деятельности, если он не превышает 15% от общего дохода [211, с. 19].

Помимо предоставления налоговых льгот государство оказывает прямую помощь НПО через учрежденный правительством в 2003 году Национальный гражданский фонд. Идея создания этой структуры была обусловлена необходимостью предоставления государственной поддержки помимо существующего процентного механизма для покрытия операционных затрат НПО. Таким образом, Национальный гражданский фонд дополняет механизм

выделения процентной части, поскольку правительство выделяет в его пользу сумму, равную той, что была выделена в пользу НПО с помощью процентного механизма. 60% средств Национального гражданского фонда предоставляются НПО для покрытия операционных затрат. Кроме того, средства из этого источника также идут на поддержку программ развития (исследований, образования, международного представительства). В первый год работы рассматриваемого фонда была выделена сумма в размере 28 млн. евро, которые были распределены между более 3500 организаций для покрытия их операционных расходов [211, с. 14].

Учреждение Национального гражданского фонда сопровождалось значительным энтузиазмом со стороны НПО. Тем не менее, в первые годы процесс распределения средств был сопряжен со многими сложностями, что вызвало беспокойство по поводу его эффективности. Такая ситуация сложилась из-за отсутствия тщательно продуманных правительством механизмов работы фонда. Это выявило, что, создавая концепцию Национального гражданского фонда, правительство не учло общей стратегии развития сектора. Даже специальные органы, призванные обеспечивать участие НПО в процессе принятия решений, вызвали противоречия в связи с конфликтом интересов.

В частности, функционирование Национального гражданского фонда было основано на слишком сложных и жестких требованиях к заявкам. Формы заявлений на получение финансирования были запутанными и неясными, и это привело к тому, что примерно 70 – 90% заявлений отклонялось. Министерство, осуществлявшее надзор за распределением средств, должно было вмешаться и разрешить более широко толковать строгие официальные требования, чтобы к рассмотрению допускалось большее количество заявок [211, с. 14]. В результате, решение о распределении средств было принято позже, чем предполагалось, и у НПО оставался лишь месяц, чтобы потратить средства, которые изначально были выделены на покрытие расходов за год и более. В то же время, требования по существу заявки были слишком широкими и недостаточно сосредоточенными на стратегии.

Таким образом, возникает вопрос, действительно ли создание Национального гражданского фонда содействовало реформам и институциональному укреплению НПО. В сентябре 2006 года Государственная аудиторская служба выявила, что Фонд также столкнулся с серьезными сложностями, связанными с обеспечением прозрачности и отчетности. В ходе реализации данного механизма стало ясно, что министр и Совет не выработали общей стратегии развития сектора, не определили показателей эффективности, и критерии предоставления поддержки остались неясными [211, с. 15].

Несмотря на значительный потенциал данного механизма в сфере предоставления финансирования, его воздействие на более долгосрочную общую финансовую устойчивость в значительной степени зависит от готовности правительства и Совета управляющих Фонда извлечь уроки из

сложного опыта первых лет и пересмотреть цели для того, чтобы повысить эффективность системы. Например, на втором году работы Совет успешно разработал более четкую и удобную для пользования систему подачи заявок, но не рассмотрел других вопросов, которые могли бы помочь Фонду в достижении поставленных целей, в частности, не определил критерии и типы проектов, которым необходимо оказывать поддержку.

Особое внимание государство уделяет вопросам конструктивного взаимодействия с НПО. За последние годы система связи и сотрудничества с НПО стала регламентирована для всех правительственных органов, как по горизонтали, так и по вертикали. Это началось с учреждения специальных подразделений по оказанию поддержки НПО в отраслевых министерствах. В некоторых министерствах (например, в Министерстве труда и социального развития) также были созданы специальные советы и рабочие группы (с участием НПО) для консультирования министерств по профессиональным вопросам и проблемам разработки стратегии. В настоящее время существует также ряд служб, занимающихся развитием сотрудничества между правительством и НПО.

Сначала, в 1998 году был учрежден Департамент гражданских отношений при Офисе премьер-министра, который ныне перешел в компетенцию министерства труда и социального развития. Департамент был учрежден на основании постановления правительства без участия гражданских организаций. Тем не менее, его первым руководителем стал представитель сектора НПО и, таким образом, с самого начала, сотрудники Департамента понимали нужды и проблемы НПО и реагировали надлежащим образом. Департамент отвечает за инициирование законов, касающихся развития третьего сектора и содействие диалогу с НПО. Он отвечал за подготовку стратегий правительства в отношении гражданского общества. Департамент также предоставляет информацию о средствах, которые может выделить Европейский союз [211, с. 21].

Позже специальное подразделение было учреждено в Министерстве местного управления и регионального развития, при котором также действует Агентство национального развития (отвечающее за реализацию планов Европейского союза и программ структурного фонда).

Новое подразделение называется Департамент социального диалога и отвечает за координацию участия НПО и других социальных партнеров в развитии, реализации и мониторинге законодательных инструментов Европейского союза в Венгрии.

В целом, в настоящее время практически в каждом министерстве имеется специальная служба или лицо, ответственное за связи с общественными организациями. По мере того, как министерства развивают более интенсивные отношения с НПО, они разрабатывают свои внутренние правила и системы поддержки и привлечения НПО к процессу принятия решений.

Отдельно нужно отметить взаимодействие между НПО и Национальным собранием. Парламентский комитет поддержки гражданских организаций существовал в Венгрии в течение 1990-2006 гг. Он выделял из бюджета субсидии национальным ассоциациям, а также занимался разработкой законодательства в отношении неправительственного сектора.

В 2006 году произошло слияние данного комитета с Комитетом по правам человека, религии и делам национальных меньшинств. Помимо этого осуществляет свою деятельность гражданская служба Национального собрания, которая выполняет информационные функции. Она, например, поддерживает базу данных НПО и, используя ее, рассылает законодательную повестку парламента заинтересованным организациям, отвечает на запросы НПО, координирует и организует участие НПО в различных заседаниях и т.д. [211, с. 22].

Еще одним направлением взаимодействия между НПО и государством является участие первых из них в процессе выработки политики и принятия решений. Причем это предусматривает, помимо прочего, возможность и право НПО получать доступ к информации о процессе выработки политических решений или разработки закона, выступать в качестве консультантов по рассматриваемым вопросам, принимать активное участие в определении процесса, политики или рассматриваемого закона и т.д.

Нужно отметить, что в Венгрии вопрос участия НПО в процессах разработки политики и принятия решений является сложным, поскольку правительство не всегда открыто для такого привлечения НПО. Тем не менее, основные принципы, позволяющие НПО участвовать в значимых процессах, закреплены в Конституции.

При этом не существует единого законодательного акта, детально описывающего, как НПО могут участвовать в процессах разработки политики и принятия решений. Этот вопрос регламентируется различными законами и подзаконными актами на национальном и местном уровнях.

В Конституции Венгерской Республики и различных законодательных актах содержатся соответствующие положения, которые широко определяют основания для участия НПО в первую очередь в правительственном процессе выработки политики и подготовки законов. В 2005 году Венгрия сделала значительный шаг на пути укрепления института общественного участия в процессе принятия решений, когда Парламент принял Закон о свободе электронной информации, который является самым важным законодательным актом в отношении доступа к информации и проведения консультаций. Данный закон обязывает национальные и местные органы власти публиковать в сети материалы, представляющие интерес для общественности.

Таковыми материалами являются не только проекты законов, но также концепции и другие подготовительные материалы.

Закон определяет сроки, методы и процедуру опубликования такой информации и комментариев к ней для обеспечения обратной связи с

общественностью. Кроме того, существуют некоторые другие механизмы, зависящие от правил, применяемых на уровне министерств, например, различными советами (по делам престарелых, молодежи, по социальным вопросам и т.д.), которые следуют своим собственным процедурам обеспечения участия НПО в соответствующих процессах.

Существуют также механизмы обеспечения участия НПО в процессе принятия решений на парламентском уровне. Гражданская служба Национального собрания поддерживает «лоббистский список» НПО, которые вносятся в этот список, информируются и вовлекаются в работу парламента. В 2006 году в Венгрии был принят Закон о лоббировании, который вызвал некоторые противоречия.

В целом закон не касается НПО, но постановляет, что только юридические лица, официально зарегистрированные на основании данного закона, могут заниматься лоббистской деятельностью. Таким образом, теоретически, при ограничительном толковании закона, на сегодняшний день НПО в Венгрии не имеют права заниматься лоббистской деятельностью. Тем не менее, на практике ситуация складывается по-другому, и НПО могут напрямую обращаться к государственным служащим и членам парламента по вопросам, касающимся правовой реформы [211, с. 28, 29].

Вывод. В процессе посткоммунистического развития Венгрии расширению основ и механизмов для системной модернизации страны наиболее всего способствовало становление гражданского общества и его институтов. Сеть добровольных общественных образований, ориентированных на решение различных общественно значимых проблем и вопросов, демонстрирует большую гибкость, оперативность, установление социальных связей, нежели политические партии.

В связи с этим в стране сложилась и продолжает развиваться явная тенденция к расширению сотрудничества между государством и институтами гражданского общества, прежде всего НПО, включая увеличение количества имеющихся форм и механизмов этого сотрудничества.

При этом, независимо от сменяемости правительства, его идейно-политической ориентации и приоритетов в его деятельности, ключевые механизмы сотрудничества между государством и институтами гражданского общества продолжают функционировать.

Очевидно, что для правящих коалиций важно заручиться поддержкой НПО на парламентских и местных выборах. К тому же, учитывая частые сокращения государственного финансирования таких сфер общественной жизнедеятельности, как социальное обеспечение, здравоохранение, культура и образование, следует ожидать, что поле деятельности некоммерческих неправительственных организаций будет периодически расширяться.

3.3 Оценки процесса модернизации и дальнейшие перспективы социально-политического развития Венгрии

Процесс модернизации общества и его политической системы в Венгрии в течение 1990-2013 гг. нельзя оценивать однозначно. Он имеет свои плюсы и минусы, подъемы и отступления.

Первоначально начатая по инициативе «сверху» сменяющимися друг друга у руководства лидерами правящей Венгерской социалистической рабочей партии (Я. Кадар, К. Грос) модернизация впоследствии стала действительно общенациональным процессом.

В ее рамках соответствующие идеи и инициативы различных политических сил страны могут быть реализованы при поддержке и участии широкой общественности. Особенно это происходит в процессе проведения парламентских выборов, в ходе которых граждане в своем большинстве вручают своего рода мандат доверия определенным политическим партиям или межпартийным коалициям.

Важным достижением политической модернизации Венгрии является, в частности, то, что в стране сформировался неоднократно апробированный и оправдавший себя политический механизм смены власти.

Причем в этом заключается большая заслуга реформаторов конца 1980-х гг. из руководящего состава ВСРП, которые начали процесс реформ еще до смены политической системы.

В результате действующая политическая система Венгрии, основанная на сбалансированности ветвей власти, представляется довольно устойчивой. Особо нужно также подчеркнуть конструктивный и цивилизованный в целом, за редкими исключениями (например, массовые беспорядки 2006 года в Будапеште), характер деятельности политической оппозиции.

Отдельный момент из посткоммунистического развития Венгрии связан с фактическим чередованием у власти в стране правых и левых сил. Причем когда еще в 1990-х гг. на выборах в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в том числе и в Венгрии, победили социалисты, в мировой прессе стали говорить о «левом повороте» в ходе системной трансформации [187, с. 90].

Однако приведенный в предыдущих разделах настоящего диссертационного исследования анализ деятельности правительства под руководством «обновленных» социалистов из Венгерской социалистической партии показывает, что стратегию и тактику соответствующих составов правительства трудно назвать социалистическими или социал-демократическими в традиционном понимании.

В частности, правительства с участием ВСП реализовали ряд мер, направленных на создание и развитие рыночной экономики, укрепление института частной собственности, проведение приватизация, образование слоя предпринимателей, сужение сферы социальной защиты населения, переориентацию внешних связей Венгрии на Запад, включая интеграцию в

страны евроатлантические структуры – НАТО и Евросоюз. При этом каких-либо действий, ориентированных, к примеру, на усилении регулирующей роли государства в экономике и обществе в целом со стороны социалистов не наблюдалось.

В связи с этим «левый поворот» проявляется главным образом в изменениях настроений широких слоев населения Венгрии, которые, разочаровавшись в политике правых и правоцентристских правящих коалиций, шли голосовать за левоцентристские силы.

Однако точно также можно говорить и о «правом повороте», который последний раз имел место в 2010 году на очередных парламентских выборах. Хотя, по большому счету, при всех критических моментах в деятельности того или иного состава правительства для будущего Венгрии и ее демократической системы гораздо важнее не то, кто находится и будет находится у власти в определенный момент времени, а чтобы независимо от этого сама демократическая система продолжала функционировать без системных сбоев.

Оценивая партийную систему Венгрии, нужно отметить, что в ее рамках четко сформировались и практически закрепились два противостоящих друг другу идейно-политических направления: социально-либеральное и национально-консервативное.

В определенной степени этому способствовала специфика избирательного процесса, стимулирующая разные политические партии блокироваться сначала в ходе избирательной кампании, а затем, в зависимости от ее результатов, в рамках либо правящей коалиции, либо оппозиции. При всем этом в Венгрии сложились современные особенности национальной политической борьбы.

Вместе с тем для максимального представления относительно уровня и характера демократизации венгерского общества и государства, достигнутых в процессе посткоммунистического развития, представляется интересным рассмотреть венгерскую модель демократии на предмет ее соответствия двум моделям, предложенным американским политологом А. Лейпхартом.

В данном случае речь идет о мажоритарной (вестминстерской) и консенсусной моделях демократии. В основе первой из них лежит сосредоточение власти в руках «партии большинства».

Тогда как вторую модель ученый ассоциирует «...с многопартийными системами, коалиционными правительствами (часто вплоть до широких и всеобъемлющих коалиций) и с более уравненным соотношением исполнительной и законодательной властей» [212].

Более детально основные параметры, характеризующие каждую из этих моделей демократии, представлены в нижеследующей таблице:

Таблица 5 - Основные параметры мажоритарной (вестминстерской) и консенсусной моделей демократии

Параметры демократии	Модель демократии	
	Мажоритарная (вестминстерская)	Консенсусная
Конституция	Неписаная Конституция, парламентская суверенность	Писаная Конституция, вето меньшинства
Исполнительная власть (правительство)	Единая (однопартийное правительство большинства)	Разделенная (большая коалиция)
Разделение законодательной и исполнительной властей	Смешанный тип	Разделенный
Законодательная структура	Однопалатная (или несимметричная двухпалатная)	Двухпалатная (или представительство меньшинства)
Государственная структура	Единообразная и централизованная	Федеральная или децентрализованная
Характер представительства	Исключая представительную демократию	Элементы непосредственной демократии
Избирательная система	Система простого большинства	Пропорциональная
Партийная система	Двухпартийная система	Многopартийная система
Оцениваемые группы (группы давления)	Плюрализм, конкурирующие группы	Корпоративные
Контроль соответствия с конституцией	Существует	Не существует
Центральный банк	Подчиняется правительству	Независимый

С учетом всего этого модель демократии в Венгрии выглядит следующим образом:

1. *Конституция.* В данном случае главный вопрос заключается в том, какая Конституция действует в соответствующем государстве: историческая или писаная, а также каким должен быть размер большинства, требуемый для изменения Конституции. Модель мажоритарной (вестминстерской) демократии характеризуется исторической конституцией. Тогда как консенсусную демократию отличает писаная конституция, которую может изменить определенное большинство. Венгрия с этой точки зрения относится к последней модели демократии.

2. *Исполнительная власть (правительство).* Здесь главным является ответ на вопрос, как глубоко политически объединено или разделено правительство. Точнее говоря, как оно было сформировано - одной партией или коалицией основных политических партий. Первая особенность типична для мажоритарной (вестминстерской) модели, а вторая - для консенсусных демократий. Вместе с тем в Венгрии пока не создана большая коалиция, состоящая из нескольких главных политических партий, как это принято в

модели консенсусной демократии. В результате коалиционное правительство является обычным, независимо от того, имела ли самая большая парламентская партия, формирующая это правительство, относительное или абсолютное большинство в парламенте.

3. *Разделение законодательной и исполнительной властей.* В данном случае рассматривается вопрос о разделении власти между правительством и парламентом, является ли это разделение формальным или неформальным, а также управляет ли правительство парламентом. Первая особенность типична для консенсусной демократии, а вторая - для мажоритарной (вестминстерской) модели.

Что касается Венгрии, то соответствующая ситуация здесь выглядит неоднозначно. С одной стороны, власть правительства и власть возглавляющего его премьер-министра подкреплена специальными конституционными правовыми институтами. Это, например, юридически установленный вотум недоверия, ограниченность парламентской ответственности отдельных министров и т.д. С другой стороны, позиция парламента усиливается относительно правительства тем фактом, что глава правительства не может инициировать роспуск парламента. Таким образом, с точки зрения конституционных отношений исполнительной и законодательной ветвей власти Венгрия стоит между двумя рассматриваемыми моделями демократии.

4. *Законодательной структура.* Мажоритарная (вестминстерская) модель характеризуется однопалатной или несимметричной законодательной системой. Консенсусная же модель отличается сбалансированной двухпалатной законодательной структурой. Венгерская законодательная структура имеет одну палату, демонстрируя тем самым признаки мажоритарной (вестминстерской) демократии.

5. *Государственная структура.* При мажоритарной (вестминстерской) демократии типичная государственная структура является унитарной, единой и централизованной. В то время как консенсусная модель отличается федерализмом и децентрализацией. Венгерская государственная структура является унитарной, но вместе с тем и довольно децентрализованной. Тем не менее она более тяготеет к первой из этих моделей демократии.

6. *Характер представительства.* Хотя мажоритарная (вестминстерская) модель демократии основывается на исключительном праве представительного правления, при консенсусной модели институты прямой демократии (в частности, референдум) также играют важную роль. В Венгрии верховная власть парламента ограничивается не только Конституцией, но и правовыми институтами прямой демократии, о чем свидетельствует практика проведения референдумов в 2003 и 2008 гг.

7. *Избирательная система.* Мажоритарная (вестминстерская) модель характеризуется мажоритарной избирательной системой, а консенсусная - пропорциональной избирательной системой. Венгерская избирательная

система представляет собой смешанный тип. Соответственно этому параметру Венгрия находится где-то посередине между мажоритарной и консенсусной моделями демократии.

8. *Партийная система.* Венгерская партийная система не похожа на двухпартийную систему, типичную для мажоритарной (вестминстерской) демократии. В то же время она ближе к многопартийной системе, характерной для консенсусной модели демократии.

Следует отметить, что с середины 1990-х годов партийная система Венгрии начала постепенно меняться. В частности, фрагментарность участников партийного спектра стала уменьшаться. Сама же партийная система стала более концентрированной. При этом на текущий момент появились два основных и соперничающих друг с другом политических блока. В связи с этим можно сказать, что если прежде она была ближе к консенсусной демократии, то в настоящее время ориентируется больше на мажоритарную (вестминстерскую) модель.

9. *Группы давления.* Хотя существующий в Венгрии порядок согласования интересов несет определенные корпоративные признаки консенсусной демократии, группы давления не смогли стать здесь серьезной политической силой. В стране не возникли элементы многочисленных, свободно конкурирующих деловых организаций, свойственные модели мажоритарной (вестминстерской) демократии. На текущий момент времени вес деловых кругов, представленных в политической системе, значительно сократился. Во всяком случае, по сравнению с их ролью в рамках правительства П. Медьеши.

10. *Конституционный контроль.* В мажоритарной (вестминстерской) модели конституционный контроль полностью отсутствует. Тогда как при консенсусной демократии он представлен в соответствии с конституционными правовыми нормами. Венгрия в этом отношении относится к последней модели в связи с наличием и функционированием Конституционного суда. Вместе с тем конституционные ограничения деятельности последнего демонстрируют тенденцию отхода в сторону мажоритарной (вестминстерской) демократии.

11. *Центральный банк.* В мажоритарной (вестминстерской) модели центральный банк управляется правительством. При консенсусной же демократии он представляет собой автономный институт, который независимо развивает свою денежно-кредитную политику, включая определение процентных ставок, курсов валют и т.д. С принятием в 2011 году новой Конституции Венгрии Центральный банк Венгрии максимально контролируется правительством. Так что по данному параметру страна относится к первой модели демократии.

В целом, сравнение с учетом изложенных выше моментов состояния политической системы Венгрии в 1990-х и 2000-х гг. демонстрирует, что за соответствующий период произошло заметное ее продвижение от консенсусной к мажоритарной (вестминстерской) модели демократии. В пользу этого свидетельствуют:

1) переход партийно-политического спектра страны из состояния крайнего плюрализма в умеренный, а также его ориентация в сторону возможного формирования двухпартийной системы;

2) фактическое отсутствие жестких рамок между парламентом и правительством в связи с преобладанием в обоих институтах власти представителей правящей коалиции;

3) недостаточное использование обществом референдума как механизма непосредственного участия в государственном управлении;

4) ограничение полномочий Конституционного суда;

5) подчиненная роль Центрального банка по отношению к правительству.

Таким образом, с помощью мажоритарной (вестминстерской) и консенсусной моделей можно определить тот факт, что характер венгерской демократии за годы посткоммунистического развития страны претерпел значительные изменения.

Отдельно нужно отметить, что ряд общественных деятелей, представителей интеллигенции и экспертного сообщества Венгрии довольно скептически и критически относятся к последствиям и результатам модернизации страны. В частности, в сентябре 2007 года бывшие участники Лакителекского собрания, которому исполнилось 20 лет, отмечали, что повода для торжества не имеется. При этом один из них, представитель старшего поколения венгерских политиков-реформаторов И. Пожгаи заявил о том, что, если в 1987-1990 гг. Венгрия переживала такой же подъем революционного напряжения, как в 1956 году, то позже она испытала невиданное до сих пор падение. «Положение не только не изменилось, оно стало хуже, чем двадцать лет назад... после смены системы Венгрия потерпела стратегическое поражение» [184, с. 39].

Один из ведущих венгерских историков Т. Крауш критикует представителей современной политической элиты своей страны, равно как и других посткоммунистических стран, за «научное самовозвеличивание», которое способствует деисторизации. Он также считает, что произошедшая в 1980-1990 гг. смена общественного строя «произрастала из тенденции превращения восточноевропейских государств в полупериферийные структуры мировой экономической системы». Ученый, наконец, убежден в том, что новая система социальных и политических институтов была призвана легитимировать частнособственническое присвоение государственной собственности. В связи с этим он убежден в том, что «...нельзя говорить о реинкарнации западноевропейской буржуазной демократии в нашем регионе как это принято ныне во всей Восточной Европе [47, с. 70, 73].

Политолог и юрист П. Тёльдеш в своей статье «Перегруженная демократия» акцентирует внимание на следующих ключевых проблемах и противоречиях «молодой демократии» Венгрии:

1. Низкий уровень дееспособности правительства вследствие узости его законодательных полномочий при слишком большом количестве законов,

которые оно должно исполнять, подверженности влиянию «отдельных групп интересов», требующих от правительства принятия выгодных для себя решений, и рисков злоупотребления властью в связи с контролем большого по объему государственного имущества и практики значительных перераспределений бюджета [53, с. 127, 128].

2. Низкий уровень парламентского контроля за правительства вследствие контроля самого правительства за законодательной деятельностью парламента посредством «дисциплинированных фракций» партий правящей коалиции, определенных ограничений внутреннего регламента в отношении парламентской оппозиции и непонимания избирателей и СМИ относительно действия механизмов парламентаризма. В связи с этим Национальное собрание, по мнению ученого, представляет собой не более чем своего рода сцену «для преувеличенных заявлений и скандалов по текущим вопросам внутренней политики» [53, с. 129].

3. Частые изменения Конституции страны, которые осуществляются бессистемно, конъюнктурно и порционно. В результате Основной закон Венгрии «становится непоследовательным и, в техническом смысле, халтурным документом», а формулировки ряда его положений «несут на себе отпечаток нестабильного политического равновесия конкретной эпохи» [53, с. 133].

4. Неэффективность системы местного самоуправления, которую Тельдеш характеризует как «самое слабое звено в системе правового устройства венгерских институтов» [53, с. 134]. Такую свою оценку он объясняет, следующими основными факторами:

а) наличие большого объема централизованного государственного финансирования органов самоуправления из-за неспособности местных сообществ взять на себя соответствующие расходы и контроль за ними;

б) патерналистские настроения среди большей части граждан страны, ожидающих заботу со стороны государства в лице правительства, а не органов самоуправления;

в) отсутствие у правительства прямых инструментов воздействия на местные власти в случаях реализации ими довольно затратных проектов без учета возможностей государственного бюджета.

5. Общее, по мнению ученого, негативное отношение к политике вследствие беспрерывных скандалов, хаотической полемики, «войны в СМИ» и других проявлений конфликта между различными политическими группировками и их представителями. Все это привело к разочарованию и недоверию в венгерском обществе к ведущим политическим акторам в целом. Особенно негативные отношения к политикам стали питать представители интеллигенции, с которыми первые, опираясь на избирателей, фактически перестали считаться [53, с. 144].

6. Распространение практики манипулирования обществом различными политическими силами посредством популизма. При этом данную практику

Тельдеши связывает с личностью и деятельностью лидера ФИДЕС В. Орбана во главе правительства и в оппозиции.

7. Укрепление «феодальной демократии», в рамках которой победившие на выборах политические силы «переписывают конституционные правила и, формируя государственный аппарат под свои интересы, пытаются стать несменяемыми» [53, с. 156].

Таким образом, Тельдеши рассуждает о проблемах модернизационного развития Венгрии, связанных как с различными недостатками в деятельности ключевых институтов публичной власти, так и с настроениями в обществе, которые фактически способствуют проявлению соответствующих недостатков на официальном уровне.

Последний из этих двух факторов представляется ключевым. Так, по оценкам ученого, «В венгерском варианте перехода к демократии активное участие принимали совсем немногие. По сравнению с другими центрально-европейскими странами у нас не было миллионных массовых выступлений» [53, с. 130]. Судя по всему, такая оценка отражает не только пассивное и безучастное отношение значительной части граждан Венгрии к социально-политическим процессам, но и определенный кризис легитимности венгерской модели демократии.

Оптимальным вариантом политического устройства Венгрии Тельдеши считает предложенную А. Лейпхартом консенсусную демократию. Однако он вынужден констатировать невозможность ее построения в обозримом будущем вследствие отсутствия между ведущими политическими силами страны базового консенсуса и причин их стремления к его восстановлению, а также благоприятствующих данной модели демократии общественных условий. Исходя из всего этого, ученый приходит к выводу о том, что единственным серьезным фактором, на котором держится демократическое устройство Венгрии, является сохраняющаяся возможность смены правительства на основе волеизъявления избирателей [53, с. 170].

Председатель комитета по исследованию проблем демократии при Новой школе социальных исследований (Нью-Йорк, США), профессор А. Арато, исследуя реализацию в посткоммунистической Венгрии концепции гражданского общества, приходит к мнению о том, что в ходе борьбы за власть в процессе современных, в том числе и «бархатных», революциях и в послереволюционных переходных процессах центральные позиции в политической жизни страны занимают политические элиты. При этом последние, по мнению ученого, становятся настроены враждебно по отношению к «самоорганизации снизу» и делают все, чтобы «гражданское общество было демобилизовано» [213].

Из этого следует, что венгерские элиты, которые попеременно приходят к власти и борются за нее между собой, фактически пытаются монополизировать политический процесс и воспрепятствовать любому не зависящему от них участию в нем со стороны гражданского общества и его институтов. В связи с

этим возражение и критика относительно того, что «концепция гражданского общества до сих пор представляет важный политический ориентир», по оценкам Арато, звучат не со стороны приверженцев авторитарного правления или людей, ностальгирующих по эпохе «реального социализма», а «исходят от прежних союзников, некогда объединенных под знаменем освобождения гражданского общества» [213, с. 52].

Главными оппонентами гражданского общества в Венгрии профессор называет политические партии, явно пытающиеся монополизировать «организационную жизнь», и правительство, «вновь проявляющее авторитарные и централистские тенденции» [213, с. 55]. В тоже время ответственность за такое отношение элит к гражданскому обществу он возлагает и на него самого. Арато считает, что те независимые группы и организации, которые образовались и активизировались в конце 1980-х гг., упустили возможность стать центральным звеном процессов политической демократизации и создания подлинной рыночной экономики. «Если бы они объединились для формирования первого переходного правительства, Венгрия была бы сегодня страной с более благоприятной обстановкой, безусловно с более сильным правительством, с менее расколотой культурой, страной, дальше продвинувшейся на пути к рыночной экономике, и, возможно, страной с менее угрожаемым гражданским обществом [213, с. 54].

Очевидно, что приведенные выше мысли и оценки представителей политической и интеллектуальной элиты являются отражением аналогичных настроений в обществе. По мнению группы социологов, «Оглядываясь сегодня назад, легко спрашивать, почему простой человек должен быть счастлив, оптимистичен и удовлетворен вступлением в, возможно, наиболее жесткий период своей жизни, вынужденный адаптироваться ко множеству новых, неожиданных обстоятельств. Конечно, новые условия означали новые возможности и одновременно опасности. Обществоведы (социологи, экономисты, юристы), однако, верили, что коммунистическая система накопила так много проблем (неэффективное производство, концентрация политической власти, злоупотребление законами, взятки, именуемые "благодарностью" и т.п.), что конец этой системы и появление новой должны привести к позитивным последствиям и для простого человека. Сейчас мы уже знаем, что трансформация влияет на разные крупные социальные группы по-разному на разных уровнях и в разных сферах жизни. Ее интерпретируют по-разному в применении к этим группам. Более того, понятно, что перед лицом спада производства, крупной безработицы, все более заметного роста неравенств простой человек быстро делался обескураженным и разочарованным, но стоит изучить возможные типичные механизмы формирования оценок перемен системы и их влияния на защищенность индивидов» [214].

Исследователи также уверены в том, что крах в 1990 году коммунистической системы вывел Венгрию на путь нового «эксперимента». В

качестве такового они называют модернизацию на основе рыночной экономики, преобладания частной собственности на средства производства и многопартийной парламентской демократии. За этот эксперимент Венгрия заплатила довольно высокую цену.

Вместе с тем социологи считают, что венгерское общество уже завершило переходный период. Это обстоятельство они обосновывают тем, что, во-первых, страна прошла в 1998 году через третьи свободные выборы. Во-вторых, институциональные рамки смешанной экономики и ее структура собственности установлены, и сама экономика растет. Ожидая на тот момент времени вступления Венгрии в Евросоюз, ученые подчеркнули, что этот процесс будет основным вызовом для страны в ближайшие годы. В связи с этим внешняя адаптация прошедшего десятилетия, по их мнению, сменится длительной внутренней адаптацией [214, с. 57].

С учетом изложенных выше оценок относительно модернизационных процессов и их промежуточных, по состоянию на текущий момент времени, результатов можно предположить следующие вероятные сценарии дальнейшего политического развития Венгрии в краткосрочной перспективе.

Сценарий № 1. Усиление авторитарных тенденций и формирование на этой основе имитационной (управляемой) демократии с элементами режима личной власти.

В пользу данного сценария свидетельствуют действия, осуществляемые правоцентристским правительством В. Орбана вопреки мнению широкой общественности и стандартам Европейского Союза. Во многом этому явно способствуют патерналистские и подогреваемые властями националистические и проклерикальные настроения среди населения, а также усталость последнего от всевозможных социальных катаклизмов и потрясений прошлых лет

Одним из первых шагов в данном направлении стало принятие в 2011 году новой Конституции Венгрии. Впоследствии, опираясь на свое парламентское большинство, власти инициировали серию новых поправок в Основной закон страны. Наиболее резонансными из них стали внесенные 12 марта 2013 года. Они, в частности, предусматривают:

а) сокращение полномочий Конституционного суда со сведением их к оценке только самой процедуры внесения новых изменений в Конституцию без учета их содержания;

б) введение запрета на размещение в ходе предвыборных кампаний политической рекламы в негосударственных СМИ;

в) выплату стипендий только тем студентам, которые возьмут на себя обязательство по окончании университета продолжительное время работать в стране;

г) введение наказания в виде штрафа или тюремного заключения для бродяг и бездомных людей [215].

Данные нововведения встретили серьезный протест внутри страны, а также со стороны ЕС и США. Оппозиция, объявившая конституционные

поправки подрывающими основы демократии, провела против них 17 марта в Будапеште демонстрацию с участием от 3 до 4 тыс. человек [216]. Ранее генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд выражал обеспокоенность в связи с возможным принятием соответствующих поправок без их предварительной оценки экспертами Венецианской комиссии [217].

Известная американская правозащитная организация «Фридом Хаус» в своем докладе «Страны переходного периода 2013: Авторитарная агрессия и давление режима строгой экономии», представленном в июне 2013 года, отметила в отношении Венгрии снижение рейтинговых показателей по категориям «Гражданское общество» и «Местное демократическое управление» на 7 и 2 балла соответственно. Как следует из данного доклада: «Ухудшение рейтинга Венгрии в категории «Гражданское общество» стало еще одним доказательством тому, что государственное финансирование используется для поддержки гражданских групп, связанных с властью идеологически или личными отношениями... Под руководством премьер-министра Виктора Орбана консервативная партия Фидес использовала свое квалификационное большинство в парламенте для усиления политического контроля над основными учреждениями, прежде всего надзорными органами судебной системы и медиа. Также была принята новая конституция, которая включает политику по культуре, религии, нравственности и экономике, в том числе таким вопросам, как государственный долг и пенсии, в категорию «кардинальных законов», для принятия которых требуется большинство в две трети голосов. Фактически из-за этих нововведений любому будущему правительству будет чрезвычайно сложно изменить структуры и принципы, основанные партией Фидес. Тем временем правящая партия продолжила на свое усмотрение изменять конституцию в соответствии со своими краткосрочными нуждами. Так как показатели Венгрии в категориях «Гражданское общество» и «Местное демократическое управление» в 2012 г. ухудшились, общий рейтинг демократии приближается к барьеру между стабильными демократиями и «частично стабильными» [218].

Проявление рассматриваемых тенденций сопровождается централизацией власти и ее концентрацией в руках премьера Орбана. В связи с этим оппоненты возглавляемого им правительства и зарубежные наблюдатели отмечают угрозу установления в Венгрии авторитарной диктатуры. Так, по оценкам корреспондента французского издания «L'Express» А. Жильдена, Орбан «...проводит политику, которая заключается в блокировке одного противовеса за другим: СМИ, правосудия, центрального банка и т.д. Его цели довольно амбициозны: упрочить свой режим, сделать смену власти практически невозможной, а главное – войти в Историю как великий политический деятель, коренным образом определивший судьбу своей страны» [219].

Придерживающихся левых убеждений венгерский политолог Д. Важони утверждает о том, что «Господствующий класс сегодняшней Венгрии начал устанавливать новую, более эффективную систему угнетения, которая

ощущалась уже полтора года назад и будет продолжаться в последующие год» [220]. Движение к «переходу от демократии к диктатуре» он, в частности, видит в расстановке правительством на ключевые посты в такие органы, как налоговая служба, управление акциями, охрана конституции и аппарат юстиции, своих людей, причем с бессменным пребыванием на соответствующих должностях вплоть до 2020 года. Политолог также отмечает такие экономические контуры «диктатуры», как создание новых форм массового труда, увеличение частного потребления и огосударствление собственности. Особая ставка правительства делается на католическую церковь, под контроль которой постепенно передается система среднего образования.

Серьезной реакцией со стороны Европейского Союза на все эти неоднозначные процессы в Венгрии стало принятие 3 июля 2013 года Европарламентом резолюции. В ней предлагается взять «под особое наблюдение деятельность правоконсервативного правительства Виктора Орбана» и создать комиссию, призванную «следить за соблюдением так называемых Копенгагенских критериев демократии и вмешиваться в случаях их нарушения». Депутаты Европарламента также высказались за возможное применение в отношении Венгрии статьи 7 Договора ЕС в случае, если структуры ЕС зафиксируют нарушения демократических стандартов властями данной страны. Речь идет о возможном введении определенных санкций, включая лишение права голоса в Совете министров ЕС [221].

В свою очередь В. Орбан обвинил ЕС во вмешательстве во внутренние дела Венгрии и покушении на суверенитет страны в «советском стиле». Как следует из его заявления: «Мы не хотим жить в Европейской империи, центр которой находится в Брюсселе и где они нам указывают, что делать на перифериях» [222]. Тем самым венгерские власти фактически демонстрируют готовность пойти на определенную изоляцию своей страны на международной арене, если это будет отвечать их интересам. В аналогичном духе они осуществили беспрецедентный шаг в отношении Международного валютного фонда (МВФ), потребовав закрытия его представительства в Будапеште. Формальным основанием для соответствующего обращения Национального банка Венгрии к МВФ послужили истечение сроков кредитного соглашения страны с фондом и пребывания в Венгрии главы представительства МВФ Ирины Иващенко [223]. Хотя, скорее всего, такое решение носит политически мотивированный характер в связи с частой взаимной критикой между венгерским правительством и МВФ.

Учитывая приведенные выше критические тенденции в экономике и социальной сфере Венгрии после ее вступления в ЕС и их отражение на социальном самочувствии значительной части населения страны, не исключено, что число потенциальных сторонников соответствующих мер В. Орбана и руководимого им правительства, осуществляемых под лозунгами защиты национальных интересов Венгрии, будет расширяться. К тому же в его

пользу может сыграть память сограждан о позитивных результатах его премьерства в 1998-2002 гг. на фоне провалов последующих кабинетов социалистов и их союзников.

Опираясь на все это, с одной стороны, и имея большие возможности для контроля над избирательным процессом и воздействия на оппозицию, с другой стороны, правительство Орбана вполне может на очередных парламентских выборах, которые пройдут в 2014 году, обеспечить победу ФИДЕС и, следовательно, сохранить свою власть на новый срок. В таком случае следует ожидать, что политика продвижения национально-консервативных ценностей и авторитарных тенденций в Венгрии продолжится с постепенным формированием режима правления с элементами личной власти В. Орбана.

Сценарий № 2. Вынужденное балансирование правительства В. Орбана между укреплением своих позиций и воздействием со стороны Европейского Союза.

Участие Венгрии в ЕС является важным фактором, который находит свое влияние и во внутренней политике страны. Учитывая не только политические, но и экономические механизмы взаимодействия между Венгрией и ЕС, совсем игнорировать мнение последнего по тем или иным вопросам национального развития венгерские власти не могут.

Одним из подтверждающих это обстоятельство фактов стало внесение Национальным собранием Венгрии в марте 2011 года под воздействием ЕС поправок в закон о средствах массовой информации, принятый в декабре 2010 года. Следует отметить, что данный закон ориентирован на довольно жесткий контроль государства над прессой. Им были, в частности, введены меры, предусматривающие ответственность СМИ и отдельных журналистов за «несбалансированное освещение событий и нарушение моральных устоев», включая наложение огромных штрафов, способных обанкротить любое масс-медиа, ограничения трансляции по телевидению определенных программ, регламентацию деятельности блоггеров и т.д. После же резкой критики и угрозы применения определенных санкций со стороны ЕС венгерские власти пошли на некоторое «смягчение» закона о СМИ. В частности, были отменены положения о штрафах, налагаемых на иностранные масс-медиа за нарушение данного закона, и отнесении блогов и интернет-дневников к СМИ [224].

В январе 2012 года, ЕС и его институты выступили с критикой венгерского правительства по поводу вступления в силу новой Конституции страны. Согласно заявлению президента Европейской комиссии Ж. М. Баррозу: «Мы надеялись, что венгерское правительство внесет необходимые изменения в соответствии с европейскими законами. Этого пока не произошло, и мы решили прибегнуть к процедуре» [225]. В рамках указанной процедуры Еврокомиссия может наложить на Венгрию штрафы, а также подать на нее в Европейский суд правосудия из-за несоответствия Конституции страны евростандартам в области законотворчества. Также не исключено замораживание любой финансовой помощи Евросоюза Венгрии.

Вместе с тем ЕС не заинтересован в принятии правительством Орбана каких-либо резких шагов вплоть до инициирования выхода Венгрии из его состава. В связи с этим помимо различного воздействия структуры ЕС предпринимают в отношении страны меры, стимулирующие ее к поиску компромисса по наиболее спорным вопросам. Так, Еврокомиссия выразила в июне 2013 года намерение рекомендовать ЕС освободить Венгрию от процедуры чрезмерного дефицита (EDP), введенной после ее присоединения к сообществу. Для Венгрии такое освобождение будет означать снятие угроз сокращения средств, выделяемых ей из фондов развития ЕС, и введения новых налогов на отечественный бизнес [226].

Балансируя, таким образом, между жесткими и мягкими мерами воздействия, ЕС и его структуры добились от правительства Венгрии обещания пойти на уступки по вопросам конституционной реформы и внести требуемые изменения в Основной закон страны осенью 2013 года [227]. Возможно при этом, что Орбан и его соратники стремятся также тем самым снизить уровень критики и протестов со стороны той части общества, которая недовольна теми или иными конституционными изменениями, в преддверие очередных парламентских выборов. Если правительству удастся с помощью очередных изменений Конституции страны добиться улучшения взаимоотношений с ЕС, то последний может в ответ пойти на принятие новых мер, оказывающих благоприятное влияние на социально-экономическую ситуацию в Венгрии. В таком случае у Орбана и его партии может появиться хороший фактор, способствующий вероятной новой победе ФИДЕС на будущих выборах.

Сценарий № 3. Уход или падение правительства В. Орбана и возвращение к власти альянса социалистов и их союзников.

Данный сценарий предполагает, что в преддверие предстоящих в 2014 году парламентских выборах оппозиция, прежде всего под эгидой ВСП, может предпринять ряд действий, призванных максимально подорвать позиции правительства Орбана. Это может быть организация и проведение по всей стране серии акций протеста. Последующее развитие ситуации в этих условиях может пройти по одному из нижеследующих направлений:

1) вовлечение властей и поддерживающих их партий в противостояние с оппозицией, что будет способствовать поражению данных партий на будущих выборах;

2) отставка Орбана с поста премьер-министра и его замена на относительно умеренного представителя коалиции с целью снижения протестной активности оппозиции. Хотя данный вариант развития событий только ослабляет правящую коалицию и способствует ее будущему поражению на выборах.

Таким образом, дальнейшие перспективы общественно-политического развития Венгрии во многом будут зависеть от результатов очередных парламентских выборов и расклада сил в стане потенциальных победителей.

Определенное влияние на данный процесс также будет оказывать фактор взаимоотношений Венгрии с ЕС.

Вывод. Сравнение модернизационных процессов в Венгрии и Казахстане позволяет вывить как общие, так и специфические черты. Прежде всего, с точки зрения представленной в первом разделе настоящего диссертационного исследования типологии модернизации последняя в обеих странах носит неорганический (догоняющий, вторичный) и эндогенно-экзогенный характер.

Вместе с тем с точки зрения темпов проведения модернизации Венгрия пошла откровенно по форсированию данного процесса. Тогда как Казахстан использовал собственную модель «адаптированной модернизации», исходя из специфики и потенциала своего развития. Единственно, что в данном случае объединяет оба государства – это незавершенность, в силу отмеченных в соответствующих разделах настоящего диссертационного исследования факторов, модернизационных процессов.

Поскольку эндогенно-экзогенный характер модернизации предполагает определенное заимствование соответствующими странами определенных элементов, механизмов, институтов и т.д. у стран, прошедших первичную и эндогенную модернизацию, то в данном случае между Венгрией и Казахстаном наблюдаются следующие отличия. Первая из них с самого начала пошла по пути строительства парламентской системы правления, аналогичной таким западноевропейским странам, как Австрия, Германия, Италия и т.д.

Казахстан же в процессе своего государственного строительства выбрал в 1995 году модель, приближенную к смешанной (президентско-парламентской) республике, наиболее состоявшейся во Франции. В связи с этим в его политической системе нашли отражения такие институты французской модели, как двухпалатный парламент, Конституционный совет, право президента страны на роспуск парламента, ответственность правительства перед президентом и парламентом, право парламента на вотум недоверия правительству и т.д.

Венгрию и Казахстан также объединяет то, что продолжительное время обе страны не имели своего суверенитета и пребывали в составе других государственных образований. Самостоятельное развитие их суверенной государственности было прервано в силу различных исторических обстоятельств. В связи с этим Венгрия с 1867 по 1918 гг. пребывала в составе Австрийской, затем Австро-Венгерской империи. Казахстан же с 1731 по 1917 гг. находился в составе Российской империи, а затем до 1991 года – РСФСР и, с 1922 года, Союза ССР. При этом каждая из стран получила свою независимость вследствие распада соответствующих государственных образований.

Примечательно также, что до утраты своей суверенной государственности обе страны развивались в рамках монархического правления, именуясь Венгерским королевством и Казахским ханством соответственно. Однако с обретением своей независимости оба пошли на создание и развитие

республиканской формы правления. Единственно, что в Венгрии в 1920-1944 годах в период диктатуры М. Хорти страна вновь была провозглашена королевством, но со своей спецификой – в формате регентства со стороны Хорти и без наличия законного монарха. В любом случае каких-либо предпосылок для реставрации монархии в современных Венгрии и Казахстане не наблюдается.

При всем этом существенным отличием Казахстана от Венгрии является то, что процесс модернизации ему пришлось проводить одновременно со строительством своей суверенной государственности. Тогда как Венгрия на момент проведения модернизации была суверенным государством с большим историческим опытом самостоятельного развития. К тому же ряд элементов парламентаризма и партийного строительства, имевших место на разных этапах развития Венгрии, заложили хорошие основы для развития данных институтов в посткоммунистический период.

По идейно-политической направленности трансформации политической системы Венгрия и Казахстан являются, во-первых, посттоталитарными и посткоммунистическими республиками, а, во-вторых, сделали добровольный и осознанный выбор в пользу демократического развития. С этой точки зрения обе страны различаются только по подходам, темпам, уровням и формату демократизации общества и государства.

Казахстан, сделав акцент на проведение экономической модернизации, постепенно перешел к вопросам политического реформирования страны. Тогда как в рамках модернизационных процессах в Венгрии преобладает политический компонент. Можно объективно утверждать о том, что Казахстан уступает Венгрии, к примеру, по уровню участия политических партий в управлении страной, разделению властей и активности гражданского общества. Однако Венгрия сильно проигрывает Казахстану, прежде всего, по степени стратегического планирования и последовательности модернизационных процессов. Сменяемость у руководства этой страной разных партий и межпартийных коалиций сохраняет устойчивость политической системы и обеспечивает воспроизводство парламентской демократии. В то же время она не способствует стабильности и преемственности официального политического курса в различных сферах жизнедеятельности общества, вследствие чего в стране часто происходят всевозможные социально-политические потрясения и катаклизмы.

В пользу такого вывода свидетельствует фактическое отклонение действующего правоцентристского правительства во главе с В. Орбаном от прежнего пути демократизации общества и государства. При этом в случае сохранения его у власти в краткосрочной перспективе ожидается укрепление уже развивающейся модели имитационной (управляемой) демократии. В связи с этим можно утверждать о том, что современная Венгрия движется в рамках прерванности процесса демократического развития. Хотя, с другой стороны, возможная смена в 2014 правящей партийной коалиции может нарушить

данное движение и вернуть модернизационные процессы в прежнее демократическое русло.

Нужно признать, что подобная прерванность имела место и в Казахстане в 1995-2003 гг., когда после выстраивания и закрепления качественно новой структуры государственной системы наблюдалось определенное сдерживание в вопросах проведения политических реформ. Однако, как уже отмечалось во втором разделе настоящего диссертационного исследования, это было сделано в интересах проведения преобразований экономического и социального характера. При этом успешное проведение данных преобразований позволило создать в республике благоприятную атмосферу для последующей реализации уж политических инициатив казахстанского руководства.

С учетом всего этого можно сказать о том, что демократизация в Казахстане более соответствует диалектической модели. В то время как Венгрия в настоящее время развивается по одному из вариантов циклической модели демократизации.

Очень важную роль в относительно успешном и последовательном проведении модернизации в Казахстане сыграл персональный фактор, олицетворяемый Президентом Республики Казахстан – Лидером нации Н.А. Назарбаева, который с самого начала взял на себя руководство данным процессом и продолжает нести всю полноту ответственность за него. Логическим завершением начатого Главой государства процесса политической модернизации должно стать принятие мер по укреплению ключевых институтов политической системы страны в направлении повышения их способности обеспечить преемственность проводимого в Казахстане официального политического курса в будущем.

В Венгрии политическая модернизация на первом этапе данного процесса тоже проводилась по инициативе сверху. Однако последующая частота сменяемости у руководства страны партийных коалиций, сформированных ими правительств и назначенных премьер-министров нивелировала значимость персонального фактора в модернизационных процессах. К тому же у Венгрии не оказалось общепризнанных лидеров национального уровня типа В. Гавела в Чехии или Л. Валенсы в Польше, способных выработать оптимальный политический курс, эффективно руководить его реализацией и обеспечивать его поддержкой со стороны общества. Правда, определенные попытки выдвинуться на соответствующие лидерские позиции предпринимает действующий премьер и лидер ФИДЕС В. Орбан. Но все будет зависеть от уровня дальнейшей поддержки проводимой им политики среди избирателей.

Немаловажно также отметить, что для Казахстана, который участвует в интеграционных процессах вместе с Беларусью и Россией в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП) с ориентацией на создание в ближайшей перспективе Евразийского экономического союза, а также заинтересован вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО), представляется полезным изучить опыт

адаптации Венгрии к условиям Европейского Союза. Хотя и Венгрии следует поучиться у Казахстана участию в разного рода межгосударственных объединениях в качестве полноправного участника наравне с другими.

В целом, Венгрия и Казахстан двигаются каждый своим путем в процессе государственного строительства и модернизации в соответствие со своими традициями, опытом, возможностями, ресурсами и т.д. При этом, несмотря на различные сложности и кризисные ситуации, они продолжают ориентироваться на укрепление демократических устоев общества и государства, которые целенаправленно для себя выбрали с начала указанного процесса, с учетом своей страновой специфики. В этом можно усмотреть важнейшее свидетельство продолжающейся консолидации демократии в обеих исследуемых странах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного политологического исследования основных теоретико-концептуальных и прикладных аспектов модернизации позволяют обозначить следующие основные выводы:

Выявлено, что модернизация является, во-первых, перманентным процессом любого общества, предполагающего его передвижение из одного состояния в другое. Во-вторых, сложным и многомерным явлением, зависящим от множества факторов, которые, в свою очередь, обусловлены спецификой развития соответствующего общества. Поэтому в процессе ее проведения особенно важно учитывать традиции, культуру, ментальность, социальный и экономический уклад данного общества.

Уточнено понятие политической модернизации как процесса формирования, развития и распространения таких современных политических институтов, практик и структур, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление соответствующей политической системы к изменяющимся условиям и вызовам современности. В свою очередь, это подчеркивает универсальность модернизации как социально-политического явления.

Обосновано, что в условиях общества переходного типа модернизацию следует рассматривать в контексте политического транзита, представляющего собой совокупность социальных и институциональных преобразований, связанных с продвижением от тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим способам управления. Вместе с тем, если конечной целью политического транзита для соответствующих обществ является установление демократии, то модернизацию нужно рассматривать преимущественно с прагматических позиций как достижение заранее известного и сознательно планируемого результата.

Доказано, что ключевыми показателями успешности и результативности модернизационных процессов следует считать:

а) преждевременность, в свою очередь соответствующую уровню сознания и состоянию культуры соответствующего общества;

б) четкое и, что тоже важно, собственное, а не заимствованное извне, представление о целях, задачах, направлениях и конечных результатах модернизации;

в) достижение консенсуса в соответствующем обществе, в том числе между разными группами политической элиты, по ключевым моментам стратегии и тактики осуществления модернизации;

г) осуществление достаточно гибкого управления деятельностью по подготовке и осуществлению модернизационных мероприятий;

д) обеспечение социальной и политической стабильности в стране.

Установлено, что модернизация Казахстана и его политической системы еще не завершена. С другой стороны, признано отсутствие каких-либо

социальных, политических, экономических и иных предпосылок для форсирования этого процесса в современных условиях развития казахстанского общества и государства. В связи с этим представляется целесообразной тактика руководства республики относительно последовательного характера проведения политических преобразований в среднесрочной перспективе.

Выявлены такие критические моменты в развитии казахстанского общества и государства, как высокий уровень централизации системы государственной власти, заметный дисбаланс в либерализации между экономикой и политикой, закрытость правящей элиты, ограничения для деятельности политической оппозиции и т.д., которые сдерживают их дальнейшую демократизацию. С другой стороны, признано, что уход Казахстана из советского коммунистического прошлого, возврата к которому нет в принципе, предполагает неуклонное движение в направлении дальнейшей демократизации. Тем более, что этот процесс осуществляется в соответствии со стратегическими установками и конкретными задачами, сформулированными Президентом Республики Казахстан – Лидером нации Н.А. Назарбаевым.

Разработаны возможные сценарии дальнейшей демократизации казахстанского общества и государства в процессе модернизации. При этом установлено, что, независимо от выбора того или иного из них, инициатива определения общеконцептуальных и конкретно-содержательных аспектов соответствующих модернизационных мер остается у руководства страны. В свою очередь, это является надежной гарантией реализации рассматриваемых сценариев в относительно стабильном и управляемом русле.

Установлены позитивные и негативные стороны процесса модернизации общества и его политической системы в Венгрии. К первым из них относится, прежде всего, то, что данный процесс имел серьезные социально-экономические основания, а также стал результатом волеизъявления бывшего руководства страны, поступившегося своей властью и обусловленным ею социальным положением. Тогда как самым серьезным минусом было и остается отсутствие у политических элит данной страны общих идей и стратегических ориентиров относительно дальнейшей реализации рассматриваемого процесса.

Определено, что с приходом к руководству Венгрией в 2010 году правоцентристской коалиции, сформированной победившими на парламентских выборах партиями ФИДЕС - Венгерский гражданский союз и Христианско-демократическая народная партия (ХДНП), и образованного ею правительства во главе с лидером первой из этих партий В. Орбаном и по мере проводимых им политических преобразований наблюдается определенная прерванность процесса демократического развития. В связи с этим в настоящее время наблюдается тренд на формирование в стране модели имитационной (управляемой) демократии. С другой стороны, признано, что перспективы

такой тенденции остаются достаточно не ясными, поскольку ее может нарушить возможная смена правящей партийной коалиции и правительства.

Разработаны возможные сценарии дальнейшего общественно-политического развития венгерского общества и государства в процессе модернизации. При этом сама реализация и уровень успешности каждого из них будут максимально зависеть от результатов очередных парламентских выборов, которые состоятся в Венгрии в 2014 году, и образованного вследствие их соотношения ведущих политических сил страны.

Установлены следующие основные общие черты модернизационных процессов в Венгрии и Казахстане:

- неорганический (догоняющий, вторичный) и эндогенно-экзогенный характер модернизации;
- постимперский и посттоталитарный (посткоммунистический) характер развития;
- целенаправленный выбор в пользу демократизации системы общественных отношений в качестве стратегического курса развития государства;
- незавершенность (частичность) модернизационных процессов по состоянию на текущий период.

Определены следующие основные различия модернизационных процессов в Венгрии и Казахстане:

- форсированный процесс политической модернизации в Венгрии и выбор Казахстаном собственной модели «адаптированной модернизации»;
- установление Венгрией парламентской республики, а Казахстаном – смешанной (президентско-парламентской) модели правления;
- начало модернизационных процессов в Венгрии со смены политического режима и соответствующей ему системы общественных отношений и в Казахстане – с выбора эффективной стратегии строительства национального суверенного государства;
- наличие стратегического планирования модернизационных процессов в Казахстане и отсутствие такового в Венгрии;
- отдача Казахстаном приоритета социально-экономическим, а Венгрией – политическим преобразованиям;
- реальное участие политических партий в управлении страной в Венгрии и отсутствие формата соответствующего партийного участия в Казахстане;
- обеспечение стабильности и преемственности официального политического курса в Казахстане и отсутствие соответствующей политической практики в Венгрии;
- ключевая роль фактора национального лидера в Казахстане и отсутствие такового в Венгрии;
- определенное влияние на развитие Венгрии со стороны Европейского Союза, в состав которого она входит с 2004 года, и самостоятельное развитие Казахстана.

Таким образом, настоящая диссертационная работа выполнила свою цель, направленную на проведение комплексного исследования теоретических и прикладных аспектов политической модернизации с учетом результатов сравнительного анализа опыта ее проведения в Казахстане и Венгрии в условиях переходного периода, и составляющие ее задачи.

Полнота решения поставленных задач обоснована определением теоретико-методологических основ исследования политической модернизации Казахстана как суверенного государства с учетом промежуточных итогов и ключевых трендов настоящего времени, проведением сравнительного анализа данного процесса в Казахстане и Венгрии и применением метода сценариев при определении дальнейших перспектив развития обоих исследуемых государств в контексте модернизации

Разработка рекомендаций и исходных данных по практическому использованию данных. Выводы и результаты диссертационного исследования позволяют сделать рекомендации в рамках практического использования в научной и образовательной сферах.

Оценка научного уровня выполненной работы в сравнении с лучшими достижениями в данной области. Научное значение данного исследования заключается в его целях, задачах, объекте и предмете. Исследование способствует более глубокому анализу основных предпосылок, условий, положительных и отрицательных сторон процесса модернизации с учетом отечественного и зарубежного опыта.

Оценка технической и экономической эффективности внедрения. Выявлены оптимальные варианты проведения модернизации политической системы Казахстана, ориентированные на ее поступательное развитие, с одной стороны, и обеспечение преемственности официального политического курса, с другой стороны, что может быть использованы руководством республики при определении дальнейших задач и путей их решения в рамках реализации уже обозначенных им стратегических целей по дальнейшему развитию общества и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А. Назарбаев народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (Астана, 14 декабря 2012 года) // Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» (Астана, 14 декабря 2012 г.): материалы мероприятий, посвященных обсуждению Послания Главы государства / отв. ред. Б.К. Султанов. - Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2013. – С. 7.
- 2 Кумеков Б.Е. Казахи и венгры общие исторические корни // Қазақстан ғылыми әлемі - Научный мир Казахстана. - 2008.- №1. - С. 62.
- 3 Каримова Р., Тохтабаева Ш. Казахстан – Венгрия: культурные связи в прошлом и настоящем // Казахстанская правда. – 2012, сентябрь - 7.
- 4 Сотрудничество Республики Казахстан с Венгерской Республикой // <http://www.mfa.gov.kz>.
- 5 Казахстан и Венгрия намерены сотрудничать в области реформы государственной службы // Казинформ. – 2013, март – 2.
- 6 Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: A Development Approach. – Boston: Toronto, 1966.
- 7 Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. - Englewood Cliff: Prentice Hall, 1968.
- 8 Bendix R. Kings or people: Power and the mandate to rule. - Berkeley: University of California Press, 1980.
- 9 Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. - N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
- 10 Levy M.J. Modernization of Society. - Princeton, 1966.
- 11 Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. - New York; London, 1965.
- 12 Pye L. Politics, Personality, and National Building. - New Haven and London, 1962.
- 13 Парсонс Т. Система современных обществ. - М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
- 14 Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. - Cambridge, 1960.
- 15 Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1998. – 688 с.
- 16 Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- 17 Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. - 1998. - № 8. - С. 14-26.
- 18 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. - М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.
- 19 Alexander J. C. Modern, Anti, Post and Neo: How Intellectuals Have Tried

to Understand the Crisis of Our Time // *New Left Review*. - 1995. - № 210. - P. 63-102.

20 Бауман З. Спор о постмодернизме // *Социологический журнал*. - 1994. - № 4. - С. 70-79.

21 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 384 с.

22 Гидденс Э. Последствия модернити. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - С. 101-122.

23 Дракер П. Посткапиталистическое общество. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. - С. 67-100.

24 Инглегарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. - М.: Новое издательство, 2011. - 464 с.

25 Крауч К. Постдемократия. - М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2010. - 192 с.

26 Lash S. *Post-Structuralist and Postmodernist Sociology*. Sussex. - Edward Elgar, 1991. - P.

27 Тоффлер Э. Третья волна. - М.: АСТ, 2010. - 784 с.

28 Турен А. Социальные изменения двадцатого столетия // *Социологическое обозрение*. - 2002. - Т.2, № 4. - С. 49-54.

29 Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. Политические работы / сост. А. В. Денежкина. - М.: Праксис, 2005. - С. 7-31.

30 Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 416 с.

31 Аринин А.Н. Участие общества в преобразованиях как условие успешной модернизации страны. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / отв. ред. А.Н. Аринин. - М.: РОССПЭН, 2010. - С. 137-143.

32 Гавров С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. - М.: МГУДТ, 2010. - 269 с.

33 Гаджиев К.С. Проблема модернизации и политической демократии. Политическая культура: теория и независимые модели / сост. Д. В. Гудименко. - М.: Интерпракс, 1994. - С. 26-34.

34 Иноземцев В.Л. Что такое модернизация и готова ли к ней Россия? // *Модернизация России: условия, предпосылки, шансы: сборник статей и материалов* / под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. - Вып. 1. - С. 5-82.

35 Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. - М.: РОССПЭН, 1998. - 308 с.

36 Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // *Вопросы философии* - 1993. - № 7. - С. 40-56.

- 37 Панкратов С.А. Модернизация России: опыт социально-политического анализа. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. - 234 с.
- 38 Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: УрПГУ, 1999. - С. 16-25.
- 39 Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. - 2002. - № 12. - С. 3-21.
- 40 Andor L. The Political Economy of Dual Transformations: Market Reform and Democratization in Hungary. Review of Radical Political Economics. - 1999, december. - Vol. 31, issue 4. - P. 193-199.
- 41 Andork R. Rural-urban differences in income level and in living conditions in Hungary. Landscape and Urban Planning. – 1993, december. – Vol. 27, issue 2–4. - P. 217 - 222.
- 42 Баба И. 1990: Смена системы в Венгрии. Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях / под ред. Л.Н. Шишелиной. – М.: Проспект, 2009. – С. 32-47.
- 43 Барта Э. Изменений в лучшую сторону не вижу, только в худшую: класс и этнос в Венгрии после смены режимов. Раздумья. Смена режима глазами венгров (1989-2009) / под ред. Т. Крауса и Е. Варги. – М.: Архивный институт Культурного, научного и информационного центра Венгерской республики в Москве, 2009. – С. 216-232.
- 44 Гомбар Ч. О Венгрии, о нас самих. Линии раскола, история, государство. Холодная гражданская война. Раскол венгерского общества / под ред. И. Калинина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 8-47.
- 45 Желицки Б. Венгрия на старте демократических преобразований государственно-политической и экономической системы (1989–1994) // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия) / отв. ред. Ю.С. Новопашин. - М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 86-150.
- 46 Кешкенъ Э. События, предшествовавшие смене режима: Венгрия и Советский Союз в конце 1980-х годов // Звезда. – 2011. - № 3. - С.158-167.
- 47 Краус Т. Несостоявшаяся революция: от государственного социализма к транснациональному капитализму // Тезисы к исторической интерпретации смены общественного строя (1989-1991). Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. – М.: РОСПЭН, 2011. – С. 67-78.
- 48 Meszaros T. Changes in economic management systems in Hungary and other east European countries. Futures. – 1989, december. – Vol. 21, issue 6. - P. 632-639.
- 49 Сигети П. Расцвет и закат социал-демократии в Венгрии (1989-2008). Раздумья. Смена режима глазами венгров (1989-2009) / под ред. Т. Крауса и Е. Варги. – М.: Архивный институт Культурного, научного и информационного

центра Венгерской республики в Москве, 2009. – С. 175-191.

50 Силади А. Холодная гражданская война. Уживутся ли два венгерских средних класса в одном государстве? Холодная гражданская война. Раскол венгерского общества / под ред. И. Калинина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 48-115.

51 Simon J. Post-paternalist political culture in Hungary: Relationship between citizens and politics during and after the “melancholic revolution” (1989 – 1991). *Communist and Post-Communist Studies*. – 1993, june. – Vol. 26, issue 2. - P. 226-238.

52 Speiser F., Meszaros J., Solymosi N. Spatial distribution of political parties in Hungary 1990–2006. *Political Geography*. – 2007, september. – Vol. 26, issue 7. - P. 804-823.

53 Тельдеши П. Перегруженная демократия. Что не так с венгерской политикой, и можно ли (вообще) ей помочь? Холодная гражданская война. Раскол венгерского общества / под ред. И. Калинина. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 116-167.

54 Тютё Л. Там где есть демократия, есть и тирания? Смена режима в ожидании чуда - демократия разочарований. Раздумья. Смена режима глазами венгров (1989-2009) / под ред. Т. Крауса и Е. Варги. – М.: Архивный институт Культурного, научного и информационного центра Венгерской республики в Москве, 2009. – С. 7-20.

55 Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства // Назарбаев Н.А. Пять лет независимости. Из докладов, выступлений, и статей Президента Республики Казахстан. – Алматы: Қазақстан, 1996. – С. 86-128.

56 Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. - Алматы: Өнер, 1996. - 288 с.

57 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» (Астана, 10 октября 1997 г.). Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. – М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – С. 343-367.

58 Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие - Алматы: Атамұра, 2003. - 240 с.

59 Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. - Караганда: Атамұра, 2006. - 372 с.

60 Абсаттаров Р.Б. Национальные процессы: особенности и проблемы. – Алматы: Ғылым, 1995. – 248 с.

61 Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. - Астана: Елорда, 2002.- 304 с.

62 Аяган Б.Г., Бурханов К.Н., Султанов Б.К. Современная политическая история Казахстана (1985-2006 гг.). – Алматы: Издательский центр Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2006. – 264 с.

63 Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация

общества переходного периода. - Алматы: Өнер, 1997. - 256 с.

64 Булуктаев Ю.О. Политический режим и посткоммунистическая трансформация: теория, методология, практика. - Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента РК, 2008. - 384 с.

65 Джунусова Ж.Х. Республика Казахстан: Президент. Институты демократии. - Алматы: Жеті жарғы, 1996. - 208 с.

66 Ертысбаев Е.К. Демократизация в Казахстане: 1990-2000 годы. Выступления, статьи и исследования. – Алматы: Атамұра, 2001. – 352 с.

67 Кадыржанов Р.К. Консолидация политической системы Казахстана: проблемы и перспективы. - Алматы: Институт философии и политологии МНиВО РК, 1999. - 166 с.

68 Кармазина Л.И. Проблемы развития партийного плюрализма казахстанского общества на этапе его демократического транзита // Республика Казахстан: перспективы демократических реформ: Материалы республиканской научно-практической конференции. – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 1998, декабрь - 22. – С. 90-95.

69 Касымбеков М.Б. Институт президентства как инструмент политической модернизации. - Астана: Акмолинская полиграфия, 2002. - 278 с.

70 Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целедостижение. – Алматы: Аналитический центр «Стратегия», 2001. – 196 с.

71 Нысанбаев А., Машан М., Мурзалин Ж., Тулегулов А. Эволюция политической системы Казахстана // В 2 т. – Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 2001. – Т.1. – 352 с.; Т.2. – 544 с.

72 Сейлеханов Е.Т. Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. - Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. - 296 с.

73 Тасмагамбетов И.Н. Социально-политическое обновление Казахстана: Тенденции и приоритеты.- Алматы: ИРК, 1996. - 190 с.

74 Чеботарёв А.Е. Государственное строительство в Казахстане: процессы и итоги 20-летия // Казахстан в глобальных процессах. – 2011. - № 4. – С. 83-90.

75 Шаукенова З.К. Новый этап социальной модернизации в Казахстане // Адам әлемі - Мир человека.- 2012. - № 2. - С. 3-6.

76 Васильев Л.С. Модернизация как исторический феномен (о генеральных закономерностях эволюции). – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. – С. 88.

77 Модернизация и глобализация: образы России в XX веке / отв. ред. В.Г. Федотова. - М.: Институт философии РАН, 2002. – С. 12.

78 Мухаев Р.Т. Теория политики. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 463.

79 Панкратов С.А. Модернизация как исторический феномен: учебно-методическое пособие. - Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – С. 6.

80 Бентли Дж. Эссе по глобальной и сравнительной истории. Образы мировой истории в научных исследованиях двадцатого века // <http://www.nsu.ru>.

- 81 Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии. Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетия. Четвертые всероссийские историко-педагогические чтения. – Екатеринбург: Изд-во УрПГУ, 2000. – С. 108.
- 82 Добренев В.И., Кравченко А.И. История зарубежной социологии. – М.: Академический проект, 2005. – С. 627.
- 83 Алексеев В.В., Побережников И.В. Школы модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. – 2000. – № 5-6. – С. 17.
- 84 Поляков А.В. Модернизация: сущность, акторы, векторы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 44.
- 85 Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 389.
- 86 Шумилов В.К. Либеральный ракурс: осмысливая теорию модернизации // Вестник Чувашского государственного университета. – 2006. – № 6. – С. 23.
- 87 Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 470.
- 88 Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М.: Весь мир, 2001. – С. 246.
- 89 Кирчанов М.В. Политическая модернизация. Проблемы теории и опыт модернизации внутренней российской периферии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. – С. 95.
- 90 Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Минск: Харвест, 1998. – С. 41.
- 91 Голованов А.В. Переходное состояние общества как фактор динамизации социально-экономической жизни регионального социума // Регионология. – 2007. – № 3. – С. 32, 33.
- 92 Монро П. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2000. – С. 72.
- 93 Коломиец В.К. К проблеме исторического «аналога» политического процесса (историческая память в модернизирующемся обществе: итальянский вариант). Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 175.
- 94 Дегтярев А.А. Основы политической теории. – М.: Высшая школа, 1998. – С. 156.
- 95 Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. – Астана: Елорда, 2002. – С. 57.
- 96 Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. – С. 211.
- 97 Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. – 1993. – № 3. – С. 43.

- 98 Политология: учебник / под ред. А. Ю. Мельвиля. – М.: Проспект, 2004. – С. 359.
- 99 Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты. Теоретико-методологические и прикладные аспекты. - М.: МОНФ, 1999. - С. 167.
- 100 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире». 28 февраля 2007 г. // <http://www.akorda.kz>.
- 101 Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. - М.: Academia, 1999. – С. 263.
- 102 Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. - СПб.: Амфора, 2007. – С. 7 - 8.
- 103 Узланер Д. Постдемократический мир корпораций // Русский журнал. – 2010, ноябрь - 22.
- 104 Пабст Э. Рыночное государство и постдемократия // Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Европа, 2010. – С. 240.
- 105 Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. – 2000. - № 4. - С. 11.
- 106 Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. – 1997. – № 3. – С. 14.
- 107 Васильев Л.С. История Востока. – М.: Юрайт, 2011. – Т.2. – С. 63.
- 108 Авдокушин Е.Ф. Международные экономические отношения. – М.: Юрист, 1999. – С. 292-293.
- 109 Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. - М.: Культурная революция, 2008. – С. 106.
- 110 Аберкромби Н., Хилл С, Тернер Б.С. Третьего пути политика. Социологический словарь. - М.: Экономика, 2004. – С. 154.
- 111 Громыко А.А. Реформизм в условиях глобализации (Об идеях и концепциях «Третьего пути»). Сравнительно-политологические исследования / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2000. – С. 45.
- 112 Козловский А.А. Типы социальной политики – американский вариант // Общество и экономика. - 1997. - № 1-2. - С. 98.
- 113 Федотова В.Г. Европейский «третий путь» и его символическое значение для России и других стран // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 12.
- 114 Хенкин С. От авторитарной к демократической модернизации: опыт Испании // Модернизация, авторитаризм и демократия: сборник материалов конференции. – М.: ИМЭМО РАН, 2010, март 29. – С. 75.
- 115 Погосян В.Г. Критика западнцентристской модели социально-экономической модернизации // Экономический журнал. – 2008. – № 3. – С. 23.
- 116 Лицарева Е.Ю. Причины и сущность интеграционных процессов на

Европейском и Азиатском континентах в конце XX века // Вестник Томского государственного университета. - 2003. - № 276. – С. 31-32.

117 Смирнов А. Экономическое чудо в Южной Корее: уроки для России. Агентство политических новостей. – 2012, июль - 12.

118 Ким Г.Н. Республика Корея. – Алматы: Дайк-пресс, 2010. – С. 151.

119 Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки в новейшее время. – Кемерово: КГУ, 1997. – С. 153.

120 Мирзаян Г. По пути Хомейни // Эксперт. – 2012. - № 1. – С. 22.

121 История Казахстана с древнейших времен до наших дней / под общей ред. А.Б. Гали, Ж.К. Касымбаева. – Алматы: Уш Киян, 2003. – С. 495.

122 Морозов А. 1990-2007: эволюция демократии в Казахстане // Байтерек. – 2007, июль. - № 3. – С. 27.

123 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики: Демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии» (Астана, 30 сентября 1998 г.) // <http://www.akorda.kz>.

124 Об учреждении должности Уполномоченного по правам человека. Указ Президента Республики Казахстан от 19 сентября 2002 года № 947 // Юридический справочник «Законодательство».

125 Сабыралы А. Национальный политический диалог как условие демократической модернизации // ЭкспрессК. – 2007, май – 16.

126 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год» (Астана, 4 мая 2003 г.) // <http://www.akorda.kz>.

127 Президент Нурсултан Назарбаев о новом этапе демократизации казахстанского общества // Казинформ. – 2004, июнь - 15.

128 Кононович Е. Демократия есть «правление через обсуждение» // Казахстанская правда. – 2004, ноябрь - 11.

129 Госкомиссию по разработке и конкретизации программы демократических реформ в РК возглавит Глава государства // Казинформ. – 2006, март - 24.

130 Конституционный закон Республики Казахстан от 19 июня 2007 года № 266-3 «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан» // Юридический справочник «Законодательство».

131 Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 года (утвержден Указом Президента РК от 1 февраля 2010 года № 922) // Юридический справочник «Законодательство».

132 Государственная программа «Путь в Европу» на 2009-2011 годы (Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 29 августа 2008 года № 653) // Юридический справочник «Законодательство».

133 Назарбаев: ни одна нацвалюта не годится на роль единой валюты в ЕАС // РИА Новости. – 2011, ноябрь - 19.

134 Болдонов А.Л., Башинова Т.Д., Тармаханов Е.Д. Краткий словарь-гlossарий по политологии. - Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный технологический университет, 2005. – С. 84.

135 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» 27 января 2012 г. // <http://www.akorda.kz>.

136 Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. – 2012, июль - 10.

137 Казанцева О. Срочность оправдана важностью // Казахстанская правда. – 2012, ноябрь - 13.

138 Президент РК подписал Концепцию развития местного самоуправления в Республике Казахстан // Zakon.kz. – 2012, ноябрь - 29.

139 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Рост благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики» (Астана, 6 февраля 2008 г.) // <http://www.akorda.kz>.

140 Новый этап демократизации Казахстана - ускоренное развитие свободного демократического общества. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на совместном заседании Палат Парламента Республики Казахстан. - Астана, 2007, май - 16 // <http://www.akorda.kz>.

141 Цель Казахстана - построение солидного экономического фундамента и демократического общества - Президент РК // «Казинформ». – 2005, июнь – 14.

142 Президент Казахстана убежден, что приоритетом развития страны должна быть экономика, потом политика // Gazeta.kz. – 2005, сентябрь - 14.

143 2004 год для Казахстана был успешным, считает Глава государства. Сегодня в своей столичной резиденции он провел встречу с аккредитованными в республике дипломатами // Хабар. – 2004, декабрь - 14.

144 Саидов А. Партий в Казахстане мало. Зато есть группа протопартий // Литер. – 2011, июнь – 9.

145 Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на открытии международной конференции «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения – как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны» // Национальное информационное агентство Узбекистана (УзА). – 2012, февраль - 17.

146 Неправительственные организации Казахстана: вчера, сегодня, завтра / под ред. Чупрыниной И. – Алматы: UNDP in Kazakhstan, 2002. – С. 11.

147 Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 27 июня 1991 года «Об общественных объединениях в Казахской ССР» // Юридический справочник «Законодательство».

148 Гражданский Кодекс Республики Казахстан (Общая часть) // Юридический справочник «Законодательство».

149 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «К свободному, эффективному и безопасному обществу» 24

октября 2000 г. // <http://www.akorda.kz>.

150 Общество и НПО: реалии и перспективы // <http://www.intellwomen.ucoz.kz> 2008, март - 29.

151 Необходимо обеспечить взаимодействие госорганов и НПО – Президент // Казинформ. – 2003, октябрь - 15.

152 Обзор состояния неправительственного сектора в Казахстане и перспективы развития // Национальный доклад. – Астана: Гражданский альянс Казахстана, 2009. – С. 43.

153 НПО, СМИ и государственные органы: ключи к эффективному сотрудничеству. Практическое руководство / под ред. Абрамова В. – Алматы, 2009.

154 Таблица составлена на основе данных предоставленных Центром актуальных исследований «Альтернатива».

155 Концепция государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан (Одобрена постановлением Правительства Республики Казахстан от 23 января 2002 года № 85) // Юридический справочник «Законодательство».

156 Программа государственной поддержки неправительственных организаций Республики Казахстан на 2003-2005 годы. Утверждена постановлением Правительства Республики Казахстан от 17 марта 2003 года № 253) // Юридический справочник «Законодательство».

157 Закон Республики Казахстан «О государственном социальном заказе» от 12 апреля 2005 года №36-III ЗРК // Юридический справочник «Законодательство».

158 Концепция развития гражданского общества в Республике Казахстан на 2006-2011 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 25 июля 2006 года № 154 // Гражданское общество в Республике Казахстан: концептуальные основы и реальность развития / отв. ред. Лапинс В., Чеботарев А.Е. – Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива», Представительство Фонда им. Ф. Эберта в Казахстане, 2011. – С. 13-14.

159 Нукежанов Е.Б. Развитие и проблемы неправительственных организаций в формировании гражданского общества в Казахстане // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия «Психология, социология». - 2007. - № 12 . – С. 60.

160 Сатпаев Д.А. Особенности протогражданского общества в Казахстане. Гражданское общество в Республике Казахстан: концептуальные основы и реальность развития / отв. ред. Лапинс В., Чеботарев А.Е. – Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Представительство Фонда им. Ф. Эберта в Казахстане, 2011. – С. 68.

161 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Новое десятилетие – новый экономический подъем – новые возможности Казахстана» (Астана, 29 января 2010 г.) // <http://www.akorda.kz>.

162 Чеботарев А. Председательство и реформы – вещи разные //

Известия-Казахстан. – 2010, июнь - 3.

163 Васильев Е. Казахстан выбрал Лидера-созидателя // Казахстанская правда. – 2011, апрель - 8.

164 Выступление Лидера Нации Н.А. Назарбаева на церемонии вступления в должность Президента Республики Казахстан 08.04.2011 г. // <http://www.akorda.kz>.

165 Дрозд Н. Собрание демократической общественности серьезно изменило политическую ситуацию в стране // Панорама. – 2002, январь – 25.

166 Адилова Л. Комплекс брендовых составляющих современного Казахстана: симулякры и реальность // <http://www.ia-centr.ru>. – 2008, апрель - 24.

167 Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XI внеочередном съезде НДП «Нур Отан». - Астана, 2007, июль - 4 // <http://www.akorda.kz>.

168 Солозобов Ю. Конституционная реформа в Казахстане: без заимствований и революций // Zakon.kz. – 2007, июнь – 1.

169 Осень 2011-го // сайт Института политических решений <http://www.ipr.kz>. – 2011, ноябрь - 22.

170 Состав акимов регионов Казахстана по итогам выборов обновился на 28,8% - глава ЦИК РК // Zakon.kz. – 2013, август - 10.

171 Ростовский М. Личность есть, а культа нет? // Московский комсомолец. – 2012, апрель - 4.

172 Сатпаев Д., Умбеталиева Т., Чеботарёв А., Жумалы Р., Кадыржанов Р., Каражанов З., Сарым А., Жусупова А. «Сумеречная зона» или «ловушки» переходного периода. – Алматы: Альянс Аналитических Организаций, 2013. – С. 249.

173 Политические партии Казахстана: сегодня и завтра: методическое пособие. – Алматы: ОФ Социальная перспектива, 2009. – С. 5-38; 51-63; 99-115.

174 Байжанов Е. Политическая модернизация: поиск оптимальной модели // Казахстанская правда. – 2006, июль - 15.

175 Бурханов К. Большой «Казахстанский транзит» // Казахстанская правда. – 2007, июль - 6.

176 Пидлуцкий О. Янош Кадар: создатель «гуляш-социализма» // Gazeta.zn.ua. – 2007, июль - 6.

177 Баллаи Л. Опыт управления социалистической экономикой в Венгрии. – М.: Политиздат, 1989. – С. 29.

178 Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. От стабилизации к кризису (1966-1989) / отв. ред. Б.А. Шмелев. - М.: Наука, 2002. – Т. 2. - С. 395.

179 Корнаи Я. Макростабилизация в Венгрии: политэкономический взгляд // Мировая экономика и международные отношения. - 1999. - № 2. – С. 36.

- 180 Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. – М.: Весь мир, 2002. – С. 593.
- 181 Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация.– М.: АСТ, 2004. - Книга 2. – С. 112.
- 182 Шестаков Б. Уметь слушать и убеждать. Карой Грос (Венгрия). О них говорят / сост. В.М. Пасечник. - М.: Политиздат, 1989. - С. 61.
- 183 Власть - общество - реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. - М.: Наука, 2006. – С. 186.
- 184 Шишелина Л.Н. Грустное торжество, или Венгрия двадцать лет спустя // Неприкосновенный запас. – 2007. - № 6. – С. 34.
- 185 История государства и права зарубежных стран / под ред. О.А. Жидкова и Н.А. Крашенинниковой. – М.: Норма, 1999. – С. 427.
- 186 Кречетников А. Самая бархатная революция // BBC Russian. – 2009, октябрь - 23.
- 187 Усиевич М.А. Десятилетие реформ в Венгрии. 90-е годы XX в. // Новая и Новейшая история. - 2002. - № 5. - С. 84.
- 188 Евстигнеев Р. Сравнение трансформационных процессов в постсоциалистических странах // Международный диалог. - 1999. - № 1. - С. 83.
- 189 Заболотный Н.А. Новейшая история стран Европы и Северной Америки. Конец XX - начало XXI века. – М.: АСТ, 2004. – С. 327.
- 190 Венгры высказались на референдуме за вступление в ЕС // NEWSru.com. – 2003, апрель - 13.
- 191 Актуальные проблемы Европы. Европейский союз после расширения / сост. Гусаров Ю.О. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 154.
- 192 Сумароков В. Н., Сумароков Н. В. Расширение Европейского союза и внешнеэкономические связи России. – М.: Финансы и статистика, 2006. – С. 112.
- 193 Тибо П. Безвольный прагматизм. Какой курс нужен Европе? // Свободная мысль. – 2007. - № 1. - С. 49.
- 194 Орлик И.И. Центрально-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. - 2009. - № 2. – С. 26.
- 195 Шишелина Л.Н. Восточная Европа: два десятилетия между Москвой и Брюсселем // Современная Европа. - 2008. - № 4. - С. 78.
- 196 Венгерский премьер подал в отставку // УТРО.ru. – 2004, август - 19.
- 197 Дюрчань, Ференц. Бывший премьер-министр Венгрии // [http: www Lenta.ru](http://www.Lenta.ru).
- 198 Официальный визит Президента Российской Федерации В.В. Путина в Венгрию. - Будапешт, 2006, февраль // [http: www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru).
- 199 В Венгрии закончились парламентские выборы // ПОЛИТ.РУ. – 2006, апрель - 23.
- 200 Яшлавский А. Магьяры узнали, что они бедные // Московский комсомолец. – 2006, сентябрь - 19.

- 201 Степанов Г. Беспорядки в Венгрии: бунт или революция? // Известия. – 2006, сентябрь - 20.
- 202 В Венгрии завершился референдум по реформам // Газета.Ru. – 2008, марта - 9.
- 203 Информация Торгпредства РФ в Венгерской Республике за вторую половину апреля 2009 г. // [http: www.economy.gov.ru](http://www.economy.gov.ru).
- 204 Парламентские выборы в Венгрии завершились убедительной победой правоцентристов // Корреспондент.net. – 2010, апрель - 12.
- 205 Венгерский парламент принял новую конституцию // Lenta.ru. – 2011, апрель - 18.
- 206 Децентрализация: эксперименты и реформы. Органы местного самоуправления в Центральной и Восточной Европе. – Будапешт: Институт открытого общества, 1999. – С. 67.
- 207 Будапешт дал невиданные права нацменьшинствам Венгрии // Finugor. – 2011, декабрь - 21.
- 208 Национальные меньшинства и этнические группы в Венгрии // Факты о Венгрии. – 2000. - № 2. – С. 4.
- 209 Семушин Д. Этнобизнес и уроки для Латвии, Эстонии и России: Венгрия за неделю // REGNUM. – 2011, январь - 16.
- 210 Рутцен Д., Дюрам М., Мур Д. Законодательство в отношении НПО в Центральной и Восточной Европе. – Вашингтон: Международный центр некоммерческого права, 2009. – С. 5-6.
- 211 Хадзи-Мицева К. Правовые и институциональные механизмы сотрудничества НПО и правительства в Хорватии, Эстонии и Венгрии. – Будапешт: Европейский центр некоммерческого права, 2007. – С. 7-8.
- 212 Лейпхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. - 1995. - № 5. - С. 136.
- 213 Арато А. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание - и направления для дальнейших исследований // Полис. – 1995. - № 3. – С. 50.
- 214 Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П. Очерк трансформации в Венгрии // Социологические исследования. - 2002. - № 5. - С. 51.
- 215 В Венгрии лишат стипендий непатриотичных студентов // Lenta.ru. – 2013, март - 12.
- 216 В Венгрии прошла демонстрация против изменения конституции // Lenta.ru. – 2013, март -17.
- 217 Парламент Венгрии изменил конституцию, несмотря на критику ЕС и США // РИА Новости. – 2013, март - 12.
- 218 Страны переходного периода 2013: Авторитарная агрессия и давление режима строгой экономии // [http: www.freedomhouse.org](http://www.freedomhouse.org).
- 219 Жильден А. Венгрия: император Виктор Орбан // Голос России. – 2012, январь - 12.
- 220 Важони Д. Венгрия: Консервативная контрреволюция // Aitrus.info. –

2012, январь - 8.

221 Независимость Венгрии поставила под удар идеалы Евросоюза // UA-REPORTER.COM. – 2013, июль - 4.

222 Венгрия обвиняет ЕС во вмешательство в дела страны в советском стиле // The Baltic Course. – 2013, июль - 8.

223 Венгрия закрывает представительство МВФ в Будапеште // FINMARKET.RU. – 2013, июль - 16.

224 Венгрия смягчила закон о СМИ по требованию Евросоюза // ПРАВО.RU. – 2011, март - 12.

225 ЕС может применить санкции к Венгрии из-за «экстремистской» Конституции // РИА «Новый регион». – 2012, январь - 18.

226 Пока Виктор Орбан празднует победу, венгры продолжают покидать страну // UA-REPORTER.COM. – 2013, июнь - 3.

227 Венгрия меняет конституцию по требованию ЕС // Коммерсантъ. – 2013, август - 26.